

Гемриил Рахмилов

Беньягу

семейные хроники

КНИГА 1 серии «Горские евреи»

*Издательство Литературного
объединения горских евреев России*

Москва 2021

Рахмилов Г.И.

Беньягу. Книга 1 серии «Горские евреи» – М.: Издательство Литературного объединения горских евреев России, 2021, 377 с.

Внимание читателей предлагается книга о судьбе человека, представителя одного из самобытных народов Кавказа, горских евреев, в контексте исторических событий на юге Российской империи с конца XIX века по 1916 год. Многообразие образов и сюжетов дадут читателям возможность оценить жизненный уклад и нравы горских народов, характер и градус их внутриобщинного и межэтнического общения.

***Тексты частушек,
переводы и примечания:***

Гемриил Рахмилов

Главный редактор:

Гиля Шамилли

Редакторы:

Данил Данилов
Илья Горский

***Фото на обложке: вид со
стороны аула Куруш на
высочайшую гору
Дагестана – Базардюзю***

Тофик Алимуратов

***Обратная связь с
автором:***

gemriil@mail.ru

Тираж 100 экз.

© Рахмилов Г.И., 2020

Гемриил Рахмилов



Беньягу

От автора

Уважаемый читатель! Перед Вами книга «Беньягу» — первая из запланированных к изданию в серии семейных хроник под названием «Горские евреи». Серия «Горские евреи» — о жизни нескольких поколений представителей самобытного народа новой родиной которого, согласно исследованиям, начиная с VI века, является территория от побережья Каспийского моря на востоке до самого сердца Кавказских гор на западе. Этот народ, представителем которого являюсь и я, определяет себя и свой родной язык самоназваниями «джууро» и «джуури» соответственно. Почему я отмечаю словом «новая» понятие о родине? Ведь родина, в обычном и наиболее правильном смысле — это та земля, то место, город, село, где Вы появились на свет. Однако для этносов иудейского вероисповедания, каким является и «джууро», «кавкази», как их различают в Израиле, определение слова «родина», ее истинное местоположение имеет и сакральный оттенок. «Хори Бебео»ⁱ — так обозначают джууро место своего исхода, имея ввиду землю, дарованную Богом ветхозаветным праотцам еврейского народа — Аврааму, Исааку и Иакову.

Размышления об этом отражены в одном из моих ранних стихотворений:

*«Скажи, еврей, где родина твоя?» —
Готового не предложу ответа:*

ⁱ Хори Бебео – Земля праотцов – перевод с джуури.

*Быть может, город, где родился я,
Там, где подрост и где могилы предков.*

*А может, родина там, где вырослел,
Крупницы зрелой жизни просевая,
Учился и работал между дел
Теплом отцовским сыновей питая.*

*Возможно, родина там, где семья,
Куда уехали в безвременье евреи:
Где отчий дом, где мама ждет меня
И с разных мест собрались иудеи.*

*Так, где она? Ты просвети меня –
Какая главная у родины примета?
«Все просто, – скажешь. – Родина одна!»
А у меня простого нет ответа.*

В основе художественного произведения жизнь нескольких семей горских евреев в контексте общей этноисторической картины последних ста пятидесяти и более лет на примере десятков реальных и вымышленных колоритных героев.

Каждая из книг этой серии, в том числе и представленная вниманию читателей, в силу полного воплощения конкретных сюжетных линий может читаться как отдельное завершённое произведение, так и часть единого целого.

События серии книг «Горские евреи» разворачиваются в поселениях, отчасти уже и несуществующих в настоящее время, там, где зарождались, укреплялись и рушились надежды моих соплеменников на мирное, равноправное и уважительное сосуществование живущих бок о бок народов.

В своем повествовании мне не хотелось углубляться в область сказок, притч, легенд и преданий, или ветхозаветных и талмудическихⁱ историй пленения и изгнания еврейского народа с Земли обетованной и из других, веками обживаемых территорий. С целью истинного и адекватного художественному замыслу отображения действительности началом своего повествования я выбрал богатую историческими фактами и наличием архивных документов вторую половину XIX века. При написании я опирался на информацию из письменных источников, отраженных в списке использованной литературы, на изустные предания, сохранившиеся в памяти потомков, живших в тот период времени людей. Некоторые из сюжетов сохранились в памяти моих родственников, в том числе предания, услышанные ими когда-то от старших поколений близких.

Авторский взгляд на некоторые исторические события, упомянутые в книге, порою отличается от официальной интерпретации и даже может вызвать неприязнь ревнителей советской историографии. По этой причине

ⁱ Талмуд – свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма, включающий дискуссии законоучителей Эрец-Исраэль и Вавилонии, которые привели к фиксации Устного Закона.

мною намеренно изменены настоящие имена некоторых действующих лиц, ставших персонажами книги.

Сюжеты и истории серии «Горские евреи» почерпнуты преимущественно из собственного опыта, наблюдений, воспоминаний моих близких и дальних родственников, рассказов иных свидетелей. Рассчитываю, что первая книга «Беньягу» поддержит Ваш интерес к чтению серии. Надеюсь, что мои восприятие и интерпретация событий, происходивших в разное время с моими героями, реальными или вымышленными, описание их бытовых, партнерских, дружеских и не очень, межобщинных отношений, не покажутся читателю надуманными, необидительными или далекими от истины.

В настоящей книге я не ставлю своей целью щепетильное и излишне подробное описание религиозных обрядов своего народа, его обычаев и адатов. Будучи сам увлеченным читателем, я не склонен к «смакованию» того или иного самобытного этнического ритуала. При наличии интереса к определенной этноконфессиональной группе, в том числе и джууро, можно найти немало прекрасных научных и исследовательских работ, описывающих уникальность народа, его обряды, культуру, кухню и пр. Для меня важно, погрузившись в мир своих героев, передать их чувственный мир, связанный с их поступками, размышлениями и диалогами.

В основе повествования лежат судьбы нескольких поколений моих родственников по отцовской и материнской линиям в тесном переплетении с одной вымышленной семейной историей. Это позволило помимо ярких моментов семейной хроники предложить читателям

вполне реалистичные, в определенной мере реализующие мой художественный замысел придуманные сюжеты. Тем не менее жизнь героев, их друзей и недругов представлена в контексте конкретных исторических событий, в реальных поселениях с их реальным этническим составом и спецификой жизнедеятельности.

В первой книге «Беньягу» события разворачиваются с конца XIX века до конца 1916 года. В последующих книгах мы вернемся в XIX век и к началу XX века, к событиям и персонажам уже известным нам по первой книге, в том числе затронутым вскользь, между прочим, пройдем через перипетии их судеб и жизненного пути. От книги к книге фокус повествования будет смещаться на новых героев в условиях новых исторических событий.

Будет уместно пояснить в каком историческом контексте народ джууро (далее равнозначно этнонимам «горские евреи», «евреи»), являющийся коренным народом ряда современных российских кавказских республик и Азербайджана, существовал во время господства Российской империи на Кавказе.

С появлением русских войск на Кавказе в конце XVIII — начале XIX веков положение горских евреев стало ухудшаться. Возродившийся под угрозами стороннего вмешательства патриотизм, а отчасти и фанатизм преобладающего мусульманского населения, привели к последовательному преследованию еврейского народа, требованию принятия ислама и активного участия в борьбе с русскими завоевателями. Погромы и набеги бандитов на еврейские поселения устраивались непрерывно и поддерживались имамами Гази-Магомедом и

впоследствии Шамилем. Несмотря на это большинство евреев остались преданными своей вере.

Одни и те же народы, проживая бок о бок на Южном Кавказе, различались по вероисповеданию. Например, такой народ как таты, являясь по вероисповеданию преимущественно шиитским, имел малочисленные группы суннитов, иудеев и огнепоклонников, а лезгины, являясь преимущественно суннитами, имели в своем составе шиитов и иудеев. Со временем иудейские группы населения стали поголовно переходить в ислам. Однако потомки тех иудеев долго хранили как святыни еврейские книги, перешедшие к ним от предков. Разные правители — ханы, уцмишⁱ, майсумыⁱⁱ и другие, господствовавшие в местах проживания иудеев, по меньшей мере не стеснялись проявлять несправедливость к ним, а иногда и откровенно потешались, демонстрируя унижительное отношение. Применялись более суровое налогообложение, беспрестанные призывы к даровому исполнению разных казённых работ — строительству, присмотру, уборке за скотом и другим работам, запреты на ведение определенных видов деятельности, препятствия в ряде случаев на возведение нумазовⁱⁱⁱ, молельных домов и общинных школ, принуждение к переселению. Несмотря на сокрытие на местах неприглядных фактов — убийств, погромов, изнасилований, отравлений, поджогов домов и

ⁱ Уцмий – титул правителя Кайтага (область в Дагестане) с XVI века, упраздненный в XIX веке.

ⁱⁱ Майсум – титул правителя Табасарана (область в Дагестане) с XVI века, упраздненный в XIX столетии.

ⁱⁱⁱ Нумаз – синагога, молитвенный дом горских евреев.

сельскохозяйственных угодий, изъятие земельных участков — многие из них зафиксированы в документах и летописях, рассказах потомков и семейных преданиях.

Вопреки притеснениям горские евреи со временем создавали богатые хозяйства, становились крупными землевладельцами в те времена, когда не было запрета на их землевладение, осваивали ремесла и грамотно управляли сельскохозяйственными производствами, стремились к мирному сосуществованию с другими племенами. В книге представлены и отчасти раскрываются некоторые аспекты свойственной в то время горским евреям деятельности: шелководство, табаководство, скорняжное и кожевенное производства, выращивание марены¹ и производство из нее красителей, виноградарство и виноделие.

С середины XIX века начинаются подселения представителей других народов в ряд практически моноэтнических мест проживания горских евреев, расположенных на территории Южного Кавказа, в основном инициированные сначала наместниками, а затем и непосредственно чиновниками Российской империи. Поселения, избежавшие принудительной исламизации в начале века и в многие предыдущие столетия, такие как Карчаг, Джараг, Пенджи, Араг, Мамраш, Аглоби, Хош-Мензиль, постепенно населяли тюрки, лезгины, табасаранцы и другие народы. Вклинившись в сферу внутриобщинных отношений, со временем переселенцы начинали проявлять

¹ Марена – растение, из корня которого путем варки добывали ализарин, краситель для ковров и тканей.

недовольство своим неравным положением относительно коренных жителей. Порой, используя наветы и клевету провокаторов, сопровождавшуюся насилием, попустительством властей и общим негативным настроем своего духовенства, они выдавливали горских евреев из насиженных мест, родных сел.

Еврейские общины ряда селений была полностью уничтожены и рассеяны, дома и хозяйства разграблены и сожжены. Только через многие месяцы кто-то находил смелость или был вынужден вернуться обратно. Как оказывалось впоследствии ненадолго. К примеру, согласно информации, располагаемой генералом-губернатором Дагестанской области А.В. Комарова, древнейшее горско-еврейское село Селах, расположенное на реке Рубас, было полностью уничтожено в 1831 году во время набега первого имама Дагестана Гази-Магомеда. В 1918 году банды разграбили и подожгли село Мамраш. За несколько послереволюционных лет было убито более двухсот жителей Мамраша.

В ряде мест горскими евреями создавались отряды самообороны для отражения атак бандитов. Были случаи, когда отряды самообороны разных поселений объединялись в борьбе за выживание. Поддержку евреи искали в крупных городах у русских властей, заселяя предоставленные им участки, тем самым образуя моноэтнические кварталы (слободки).

Перепись 1926 года показала массовое переселение горских евреев из сельских местностей в малые и крупные города. Помимо гонений этому способствовали всеобщая отмена частного землевладения и отъем некоторой

собственности у зажиточной части крестьян. Значительно увеличилось еврейское население Дербента, Баку, Махачкалы и Темир-Хан-Шуры. В Еврейской Слободе города Куба появились новые кварталы и синагоги, сохранившие названия прежних поселений.

Подчеркну особо, обращаясь к своим землякам, дагестанцам, что каждый из представителей малых народов, таких как мой – горские евреи или ваши (не решусь перечислить все), прекрасен в своей самобытности, языке, истории, обычаях и культуре. Сохранить свою уникальность – это важная задача для каждого из представителей малого народа или этноса. В этой книге я не ставил задачу пойти наперекор всему тому, что написано мною за все годы творчества, представить какой-либо из народов в невыгодном свете. Плохих народов не бывает. Считаю себя дагестанцем, я искренне ценю известные мне с детства произведения дагестанских авторов, обогативших и советскую, и мировую культуру. Мне дороги дружба с одноклассниками, земляками из Дербента и сверстниками из отцовского села Аглоби.

В процессе написания первой книги я лучше узнал историю своего родного края, своего народа и свои корни. Это, заверяю Вас, весьма увлекательное занятие. Каждого из Вас, мой читатель, призываю по возможности проявлять такого рода интерес — Вы узнаете больше не только о своих предках, но и о самом себе.

Занимательного Вам чтения!

Ваш Гемриил Рахмилов.

Памяти друга
Беньягу Ильизировича
Ашурова
ПОСВЯЩАЮ

Пролог

Ноябрь 1914 года.

Только что прошел ливень. Со стороны входа в пещеру натекла вода и уже добралась до войлочного матраса и свисающей с него ноги Беньягу. Мужчина подобрал ноги, натянул поверх себя огромного размера просаленную бурку и продолжил дремать. Вчера он вернулся довольно поздно и прилег, сняв с себя только пояс с оружием и *ичиги*ⁱ. Промокшая в холодной воде ступня напоминала о себе и возвращала в реальность. Сквозь дверную заслонку из дубового лапника в пещеру просачивались струйки дневного света, которые, пронизывая темноту, обличали движение воздушной взвеси невидимой человеческому глазу при обычном освещении. Понаблюдав некоторое время за затейливым движением повисших в воздухе пещеры чешуек пыли и мела, Беньягу привстал.

Вырубленная на меловом склоне горного холма в живописном ущелье пещера была удалена от ближайших поселений и затеряна в глубине Кавказских гор. Кто были ранее хозяевами и обитателями этой пещеры, можно было догадаться по прикрепленной у входа к правому ее створу

ⁱ Ичиги – вид легкой обуви, имеющей форму сапог с мягким носком и внутренним жёстким задником, изначально предназначавшейся для максимально комфортной и бесшумной ходьбы.

мезузеⁱ с изображением вершины горы, а также по нескольким нишам, прорубленным вдоль ее внутренних стен.

Накинув на себя бурку, которой только-что укрывался во время сна, мужчина вышел наружу.

Если высматривать эту пещеру с ближайших охотничьих троп (иных здесь не было), а тем более издали, ее не разглядеть, так как вход прикрывает специально сооруженный земляной выступ. Прежние обитатели пещеры, очевидно, кое-что знали о сооружении укрытий.

Постепенно прощаясь с разноцветием осени, ущелье принимало уже знакомый мужчине строгий и суровый вид. Псы, дремавшие до того в специально прорубленной уже самим Беньягу нише рядом с входом в пещеру, привстали и направились к хозяину. Молодой пес по кличке Кабан был похож на волчонка. Он бросился к хозяину, виляя хвостом и кружась вокруг своей же вытянутой вверх головы, выражая тем самым радость и преданность. Другой же, престарелый пес, значительно больших размеров, сделав было несколько шагов к хозяину вернулся обратно к нише и прилег на то же место, откуда только что привстал. Отсюда он внимательно наблюдал за хозяином и Кабаном. Этому псу, кавказской овчарке, девять лет назад, когда тот был еще щенком, Беньягу дал кличку «Батя» в честь одного тюремного сидельца – своего спасителя. Что-то огромное надежное и умиротворяющее было как в самом этом русском слове, так и в повадках пса. Батя ревновал

ⁱ Мезуза – небольшой свиток пергамента, на котором содержится рукописный текст молитвы «Шма», нанесенный специально обученным переписчиком святых текстов.

молодого пса к хозяину, однако виду не подавал ни тому, ни другому.

Внизу, в долине, затерянная в гуще деревьев и кустов, паслась купленная Беньягу в портовом городе Потти гнедая четырехлетняя лошадь Грета. Она отзывалась на определенный свист хозяина, в течение минуты взбираясь по только ей ведомой тропе, навверх к пещере. За такое прилежание она всегда получала угощение в виде морковки, куска тыквы или сахара.

Беньягу – мужчина сорока двух лет, ростом выше среднего, крепкого телосложения с сильным и волевым характером. Его удлиненное выразительное лицо с множеством глубоких морщин на тонкой смуглой коже и проявившимися совсем недавно темными кругами под глубоко-посаженными живыми темно-кариими глазами, выражало мужество, уверенность и спокойствие. Чуть наклоненный на бок нос Беньягу с небольшой горбинкой выдавал в нем породу охотника. Бороду и усы с недавних пор мужчина периодически обривал купленной в *Константинополе*ⁱ безопасной американской бритвой, он считал это полезным и для кожи лица, и для бодрого состояния духа. Постоянно носимая им коричневая черкеска на черном *бешмете*ⁱⁱ, подпоясанная кожаным ремнем с прикрепленными к нему старинным боевым кинжалом дамасской стали и пистолетом говорили о приобретенной привычке к жестким условиям нелегального

ⁱ Константинополь – название Стамбула до 28 марта 1930 года.

ⁱⁱ Бешмет – верхняя одежда у кавказских народностей в виде кафтана со стоячим воротником. Как утверждённый по цвету и покрою образец входил в состав форменной одежды всех казачьих войск.

существования. Он родился в горско-еврейской семье в поселке *Геокчай*ⁱ на севере Бакинской губернии, в трех сотнях верст к югу от вышеуказанной пещеры. Население поселка было полиэтничным вследствие частых миграций и переселений, в том числе из-за регулярных больших землетрясений в расположенном поблизости городе Шемаха. Почти десять лет назад обстоятельства сподвигнули Беньягу покинуть родные места.

Еще незрелым юношей он потерял отца, а затем и мать. Он был из рода выдающихся *нукеров*ⁱⁱ – вооруженных всадников сопровождавших купеческие караваны по проходившим в этих краях двум ветвям Великого шелкового пути: из Индии и Китая, Малой и Средней Азии до города Баку, далее до черноморских портов Батум и Потти; или по западному прикаспийскому сухопутному маршруту – через Кубу в Дербент, и далее до самого Нижнего Новгорода.

Беньягу – вдовец, был дважды женат. От первой жены у него родились дочь и сын. Дочь теперь замужем, родила двух сыновей и дочку. В тяжелый для себя год он отдал на время своего сына в другую семью для обучения мастерству медника. Однако после нескольких лет отсутствия сын нукера пропал, а его наставник с женой погибли. Рожденный второй женою младший сын Иосиф умер в

ⁱ Геокчай – уездный поселок численностью 2200 чел. (1886 г.), расположенный на правом берегу одноименной реки и к югу от горы Ахал-Махал.

ⁱⁱ Нукер – дружинник на службе феодализирующейся знати в период становления феодализма в Монголии. В XIV–XX вв. термин «нукер» стал употребляться у народов Кавказа и Средней Азии в значении «слуга», «воин личной охраны военачальника».

пяtilетнем возрасте. Вслед за ним умерла и жена нашего героя.

Поискам пропавшего, волею обстоятельств, первенца Рахамима, несчастный отец посвятил уже почти десять лет.

Желание во что бы то ни стало найти сына привело несчастного отца девять месяцев назад в это живописное ущелье через многие годы поисков и скитаний в *Эрец-Израэль*ⁱ. Отсюда, подвергаясь в поездках риску ареста, а возможно и смерти, Беньягу последовательно объезжал населенные пункты, в которых мог проживать его сын. Он объездил все населенные пункты южнее реки *Самур*ⁱⁱ до самого Баку, а также проведал десятки населенных пунктов *страны гор*ⁱⁱⁱ, добравшись до центра северного участка Кайтаго-Табасаранского округа Дагестанской области села Ерси.

В большинстве случаев он спешилался, останавливаясь на постой у казавшихся ему надежными людей, расспрашивал о возможно недавно появившихся здесь молодом человеке или молодой паре, собирал любую информацию, которая способствовала бы его поискам. Не всегда лояльное местное население несколько раз заявляло в полицию о присутствии постороннего мужчины, и он

ⁱ Эрец-Израэль – название, предпосланное к территории, населенной израильянами, и к Северному (Израильскому) царству. С эпохи Второго храма становится синонимом Земли обетованной.

ⁱⁱ Самур – вторая по величине река в Дагестане. По части русла проходит граница субъектов Российской Империи – Дагестанской области и Бакинской губернии России (конец XIX- начало XX веков).

ⁱⁱⁱ Страна гор – название «Дагестан» известно с XVII века и означает «горная страна» от тюркского «даг» — гора, персидского «стан» — страна, земля.

порой чудом выбирался из таких связанных с его нелегальным статусом переплетов. Бывало, что, почти настигнув его, преследователи стреляли на поражение.

«Сын! Сынок! Рахамим! Я найду тебя! – как будто заигранная мантра, вертелось в голове у Беньягу, отдаваясь болью в висках, не давая расслабиться и жить нормальной жизнью. – Я все равно тебя найду! Ведь ты жив, я это знаю. Может быть, ты и сам ищешь меня и не сдаешься. Ты ведь мой сын. И я не сдамся».

«Почему и как Беньягу стал нелегалом? Из-за чего он подвергался риску ареста и смерти?» – можете задать вопросы и Вы, внимательный читатель.

И правильно сделаете. Поскольку настало время перейти от первого знакомства с главным героем к перипетиям его жизни, т.е. к чтению книги.

Глава 1. Геокчай

Начало повествования относится к концу XIX – началу XX веков. Беньягу бен Ильизир, как и несколько поколений его предков, проживал, как уже отмечалось, в относительно благополучном уездном поселке Геокчай Бакинской губернии. Основным промыслом состоятельных жителей поселка испокон веков было шелководство — наследие проходившего через эти земли Великого шелкового пути.

Наряду с Нухинским уездом и поселком Баскал, знаменитым своими шелковыми платками «келегаи», Геокчайский уезд был на то время одним из центров шелководства Южного Кавказа. Геокчайский шелк славился не только в губернии, но и за ее пределами. Местную шелковую нить и ткани закупали многочисленные производители изделий из шелка. Весь секрет: в преемственном ответственном подходе хозяев местных шелкокрутильных, шелкопрядильных, шелкоткацких и иных специфических отраслевых фабрик к процессу производства; многолетней селекции колоний жучков шелкопряда; образованности специалистов и отборной кормовой базе. Специалисты, в основном молодые люди из состоятельных семей поселка, обучались в одном из знаменитых учебных заведений «Практическая школа шелководства», созданных в центрах шелководства Российской империи в 1843 году, в том числе и в городе Нуха, расположенном в ста верстах от Геокчая.

Второй по значимости сельскохозяйственной культурой, которую также выращивали в Гоекчае, являлся табак.

Достаток жителей поселка был разным, и, казалось, не зависел от национальной принадлежности. Здесь проживали армяне, аварцы, русские, горские евреи и еще десяток народов, однако существенную часть населения составляли потомки турецких переселенцев. Среди немногих семей горских евреев, единоверцев Беньягу, имелась и состоятельная семья Равино бен Яагу Исроилова, и несколько семей со средним и низким достатком. Его немногочисленную семью с ее крошечным наделом земли, домиком с одной кунацкой и двумя спальнями, живностью, состоящей из одной козы и десятка кур, можно было определено считать бедной.

Многие жители, не имевшие в своем распоряжении достаточного количества земли, работали на состоятельных жителей поселка, их производствах или сельхозугодиях, либо на поселковой общинной земле.

Беньягу работал нукером Равино, а также занимался на своем крохотном придомовом участке выращиванием табака на продажу и овощей для нужд своей семьи.

Его первая жена, Сипро, была тоненькой хрупкой женщиной, что компенсировалось ее сильным темпераментом. В семнадцать лет она родила мужу первенца, которого назвали Рахамим, именем умершего много лет назад прадеда. Дед Беньягу был крупным брутальным мужчиной огромной силы и довольно высокого роста. Он, как и его отец, Ильизир, работал нукером, сопровождая и охраняя перемещающиеся вдоль Великого

шелкового пути сановные кортежи и купеческие обозы. Новорожденный же сын Беньягу, Рахамим, несмотря на высокий рост, был довольно хрупким и болезненным ребенком, в дальнейшем очень поздно вставшим на ноги и довольно поздно начавшим говорить.

Второго ребенка Сипро родила через два года после первенца. Роды были очень продолжительными. Дитя так не хотело появляться на свет божий, что местная повитуха практически выбилась из сил. Крупная девочка выходила в ножном предлежании из лона измученной потугами роженицы, – пришлось сделать большое рассечение. Новорожденная издала свой первый крик практически одновременно с последним выдохом матери. Девочке дали имя умершей в том же году бабушки Мозолут, матери главы семейства, хотя малытка чертами лица была очень похожа на бедняжку Сипро.

Сосед Беньягу и его единственный друг, Мустафа, глубоко сожалея о случившемся, посоветовал вдовцу, чтобы новорожденную подкармливала его жена Санайя. Супруга уже как месяц родила ему долгожданного второго и неожиданного, но встреченного с не меньшей радостью третьего ребенка – вполне развитых физически девочек-близнецов.

- Там, где двое, там и третья не будет в нагрузку, – успокаивали соседа Мустафа с супругой Санайей.

Их старшему сыну Фаруху было в то время шесть лет; все эти годы Санайя не могла сохранить вынашиваемых ею в беременности малышей.

Через год после кончины супруги отец двух малышей, Беньягу, взял себе в жены другую женщину, Рахиль, дочь

местного крестьянина, работницу одной из фабрик Равино. Невеста засиделась в девках до двадцати одного года и была всего на год младше вдового мужчины. Не от того ли она, что выяснилось впоследствии, была такой неуравновешенной?

Шло время, вторая жена Беньягу не могла родить. От постоянного недовольства Рахиль страдали все домочадцы. И вот, на четвертый год замужества, она родила, наконец, своего первенца. Мальчика по настоянию матери назвали Иосиф.

Чтобы обеспечить семью главе семейства приходилось больше работать, брать работу по сопровождению продукции фабрик Равино в далекие от Геоқчай районы. В семье наметился разлад, так как все свое внимание и любовь Рахиль перенесла на заботу о малыше Иосифе, а раздражение – на мужа и старших детей, Рахамима и Мозолут.

Доходило до того, что она жестоко наказывала шестилетнего Рахамима, избивая его всем, что попадало под руку. Рахамим не жаловался, так как знал, что это все равно не приведет к прекращению домашних скандалов, а только расстроит отца.

В семилетнем возрасте мальчик сбежал из дома, его искали целый вечер и весь последующий день, и не могли найти. Даже Рахиль, заламывая руки, кляла себя за жесткость в отношении к ребенку.

Неожиданно заглянувший к соседу ночью Мустафа, рассказал, что заметил Рахамима, спящим на крыше его сарая, где им было заготовлено несколько валков сена.

Глава 2. Ильизир и Мехди

Как уже упоминалось, единственным другом Беньягу был его сосед Мустафа. Это была настоящая дружба в том высоком значении, какое определяется этим словом. Ее истоки были заложены еще их отцами, Ильизиром и Мехди, которые также выросли на этой земле, в этом же поселке.

Вероятно, хотя доподлинно это и неизвестно, также были дружны и предыдущие поколения этих семей. Основой их заработка из поколения в поколение был ратный труд их мужчин. Являясь по сути наемными служащими, мужчины этих семей занимались охраной сановных лиц, торговых караванов и купеческих обозов в составе соответствующих групп вооруженных людей.

С подростковых лет на редких общих праздниках в поселке Ильизир и Мехди показывали свои умения, участвуя в традиционных турнирах, проводимых среди юношей и молодых мужчин, и, как правило, побеждали в них своих соперников. Отменная верховая езда, победы в единоборствах с оружием и без него, бесстрашие, смекалка, расчетливая восточная хитрость, известность и уважение, приобретенные в многочисленных походах, способствовали их долговременному трудоустройству. Мужчины были хорошо воспитаны, крепко сложены, красивы и бесшабашны.

Достоинно поддерживая реноме своих отцов, Ильизир и Мехди бесстрашно расправлялись с увеличившимся количеством всевозможных банд и разбойных групп.

Оружие бандитов оставило на телах каждого из этих героев немало рубцов от резаных рассечений и пуль. Стоит упомянуть, что во всех баталиях друзья стояли плечом к плечу, это и помогало им выжить. Юношеские мечтания о колоритных и красочных походах воплотились в жизнь. Хлеб нукеров сполна оплачивался их потом и кровью.

В длительных переходах два друга находили время и для рождающихся в соревновательном экспромте песен, вернее частушек, легкий характер которых был несколько необычен для этой мужественной брутальной пары.

Примеры этого творчества на языке его воплощения, джуури, с последующим переводом, прилагаются.

Тэгъди месох жён бике,
Суьфте вежеим екем,
Хурим чой е-дуй пейле
Песде сохим возиле.
Возиле, бала, возиле.

Гъумгъумле миглей келем,
Меху хун мэрэ бэгъем –
Биё, моч сох, наз месох,
Гъэл ги, хисунд э гъужогъ.
Хисунд, бала, э гъужогъ.

Э у хотур туь эз дури
Восдорем энгуьшдери,
Мэрэ мозоллу сохде,
Герек нисд дури рафде.
Герек нисд, бала, дур рафде.

(смысловой перевод с джуури)

Не спеши, моя царица –
Право, зря беснуешься,
После выпивки и танцев
Сладостней целуется.

Слизнячок внутри капусты,
Кровь мою прошу не пей —
Целовать – безумно вкусно,
Обнимать – еще вкусней.

Чтоб тебе купить подарок,
Прочесал я два базара,
Чтобы мне доставить радость,
Из дому идти не надо.

К слову, любовь к такому легкому сочинительству передалась и последующим поколениям наших друзей.

В редкие дни домашнего отдыха отцы семейств занимались обучением сыновей ратному делу, рассказывали о своих походах, казавшимся их детям увлекательными путешествиями.

В среднем купеческий обоз или караван, управляемый одним или несколькими купцами, чаще их приказчиками, направляющийся, скажем, в Среднюю Азию или Китай, насчитывал не менее сорока-пятидесяти повозок. Существенная часть товара в повозках принадлежала хозяевам – этим самым купцам. В нескольких повозках ехали сопровождающие этот груз конюхи, мастеровые и

торговые люди со всем необходимым в долгой дороге: инструментом, одеждой и утварью. С десятков повозок принадлежало прибившимся к обозу торговцам, путешественникам и курьерам, пользовавшимся защитой охраны каравана при перемещениях вдоль пути его следования. В зависимости от опасности пути для сопровождения обоза купцами нанималось от десяти до тридцати нукеров.

Купеческие обозы из Российской империи преимущественно состояли из повозок и телег, запряженных лошадьми, в отличие от восточных караванов, исторически перемещавших людей и товары на вьючных животных – верблюдах и мулах. Из-за этого маршруты движения российских купеческих обозов исключали передвижение по пустыням и песчаным дюнам.

Мустафа мог часами делиться со своими детьми рассказами и воспоминаниями отца о их общих с дядей Ильизиром поездках в Персию, Китай, Индию, Самарканд, по иным странам и местностям, южным областям Российской империи, по реке Волге на Нижегородскую ярмарку, истории о поездках на паровозах и торговых морских судах. Он также рассказывал о природе разных стран, людских нравах, о немислимых диковинных животных и растениях.

В одно из своих возвращений друзья привезли в Геокчай молодого полуторамесячного двугорбого верблюжонка. Ильизир и Мехди выкупили его у владельца каравана из Персии. Рожденный в пути, верблюжонок подвергся нападению стаи голодных собак на ночной стоянке. Отбитое людьми, но повредившее лапу от укусов

молодое животное, не могло продолжить путь. Друзья наложили верблюжонку шину, и по приезде в Геокчай он с опаской, но уже самостоятельно мог ступать на излеченную конечность.

Сколько восторга и радости было у местной детворы. Верблюда назвали *Мидже*¹ за его длинные ресницы. Ответственным за животное был назначен Мустафа (Беньягу был еще слишком мал). Паренек мог целыми днями ходить за верблюжонком, а уже через полгода разъезжал на нем по поселку, приковывая завистливые взгляды сверстников. Конечно, Мустафа давал покататься на нем и другим мальчишкам, чаще бескорыстно, но иногда в обмен на что-нибудь вкусненькое – фрукты, например, или сахар.

Мидже прожил во дворе дома Мехди полтора года, после чего был продан приехавшему за ним из города Грозного русскому цирковому артисту. Мехди решился на продажу молодого верблюда после одного неприятного происшествия. С Мидже упал не справившийся с его нравом один из поселковых забияк, который сразу же наябедничал об этом своему отцу. Отец мальчика был весьма неприятной чванливой персоной в поселке. Он выразил свое недовольство необузданной дикостью животного, при этом не самому Мехди, а его сыну, Мустафе, обещая, что когда представится такая возможность, он уничтожит «это чудовище», пока оно не сделало кого-нибудь из детей инвалидом.

¹ Мидже – ресницы – перевод с джуури.

Путешествия по многим регионам материка, остановки в известных торговых точках мира, в том числе и обязательные для купеческих караванов, способствовали как росту ратного мастерства двух друзей-кунаковⁱ, так и познанию обычаев, культуры и языков многих народов Азии. Ильизир в совершенстве владел устными языками: помимо языков своего края – джуури, местного тюрки и лезгинского, еще и русским, турецким и персидским. Мехди же, помимо указанных выше языков, мог еще изъясняться на английском и, конечно, прекрасно владел своим родным языком – *гуджарати*ⁱⁱ.

Ильизир, в отличии от своего друга-однолюба Мехди, был женат на двух любимых им женщинах. Первая из жен, Мозолут, мама Беньягу, родилась в крестьянской семье и прожила всю жизнь в Геокчае, практически не выезжая за его пределы. Она была младше своего мужа на три года и родила ему в 1872 году единственного сына.

Вторая жена Ильизира, Тейло, родилась в семье уроженца села Ашага - Нижний Араг ранее успешного торговца мареной Истахора. Восемь лет назад Истахор переехал со своей семьей в Дербент купив дом в еврейской слободке города. Уже через два года его семья переехала в новый дом за пределами слободки ближе к морскому

ⁱ Кунак – (от тюрк. конак - гость), распространенный на Северном Кавказе обычай, по которому мужчины, принадлежащие к разным родам, племенам или народностям, вступают в дружеские отношения и оказывают друг другу помощь.

ⁱⁱ Гуджарати – официальный язык Индийского штата Гуджарат, ранее относящемуся к Бомбейскому президентству. Родным языком парсов был среднеперсидский язык – пехлеви, который был утерян.

берегу. Дом в слободке Истахор оставил семье своего младшего брата, так же перебравшейся из Нижнего Арага.

Тейло была единственной дочерью Истахора, имела за собой богатое приданое, но была чрезмерно разборчивой в плане выбора жениха и в течение нескольких лет отшила не менее дюжины достойных на взгляд ее отца претендентов.

Увидев как-то интересную молодую женщину, выходящую со двора одного из дербентских торговцев, Ильизир уже не мог выбросить из головы мыслей о ней, хотя многие годы был женат и имел сына. Он постоянно искал встречи с этой молодой женщиной, что еще более усугубляло его двоякое положение. При редких встречах он всегда оказывал ей знаки внимания, источал необычные для этих мест диковинные комплименты, берущие за ее невинную душу.

В двадцать два года Тейло пришло внезапное откровение, что уже год, как Господь ее женихами не балует. Будто бы иссяк какой-то благоволивший ей источник. А тут вдруг зрелый улыбчивый мужчина крепкого телосложения, как есть рыцарь на коне и в доспехах. Внешне не выказывая интереса, она всякий раз с нетерпением ждала очередной встречи с Ильизиром.

Однако случилось так, что Ильизир исчез. Исчез надолго. Его не было уже более трех месяцев. Тогда она решила и пообещала себе, что если он еще раз появится, она ответит ему взаимностью. Так и случилось. Но до того, Тейло рассказала о своих чувствах к Ильизиру отцу. Истахор был очень расстроен, особенно когда разузнал все об этом, сопровождающем купеческие обозы, нукере. Питая надежду на то, что дочь, узнав правду, разорвет с Беньягу

отношения, он рассказал ей все, и даже немного больше: о том, что этот мужчина известный женский оболъстителъ, и о том, что у него есть семья в Бакинской губернии, и, возможно, не единственная.

Тем не менее, каким-то образом воспрепятствовать своей единственной дочери в ее желании выйти за этого мужчину, Истахор не смог. Покапризничав некоторое время и поставив ряд условий жениху, Тейло сдалась.

Сразу же после громкой свадьбы Ильизир купил для своей второй супруги небольшой каменный домик недалеко от Дербентского маяка у самой крепостной стены. Тейло была младше мужа на десять лет. В 1881 году она родила ему сына Худодота.

Жизнь на два дома, как легко можно догадаться, была сопряжена для Ильизира с постоянными скандалами. Только его исключительно доминирующий характер, огромное расстояние между семьями позволяло обеим женам сосуществовать, разделяя одного мужчину на двоих. Однако непрекращающиеся скандалы все же не могли радовать Ильизира, заставляя его браться за любую предлагаемую работу для того, чтобы дать себе необходимую передышку от склок. Тем более, что обе семьи надо было обеспечивать. К слову сказать, ни жены, ни дети Ильизира так никогда друг с другом и не встретились.

Глава 3. Соколиная охота

Мехди и его предки были чистокровными парсами по происхождению. По семейной легенде их род исходил от сокольничего одного из вельмож Надир-шаха. Можно предположить, что и предки Ильзира пришли из основной части Персии, обосновавшись здесь после походов Надир-шаха на Закавказье и Дагестан. Для джууро эти походы явились последним массовым переселением на территории, где уже многие века проживали их ранее обосновавшиеся здесь соплеменники. Среди переселенцев были те, кто фактически находился в рабском услужении у властителя и те, кто составлял его разбитое и рассеянное в горах войско, а также землевладельцы, крестьяне, ремесленники. Особенно много переселенцев было из торговых людей. Надир-шах провел множество победоносных войн, в которых отличался кровожадностью к иноверцам. Со своей стопятидесятитысячной хорошо вооруженной армией он уничтожил множество сел на территориях современных Азербайджана и Дагестана, в том числе тех, жители которых преимущественно исповедовали иудаизм. Лишь приняв ислам, ряд сел, таких как Грыз, Щудук, Хинаюг, Сююб, Юч-кюн, Кунак-кент, Джалган, Пирдамиш, Митаги, Мугарти, Камах, Зидиян, Билха-дих, Хамай-дих, Дарваг, Зил, Татил, Хапил смогли уцелеть.

Чем больше Надир-шах свирепствовал, тем больше было сопротивление горцев. Подчинив себе практически весь Дагестан, кроме Аварии, Надир-шах стал терпеть

поражение за поражением и в 1743 году отступил, потеряв существенную часть своих войск и вооружения. Очередной поход в 1745 году успеха не принес, а при подготовке к новому походу в 1747 году Надир-шах был убит в результате заговора.

В семьях Ильзира и Мехди, а затем и в семьях их потомков не переставали пересказывать всевозможные предания и притчи о Надир-шахе и горцах, в которых последние проявляли в состязании с Надир-шахом интеллектуальное и моральное превосходство, побеждали его войска военной хитростью, заманивая в ловушку, имитировали множество противостоящих врагу сил (воинов, пушек, оборонительных башен) при их реальной немногочисленности и др.

В доме Мехди и его предков всегда имелся просторный вольер с одной-двумя хищными птицами. Все мужчины семейства, в том числе и Мустафа с сыном Фарухом, продолжали заниматься соколиной охотой, хотя время истинных любителей этого вида охоты, местных и восточных властителей и вельмож, закончилось вместе с Кавказской войной. Их сменили русские полковники и генералы, занявшие посты руководителей уездов, округов и губерний. Земельные участки и охотничьи угодья были переданы в ведение Российской империи. Работа сокольничего стала малопопулярна. Для русских такая охота была экзотикой, хотя охота с сапсанами за несколько сотен лет до этого пользовалась популярностью на Московии. Не всем известно, что на её древнем гербе на руке у Георгия Победоносца ранее восседала эта хищная

птица. Теперь же русские предпочитали охоту со стрелковым оружием на дикого зверя.

Когда Фаруху было четыре года, Мустафа приобрел для него молодую птицу – сокола по кличке Ктай, и помогал ему в его воспитании. Ктай проживал в саду, прилегающем к дому, в просторном вольере, доставшемся ему от предыдущих птиц. Мул, имевшийся в хозяйстве Мустафы, также использовался для соколиной охоты. Он не выдерживал длительных поездок в упряжи с повозкой и поэтому использовался семьей только для работы на своем участке и коротких выездов.

Держать сокола длительное время на вытянутой руке, передвигаясь на муле, пусть даже сама птица весит не более двух *фунтов*ⁱ, крайне утомительно. Немало терпения и сил потребовалось отцу и сыну для того, чтобы натренировать Ктая. Например, чтобы сокол, вылетая со специальной перчатки на руке Мустафы, обнаруживал Фаруха в нескольких километрах от дома, на склоне холма, и приземлялся на такую же перчатку парня. Фарух, пытаясь привлечь птицу, свистел и размахивал *вабилом*ⁱⁱ. Точное приземление сулило соколу вознаграждение – обычно это прикрепленные к вабилу крылья птицы или шкура животного, оставшиеся с предыдущей охоты.

ⁱ Фунт (русский фунт) – русская мера веса равная сороковой части пуда, что составляет 0,40951241 кг.

ⁱⁱ Вабило – приспособление для охоты с ловчими птицами, состоящее из двух крыльев какой-либо птицы, сшитых вместе, либо из одного крыла с грудным мускулом; может состоять из шкурки животного, на которого производится охота и служит для приманки и отымания у ловчей птицы пойманной ею добычи.

Глава 4. Грамота

В мае 1884 года Ильизир и Мехди в группе охраны, состоящей из тридцати трех нукеров, сопровождали купеческий обоз, следовавший из Дербента с примкнувшим к нему по пути в Кубе вторым купеческим обозом. Сводный обоз состоял в целом из более чем пятидесяти повозок с товарами и обычными для таких походов служивыми людьми – конюхами, ремесленниками и торговыми. В конце третьей недели пути обоз выдвинулся с раннего утра из Бухары, где осуществлял в соответствии с местными правилами транзита караванов обязательную стоянку и двухсуточную торговлю, и направился в сторону Самарканда.

По ощущениям передвижение по солончаку казалось не менее изматывающим, чем по пустыне. Чистое, без единого облачка, небо сулило жаркий день. Когда до следующей стоянки маршрута, города Самарканда, оставалось около ста пятидесяти верст, один из находящихся далеко в авангарде дозорных нукеров вернулся к голове обоза и сообщил купцам, что впереди, в трех-четыре верстах, порядка двадцати конных бандитов грабят встречный караван. Бандитам оказывают сопротивление не более дюжины нукеров, по внешности русских, скорее всего казаков. По разным характерным признакам, в том числе и блестящему конному экипажу-двойке, с караваном едет какой-то важный чин.

Купцы остановили движение обоза и стали, возбужденно жестикулируя руками и перебивая друг друга,

в голос размышлять, что же им предпринять. После долгих взаимных препирательств – о близости своей рубахи к телу, о бесценности перевозимого товара, о риске попасть в западню, к их чести, они все же решились послать в помощь встречному каравану больше половины своих нукеров.

Среди засланных на помощь был и Ильизир. Мехди придержали с оставшимися нукерами, несмотря на его настойчивые просьбы отправиться вместе с той группой, где находился его друг.

Когда в поле видимости нукеров показался чужой караван, они еще отчаяннее приободрили своих коней улюлюканьем, обнажив свое походное оружие. На растрескавшейся земле уже лежало с десяток порубленных окровавленных всадников и несколько скудно одетых невооруженных людей, пытавшихся либо бежать прочь, либо оказать помощь казакам. Оставшиеся в живых семеро казаков рубились у закрытого конного экипажа, в голову одной из лошадей которого попала пуля. Находясь уже в бессознательном агонирующем состоянии, лошадь тщетно пыталась устоять на ногах. Ильизир вместе с другими нукерами неожиданно для бандитов с громким булатным скрежетом влился в беспощадную рубку. Жестокий бой продолжался еще около двадцати минут. Заметив, что один из бандитов всякий раз норовит проткнуть стенку корпуса экипажа и при этом пару раз это ему уже удалось, Ильизир подстегнул скакуна, отодвинув настойчивого бандита от его цели. Вступив с ним в бой, он на мгновение отвлекся, поддавшись молниеносному обманному движению, и получил глубокое проникающее ранение в лицо. Кровь хлынула по глазам, огромный кусок щеки рваным

ошметком лег на его подбородок. Во рту обломки побитых зубов и рванные десна источали соленую кровавую горечь.

Этот зевок не остудил, а только разлил Ильизира. Он еще сноровистой замахал саблей. Кони противоборствующих мужчин еще ближе терлись друг о друга, пытаясь потеснить и развернуть соперничающую сторону, подставив ее под роковой удар. В конце концов скакнув Ильизира удалось выполнить эту задачу. Ильизир разрубил бандита в районе правой ключицы настолько глубоко, что, казалось, от него отвалилась часть тела.

Вероятно, этот зарубленный Ильизиром бандит был вожаком банды, поскольку, оценив изменившуюся ситуацию, оставшиеся в живых разбойники бросились прочь.

После жестокого боя на земле осталось лежать две дюжины порубленных тел противостоявших мужчин.

Ильизир, весь в крови, спешил и присел на ближайшую повозку спасенного каравана. Кровь лилась рекой. Ему никак не удавалось приладить оторвавшуюся щеку. Сделав несколько попыток, он оставил это напрасное дело. Приоткрыв полотно, покрывающее содержимое повозки, на которой он восседал, Ильизир пришел в удивление. В ней аккуратно, один к одному лежали наполненные землей горшки с деревцами крохотных пальм.

Через некоторое время послышался скрип отворяемой кареты. К ней, спешившись с тяжело дышащей лошади, подбежал казачий чин.

Из-за дверцы экипажа показалось сначала широкое холеное лицо с бородкой, а затем и все тело высокого благородного мужчины лет пятидесяти пяти в богатом

европейском костюме с инкрустированной серебром тростью.

- Господин барон, бандиты трусливо бежали. Из вверенного мне казачьего состава осталось в живых пятеро людей. Среди ремесленных и прочих погибло шесть человек. Среди иных, оказавших поддержку, пятеро убитых. Командующий отрядом хорунжий Петро Воронченко! – доложил вытянувшийся в струнку казачий чин.

Привстав на землю двумя начищенными до блеска туфлями черной кожи и несколько размяв ноги, господин оглянулся вокруг.

- *Heir ist das Bad! Blutbad!*ⁱ – глядя на окровавленные тела вокруг и стараясь быть невозмутимым, произнес барон.

Далее взгляд господина привлекло буквально утопающее в крови лицо Ильзира, привставшего в знак уважения со стоящей рядом повозки.

- Знаете что, голубчик, пригласите-ка сюда Василину, – обратился барон к все еще стоявшему рядом на вытяжку хорунжему.

- Слушаюсь, – ответил Петро и, взобравшись на лошадь, направился в конец обоза.

Через несколько минут он подвез к господину барону прелестную сероглазую с едва наметившейся полнотой женщину лет тридцати в светлом сарафане.

- Страсти Господни! – воскликнула женщина, спрыгнув с лошади и оглядываясь по сторонам. – Батюшки, сколько хлопцев убилося, а?

ⁱ - *Heir ist das Bad! Blutbad!*ⁱ – Вот это баня! Кровавая баня! – перевод с немецкого языка.

- Звали, Андрей Людвигович! – обратилась она к все еще разминающемуся барону.

- Да, милая моя! Посмотри пожалуйста этого хлопца чернявого, – попросил он женщину, вглядываясь в протертые Ильизиром светлые щели вокруг глаз на кровавом месиве лица.

Ильизир все еще стоял перед бароном, не осмеливаясь присесть. Кровь не переставала обагрять его черкеску.

- Ты бы присел, братец! – брезгливо произнес барон, указывая на повозку, на которую ранее присел Ильизир!

- Герой! Однозначно, герой! Бился за постороннего человека, как лев! Не зная при этом, конечно же, кого он спасает, – восторженно говорил барон, обращаясь к изумленной женщине.

Спереди показалась головная часть купеческого обоза с сопровождающей его дюжиной всадников.

Василина подошла к Ильизиру, осмотрела его лицо, и, прищуриваясь от якобы охватившей ее саму боли, произнесла:

- Бедняжечка, как же Вас так угораздило то, а?

Василине показалось, что мужчина улыбался, если это вообще можно было понять по остаткам его лица. Оглядывая окровавленное лицо Ильизира, она одернулась и засмузилась, как будто не ожидала увидеть на нем два цепких темно-карих глаза.

- Антип! Антипка! – закричала она, оглянувшись в сторону хвоста каравана и сложив ладони рупором у своих прелестных подведенных помадой губ.

- Чего надоть? – послышался в ответ глухой удаленный мужской голос.

- Неси аптеку. Да поторапливайся.

Прибежал Антип, мужчина крестьянской внешности лет двадцати пяти, с большим чемоданом. С ним же, помогая нести аптеку, находился юноша, похожий на гимназиста.

Озираясь на множество трупов вокруг, Антип присвистнул и, трижды перекрестившись, произнес:

- Матерь Божья!

Заметив юношу, Василина, обращаясь к нему, скомандовала:

- Сипка, ведро чистой воды. Бегом!

Купцы, восседавшие в бричках во второй четверти остановившегося обоза, спешившись, направились к знатному экипажу. Увидев осматривавшегося у экипажа вельможу, они остановились и представились.

- Ваше сиятельство, разрешите представиться. Купец второй гильдии Азизов! – представился старший из купцов.

- Рубин Урилов – купец второй гильдии! – назвал себя второй.

- Барон Врангель Андрей Людвигович! Городской голова города Ялта Таврической губернии! – представился в ответ господин и продолжил. – Признаться, вы меня серьезно выручили, господа! Вряд ли бы мне удалось стоять так перед вами, если бы не ваши храбрые джигиты.

После небольшой паузы, с интересом глядя на двух робко поглядывающих на него купцов, барон продолжил:

- Не знаю, господа, что бы вы посчитали достаточным получить в качестве благодарности.

Купцы молчали. Несмотря на их значимость в среде подобных им по званию, менталитету и состоянию людей,

здесь, в присутствии знатного образованного аристократа, они выглядели разодетыми в европейские костюмы сельскими увальнями.

В десяти саженьях от состоятельных мужчин сидел Ильизир с разорванным лицом. Мехди, присев рядом с ним и наблюдая как Василина героически накладывает швы на лицо Ильизира, остро реагировал на его порой несдержанные крики от боли, не переставая сокрушаться о том, что сам остался с обозом в то время когда друг рисковал жизнью.

- По приезду обязательно напишу рапорт губернатору, Его превосходительству Андрею Никитовичу Всеволожскому, дабы он похлопотал перед императором и вас, соответственно вашему деянию, отметили. Прошу также принять от меня по сто рублей серебром в возмещение утраты каждой семье ваших бесстрашных воинов. Да примет Господь их души! Аминь! – произнес барон и обратил взор в небеса.

- Аминь! – поддержали купцы.

Барон пододвинул к себе из глубины экипажа большой кожаный саквояж и, вынув из него кошелку, передал ее старшему из купцов.

- А вот этого рубаку, – показал он в сторону Ильизира, оперируемого Василиной, – я хочу отблагодарить персонально.

Барон вновь повернулся к саквояжу, вынул планшет и приложил к нему казенный листок бумаги. Сверху на листке можно было угадать типографскую надпись «ГРАМОТА».

- Уважаемый! – позвал Барон Ильизира.

Ильизир резко повернул лицо и прошипел от боли, так как нить, воткнутая Василиной для очередного стежка, резко потянула кожу на лице мужчины.

- Да, – попытался ответить Ильизир.

- Как Вас величать, мил человек?

- Ильизир.

- А по батюшке?

- Бен Рахамим.

- Иудейской веры, значит. Так?

- Так, – ответил Ильизир

- Так это ничего. Ничего, голубчик. Иудеям не возбраняется! В императорском установлении отдельной графой прописано, что можно.

- А, фамилия у Вас какая?

- Нет фамилии.

- Как нет фамилии? Фамилия должна быть. Гражданин должен иметь фамилию.

- Нету, – пытаюсь улыбнуться, произнес Ильизир!

- Вот как зовут вашего Деда? – настойчиво вопрошал барон.

- Рафоил!

- А прадеда?

- Худодот.

- А прапрадеда?

- Это я точно не знаю, – как бы извиняясь за свое незнание ответил Ильизир, – должно быть тоже Рафоил.

- Значит, фамилия Ваша, друг мой — Рафоилов, – убедительно произнес барон. – Итак, Грамота о присвоении

Рафоилову Ильзиру Рахамимовичу звания «*Почетный гражданин*ⁱ города Ялта».

- Хочу отметить, – продолжил барон, давая чернилам подсохнуть на только что подписанной им казенной бумаге, – грамота дает и Вам, и потомкам Вашим, держателям сея Грамоты, множество возможностей и привилегий, о чем извольте, милейший друг Ильзир Рахамимович, почитать в соответствующем указании императора.

Барон аккуратно обложил Грамоту с обеих сторон чистой бумагой и протянул в сторону Ильзира. С неловкостью посмотрев на свои руки, Ильзир обратился за помощью к Мехди. Мехди тут же подскочил к барону и взял бумаги, бережно обхватив их обеими руками.

- Мы, вот, были в Китае, – продолжил барон, обращаясь уже к купцам, – по величайшему повелению Его Императорского Величества подписали у китайцев для строящихся в Ялте набережной и Ливадийского дворца благородных экзотических растений. Вот две грамоты и было, одну подписал китайскому окружному градоначальнику, вторую, прописанную на всякий случай, присваиваю вашему рубаке. Он, главное дело, живот готов был за меня положить.

ⁱ Почетный гражданин — одно из привилегированных сословий в России во второй четверти XIX – первой четверти XX веков наряду с дворянством, купечеством и духовенством. Со 2-й половины XIX века существует также звание почётных граждан города, которое присваивается органами городского самоуправления за выдающийся вклад в его развитие. Почётные граждане освобождались от подушной подати, рекрутской повинности и телесных наказаний, имели право при наличии городской недвижимости избирать и быть избранными на городские общественные должности.

- Еще одно, господа, не будете ли вы так любезны оставить мне дюжину своих джигитов для проезда до Бухары? Здесь не более пятидесяти верст, я полагаю, – попросил барон, прежде чем сесть в свой экипаж.

Купцы закивали головами.

- Конечно. Почтем за честь! – произнес Урилов.

Раненная в голову лошадь из экипажа была добита одним из конюхов, сопровождавших обоз барона, вторым выстрелом в голову, и заменена на другую. Можно было ехать дальше.

- Благодарю, господа! По приезде в Бухару непременно верну их вам, а сам найму других провожатых, – Андрей Людвигович присел в экипаж и продолжил, – Ильзира же Рафаилова позвольте до полного излечения предоставить в распоряжение нашего фельдшера.

- Честь имею, господа! – заключил барон, приложив к воображаемому убору на голове ладонь с зажатой в ней перчаткой. Купцы не нашли что ответить, лишь в уважительном почтении слегка опустили головы. Дверца экипажа закрылась.

Через час, когда все погибшие были подобраны своими людьми, каждый из обозов продолжил свой путь. В ближайших населенных пунктах прибытия убитые были захоронены рядом с местными кладбищами.

Василина, будучи грамотным фельдшером, спасла жизнь Ильзира, однако огромный грубый шрам на пол лица не прибавлял ему в дальнейшем привлекательности. Хотя у такого лица было и очевидное преимущество – жуткий страх, который оно наводило на всевозможных бандитов.

Через полгода купцы второй гильдии Азизов и Урилов были отмечены указом императора Александра III благодарностью, а в городе Ялта Таврической губернии была обустроена великолепная набережная, по всей линии которой росли китайские веерные пальмы, другие экзотические деревья и кустарники. Ими же были украшены аллеи парка Ливадийского дворца и иные места прогулок и отдыха императора и его семьи.

Прекрасный климат и лечебный воздух, рекомендованный профессором *Боткиным С.П.*ⁱ, привлекли сюда отдыхающих, путешественников и инвестиции. Будучи до 1880-х годов фактически непримечательной рыбацкой деревенькой, Ялта превратилась в прекрасный курортный город, в котором стали регулярно отдыхать представители императорской семьи, состоятельные граждане России и Европы, известные литераторы.

Грамотой Почетного гражданина Ялты, оставленной отцом в своей дербентской семье, воспользовался в дальнейшем по делу его младший сын Худодот. К слову сказать, возможности, дарованные этой грамотой, сыграют в жизни обоих потомков Ильзира особую и важную роль.

ⁱ Боткин С.П. – Боткин Сергей Петрович – русский врач-терапевт, патолог, физиолог и общественный деятель, профессор Императорской Медико-хирургической академии (с 1861 года). Тайный советник (с 1877 года). Лейб-медик (1872—1880).

Глава 5. Мустафа и Санайя

Мустафа – рослый крепкий мужчина с благородной всегда ухоженной бородкой на матовом смуглом лице, которая прикрывает косой глубокий шрам на подбородке.

Когда Мустафе исполнилось семнадцать лет, его отец договорился с купцами, чтобы ему разрешили сопровождать обоз, который следовал в Бомбей и обратно, вместе с сыном. По замыслу Мехди при проезде мимо родового гнезда в индийском штате Гуджарат, они вместе с сыном временно оставят обоз и присоединятся к нему на обратном пути уже втроем. За это время пользуясь опекой своей многочисленной родни, Мустафа выберет себе девушку, готовую вместе с ним покинуть родные места, женится на ней и заберет с собой в Геокчай.

Проверив навыки молодого парня, его выездку и умение фехтовать ножами и саблей, купцы согласились с тем, чтобы Мустафа сопровождал их, но без оплаты. Впрочем, на этом настаивал и сам Мехди.

Это путешествие молодой человек считает самым ярким воспоминанием в своей жизни. Оторванный всю жизнь от своей, как оказалось по приезду в Гуджарат, многочисленной родни, он ощутил особое тепло, которое исходило здесь буквально от каждого человека, от каждого дома, куста или дерева. Десятки прелестных девушек привлекли его внимание, но, увидев Санайю, он не мог больше думать ни о ком кроме нее.

Проведя здесь семнадцать великолепных дней, засватав и женившись на прелестной пятнадцатилетней Санайе, дочке троюродного брата отца, он переполненный счастьем и любовью вернулся домой с молодой женой.

По дороге в новое будущее у Санайи также была возможность оценить правильность своего решения. Отважный экипированный оружием красавец в черкеске на молодой кобыле, постоянно удивлял ее и своими походными навыками, и проявлением нежности и заботы. Несколько теплых романтических ночей, проведенных ими на стоянках обоза, вселили в нее уверенность в надежности Мустафы. Эти минуты близости затмили тлеющую в ее сердце горечь от прощания с близкими. Любовь накрыла ее волшебством щемящей душу бесконечности звездного неба и атмосферой необузданной радости весеннего пробуждения, которые сопровождали их большую часть пути.

Джагабат, была очень счастлива, принимая в дом молодую невестку, практически повторившую ее судьбу. Много лет назад и она, выйдя замуж, отправилась с мужем в чужую неизвестную северную страну. Невестка принесла в дом Мехди и Джагабат неопишумую атмосферу счастья, сладкое ощущение общности с родным племенем, незримый кусочек родины, которую хозяйка дома покинула со своим замужеством.

Однако счастье не длилось настолько долго, как заслуживала эта семья. Никто не знает своей судьбы.

Глава 6. Черные дни

В 1885 году, через год после свадебного путешествия Мустафы, два бесстрашных воина, два друга, Ильизир и Мехди, одновременно с еще тремя нукерами и несколькими людьми из сопровождаемого ими купеческого обоза заболели в походе. Зачастившие ливневые дожди вызвали необходимость в помощи нукеров для извлечения постоянно застревавших в грязи повозок на размытой, практически заболоченной дороге близ персидского города Керман. Крайняя усталость и обилие укусов кровососущих насекомых уложили сильных бесстрашных мужчин в постель. Их охватила изнуряющая лихорадка. Знахари из Кермана утверждали, что это малярия и больным необходим особый уход. Заболевших оставили в городе на попечение обозного фельдшера, ссудив ему триста рублей и дав наказ информировать о состоянии здоровья через проходящие караваны, направляющиеся в сторону Кубы и Дербента. И наказ этот фельдшер ответственно исполнил. Через две недели после прибытия купеческого обоза в конечный пункт следования – Дербент, он лично проинформировал купцов о смерти всех заболевших.

Следующим утром, хмурым и морозящим, в дербентском доме у маяка раздались крики молодой женщины Тейло, узнавшей о смерти своего Ильизира. Рядом с ней, разбуженный и напуганный воплями и самоизбиением матери, плакал маленький Худодот, которому не было и четырех лет. А к вечеру того же дня печальная весть

о смерти двух местных нукеров, Ильзира и Мехди, несмотря на расстояние в триста верст от Дербента, добралась и до Геокчая. В двух соседских домах воцарился траур. Женщины оплакивали своих любимых мужей, с которыми даже не могли как следует попрощаться и которых не могли как положено похоронить. Сыновьям двух умерших на чужбине друзей, Беньягу и Мустафе, пришлось взять на себя ответственность за благополучие своих семей, а последнему еще и за здоровье своей молодой беременной супруги.

С первого же дня после получения известия о смерти Ильзира его единовец владелец геокчайских шелковых производств Равино проявил участие к его сыну. Он обеспечивал ежедневное присутствие в доме Беньягу раввина и *дахмерде*ⁱ – кворума, необходимого для чтения раввином соответствующих молитв. Практически заменив Беньягу отца, Равино провел для парня обряд *Бар-Мицвы*ⁱⁱ, который планировал совершить по приезде покойный Ильзир. Каждый вечер в течение недели чтящий память отца сын мог читать *Кадиш*ⁱⁱⁱ в обществе своих единовцев, многие из которых знали, что и как читать в

ⁱ Дахмерде – кворум из десяти мужчин, достигших тринадцати лет и одного дня, необходимый для совершения общественного богослужения и ряда религиозных церемоний.

ⁱⁱ Бар-Мицва – обряд религиозного совершеннолетия, справляемый еврейским мальчиком по достижению тринадцати лет и одного дня.

ⁱⁱⁱ Кадиш – молитва в иудаизме, прославляющая святость имени Бога и Его могущества, выражающая стремление к конечному избавлению и спасению.

таких случаях. Равино, жалея парня, был уверен в его преданности и профессиональных навыках и предложил ему по окончании траура работать у него нукером.

Другого же оставшегося без отца парня, Мустафу, приглашали поступить на службу нукером работодателя покойного, предлагая заменить тем самым того в отряде. Однако Мустафа решил от этого предложения отказаться. Он не хотел продолжить дело отца, так как это связано с длительными поездками в седле, чего он не очень-то любил. Внезапная смерть отца и дяди Ильизира укрепила его в этом решении. Он задумал заниматься торговлей изделиями из меди. Возить товар из Лахиджа и продавать здесь, у себя в лавке, которую собирался оборудовать во дворе. К тому же в Геокчае в этом виде деятельности не было никакой конкуренции, а мама и жена, в будущем и дети могли бы всегда находиться рядом.

Через два месяца жена Санайя родила красавца мальчугана, которого назвали Фарух. Второй ребенок Мустафы и Санайи, полненькая девочка, родившись через два года, умерла в младенчестве от неизвестной болезни. Через многие годы один из русских врачей, со слов Мустафы, предположил причиной смерти девочки порок сердца.

Еще через два года Господь подарил огорченным потерей второго ребенка родителям сразу двух девочек-близнецов, вернув им, если позволено так говорить, должок.

Глава 7. Лахидж

Для поездок в столицу медного промысла всего Западного Прикаспия – поселок Лахидж, в восьмидесяти верстах от Геокчая, Мустафа заранее нанимал у своего соседа Алибея большую крепкую лошадь гнедой масти по кличке Айна. Он запрягал ее в свою повозку и направлялся в путь. Заказы от жителей поселка мужчина принимал заранее в своей лавке и не только на медные изделия, но и на другие товары, которые нужно было привезти из Лахиджа. Помимо заранее заказанных изделий Мустафа закупал наиболее потребляемую сельчанами мелкую медную утварь. Его друг и деловой партнер в Лахидже, Уста-Курбан, был неплохим медником и практически все необходимое производил в своей мастерской.

Лавка Мустафы представляла собой часть его двора, расположенная под навесом из устланного на несколько деревянных балок тростника. С тыльной и боковых сторон навес был прикрыт стенами из побеленного саманного кирпича, ограждающими также двор от узких улочек и площадок поселка. Под этим же навесом, помимо деревянных полок и настилов, на которых была разложена продаваемая утварь, умещались курятник, место для повозки и маленькая мастерская с инструментом и сельскохозяйственным инвентарем. Под одноэтажным саманным домом из трех комнат располагался амбар, разделенный на две зоны: холодную и теплую. Теплая зона предназначалась молодняку: ягнятам, козлятам или телятам.

В холодной зоне зимовали овцы, корова и мул, вдоль стены этой зоны располагались несколько гнездовий для несушек, тех из них, которые предпочитают нестись в тишине и прохладе. Под линией вышеназванных гнездовий был проделан узкий лаз в помещение-тайник, имеющее свое особое предназначение.

В подводе, которую Мустафа обычно снаряжал до рассвета, также имелся тайник, в котором он держал часть выручки от продажи, предназначенной для оплаты за товар, а также длинную заточенную пику для защиты в дороге от хищников и грабителей. Помимо прочего у Мустафы была специальная черкеска, которую он всегда надевал в эти поездки. Она опоясывалась широким кожаным поясом с многочисленными металлическими заклепками с острым булатным кинжалом в таких же клепаных ножнах. Эта предусмотрительность не раз спасала и Мустафу, и кобылу Айну от неминуемой гибели.

Как-то осенью из-за кустарника ежевики, прорастающей в бесчисленном количестве на пути следования подводы, внезапно выскочил шакал и набросился на правое бедро Айны. Лошадь взвыла от неожиданности и внезапной боли, понесла, что было мочи, везя на себе вцепившегося хищника. Повозку стало бить по ухабам и камням, а растерявшегося Мустафу едва не выкинуло из нее. Однако в какой-то момент Мустафа смог, дотянувшись до шакала, вонзить в него клинок своего кинжала. Животное дернулось к лицу обидчика, порезав ему руки когтями лап и едва не оторвав подбородок, когда тот пытался защититься. Мустафа буквально отодрал от себя шакала, сбросив его под передние колеса повозки.

Окровенные и сильно взволнованные Мустафа и Айна добрались до дома.

Джагабат и Саная, едва увидев окровавленного Мустафу, стали причитать во все горло на весь поселок. Однако мужчина быстро успокоил жену, встряхнув пару раз за плечи. Джагабат смазала укусы ранения от укусов и порезов обоих пострадавших, и, обсыпав пеплом от сожженной тут же овечьей шерсти, обложила сверху повязками из чистых тряпок.

На память об этом происшествии у Мустафы остался косой глубокий шрам на подбородке, сделавший его лицо еще мужественнее, а Айна лишилась значительной части бедра. Пришлось доплатить Алибею за издержки, хотя углубление в бедре лошади не повлияло ни на ее работоспособность, ни на ее привлекательность. Позднее Айна принесла своему хозяину сначала одного жеребенка, а затем и разнополую двойню, которую Алибей продал, получив немалую прибыль.

Так или иначе, проезжая каждый раз мимо тех самых кустов ежевики, откуда выскочил шакал, Айна всю оставшуюся жизнь пялилась на них во все глаза и пыталась проскочить мимо как можно на большем отдалении.

Бывало, особенно в холодные зимы, повозку преследовала стая волков, находясь в непосредственной близости и пытаясь совершить бросок то на лошадь, то на возницу. На этот раз Мустафа доставал уложенную вдоль дна повозки пику, пытаясь издали достать досаждающих хищников. О скорости бега лошади в этих случаях можно было не волноваться, она бежала не хуже обученных скакунов. Только держись. Не вывалиться бы из повозки.

Грабители тоже пытались поживиться на дороге, однако грозный вид Мустафы, который говорил о том, что он не уступит, ни разу не позволил им пойти дальше расспросов о том, что он везет и куда едет.

В поселок Лахидж Мустафа поспевал обычно еще в светлое время суток. Переговорив с партнером, подобрав необходимую продукцию, упаковав, погрузив ее и, произведя необходимые расчеты (Уста-Курбан предоставлял своему кунаку существенный товарный кредит), Мустафа оставлял повозку во дворе мастера и шел делать все необходимые закупки на базар и в многочисленные лавки поселка. Общаясь с людьми на базаре то на местном татском, то на тюрки, а то и лезгинском языках, Мустафа узнавал много интересных новостей. Вечером за обедом с Уста-Курбаном кунаки делились известными им новостями, а также говорили о своем житье-бытье. Значимыми из новостей Мустафа делился по приезду в Геокчай со своим соседом и другом Беньягу. Подготовившись к предстоящей с раннего утра обратной поездке, Мустафа сытый и довольный ложился спать в кунацкой.

Семья Уста-Курбана была практически не религиозна, хотя предки главы семьи были огнепоклонниками. Возможно, принадлежность к одной вере и связала двух кунаков-компаньонов.

Мустафа не раз рассказывал своему кунаку и деловому партнеру историю своей дружбы с соседом, историю дружбы их отцов и семей. С особой благодарностью к другу Мустафа рассказывал о случае, когда Беньягу спас его Фаруха.

Глава 8. Спасение Фаруха

Сыну Мустафы было девять лет, когда в один из пасмурных, но пока еще теплых осенних дней, он направился верхом к реке, чтобы напоить мула. Привязав напившегося скакуна к деревцу, он решил порыбачить на одном из любимых им для ловли рыбы мест. На дереве, протянувшем свои ветви к руслу реки, красовалось аппетитное красное яблочко. Сбив яблоко деревяшкой, выброшенной когда-то рекой, и смачно хрустнув его сочной мякотью, он присел у реки, собравшись насадить припасенного дождевого червя на крючок. Едва он расправил удочку для броска, как заметил, что в верховье реки, в двухстах саженях от него, появилась темная полоса. Эта полоса приближалась, увеличиваясь в размерах. Мальчик, не понимая, что происходит, зачарованно наблюдал за приближающейся и увеличивающейся полосой. Одновременно усиливались звуки и разгонялся ветер.

В это время вдоль побережья с работы на своем скакуне Гаджаре возвращался Беньягу. Услышав усиливающиеся звуки и вспомнив о недавних утренних ливнях в горах, он собрался было отъехать от огромного каменистого русла реки, как вдруг заметил фигурку ребенка с удочкой на большом камне у реки.

Спешившись и погнав коня прочь, мужчина побежал к мальчику. Узнав в ребенке Фаруха, сына Мустафы, Беньягу, стремительно приближаясь к нему, что было сил кричал:

- Фарух, беги! Беги!

Ребенок обернулся на крики, однако не понимал, что от него требуется, поскольку приближающаяся огромная темно-коричневая волна своим ревом и погоняемыми вперед слоями воздуха заглушала слова Беньягу. Когда волна приблизилась до пятнадцати саженей, ребенок все понял и ринулся бежать в сторону мужчины. Однако после сделанных им десятка шагов, грязного глиняного цвета волна без видимого сопротивления перевернула хрупкое тело мальчика и затянула его в свою бездну. Беньягу не задумываясь ринулся в быстротекущий, обилующий острыми камнями, сучьями деревьев и мусором поток. Важно было во что бы то ни стало поймать исчезнувшего в бурной воде мальчика. Беньягу немедленно закрутило в мутной воде как щепку. Он чувствовал, как трещат его кости, ломит позвоночник, как его голова нещадно бьется о камни. Но потерять сознание и погибнуть он не имел права. Внезапно оказавшись головой над водой, он оглядел несущий его поток. Мальчика не было видно. Пытаясь удержаться на поверхности, Беньягу вытянул вперед ноги. Он захлебнулся и вновь пошел под воду, но перед этим заметил в двух саженях правее от себя беспомощное, вертящееся в водовороте, как тряпочная игрушка, тело Фаруха. Мужчина сделал несколько усилий для перемещения в правую сторону, и это ему удалось. Вытянув руки и ноги перед собой, Беньягу пытался нащупать тело мальчика в потоке.

«Вот он! Спасибо, Господи!» – в последний момент перед ударом головой об огромный скальный уступ, подумал Беньягу, хватая за туловище ребенка. Неизвестно, сколько он был без сознания – несколько секунд или может

быть несколько минут. Однако, почувствовав под собой каменистый грунт, мужчина уцепился в него, широко расставив ноги в направлении потока. В руках у него было бездыханное тело ребенка. Перебитому со всех боков мужчине удалось выбраться. Он положил бездыханное тело мальчика вниз животом на каменный грунт и, охватив его руками и сдавив грудь несколько раз, попытался удалить из легких ребенка воду. К удивлению Беньягу изо рта Фаруха выпало всего раз или два надкусанное им ярко-красное яблочко. С силой набрав в легкие воздух, мужчина вдохнул его в рот ребенка. Мальчик сразу же зашевелился, закашлялся и заплакал.

- Молодец, мой мальчик! Настоящий мужчина! Богатырь! – пустил в свою очередь слезу Беньягу, успокаивая ребенка. – Ты молодец! Все будет хорошо!

С сотрясением мозга, множественными переломами и ссадинами Беньягу пролежал полтора месяца в больнице, куда его отвез Мустафа. Еще месяц он провалялся дома. Фаруха же выписали на следующий день после случившегося. Испытав шок и получив с десятков ссадин и гематом, он уже через неделю повел мула к реке на водопой.

Глава 9. Равино

Как уже отмечалось, Беньягу работал нукером у Равино – хозяина самой большой и известной в уезде фабрики по производству шелковой нити и тканей.

Небогатые евреи с уважением относились друг к другу и к своему преуспевшему единоверцу Равино, однако общались мало, в основном по случаю празднеств или похорон. Нередко соплеменники приглашали друг друга на совершение религиозных обрядов, для которых необходимо было присутствие так называемых дахмерде, или десяти мужчин. Равино, надо отдать ему должное, и сам никогда не сторонился мероприятий, где дахмерде было крайне необходимо. Приглашающие благодарили друг друга за такое присутствие небольшими подарками, изредка монетой.

Нумаза в поселке не было, не было и *Сефер Торы*¹. Однако многие евреи имели необходимые книги для ежедневного ритуального и иного чтения, соблюдали все трагические и праздничные даты еврейского календаря. Иногда религиозные обряды, например, Бар-Мицву, проводили в нумазах близлежащих поселений, чаще в поселениях с большой еврейской диаспорой, в селе Варташен или в Еврейской Слободе поселка Куба.

Преимущественно мусульманский по составу населе-

¹ Сефер Тора – священный рукописный пергаментный свиток с текстом Пятикнижия Моисея (Хумаш), который используется для публичного чтения Торы в синагоге.

ния и вероисповеданию поселок Геокчай в целом благодушно относился к иудеям. Многие из геокчайцев работали на принадлежащих Равино производствах и землях, вовремя получая достойную оплату. Однако в Геокчае случалось и такое, когда, подчеркнуто называя еврея *джухуд*¹, некоторые граждане либо хотели его унижить, либо обозначить свое собственное превосходство. Удивительно, но и в случае природных бедствий, пожаров, наводнений, засухи, неурожая, безосновательно обвиняемым в причастности к этому оказывался кто-нибудь из евреев. Равино и некоторые другие евреи поселка имели связи среди власть имущих, как в поселке, так и за его пределами. Это позволяло в каких-то случаях сглаживать развивающиеся межэтнические конфликты.

Староста поселка Хаджи-Ахмед с неохотой разбирался в происходивших разногласиях между евреями и представителями других народов, а если случалось этим заниматься, по обыкновению своему оставался на стороне последних. Так, за последние годы по наветам за воровство и порчу имущества было осуждено и отбывало наказание двое евреев, жителей поселка.

В 1863 году, в период временного упадка отрасли, состоятельный карчагский землевладелец Яагу, отец Равино, выкупил предприятия по производству шелка в Геокчае с огромной скидкой у предыдущих хозяев. Тогда из-за неизвестной на то время эпидемии погибла вся местная колония жуков шелкопряда. В течение следующих

¹ Джухуд – иудей, перевод с языка тюрки.

трех лет Ягу восстановил, а затем и значительно увеличил объемы своего производства.

В 1880 году Ягу подарил это производство своему старшему сыну Равино, отучившемуся в Нухинской школе шелководства. Старший сын Ягу только что обзаведшийся семьей, получил от отца также в подарок новый благоустроенный дом и пять десятин пахотной земли в поселке.

К слову сказать, Ягу сделал подарок и своему среднему сыну Исроилу после его женитьбы. Ему достались добротный каменный двухэтажный дом и шесть десятин пахотной земли в ауле Мамраш. Младшего сына, Баруха, остававшегося жить в Карчаге при отце, Ягу после женитьбы ничем не одаривал, так как предполагалось, что после смерти отца именно его младший сын унаследует отчий дом и все оставшееся от него имущество. Еще у Ягу были взрослая дочь, которая была замужем за управляющим его землями в селах Аглоби и Хош-Мензиль, и две малолетние дочери от второй жены, будущее которых было обеспечено богатым приданым.

Во времена запрета на владение евреями земли сельскохозяйственного назначения, владелец тутовых посадок, являвшихся кормовой базой для производства шелка на его собственной фабрике, Равино Исроилов, был вынужден привлечь в партнеры, как ему казалось, на короткий срок геокчайского поселкового старосту. Имея влияние среди состоятельных людей, купцов и меценатов, а также некоторых представителей губернских властей, Равино надеялся в скором времени отменить этот запрет

полностью, как крайне несправедливый, либо, по крайней мере, отменить его действие на свои земли.

Однако естественный жизненный уклад, когда прежде уходят пожилые родители, был грубо нарушен.

1 мая 1898 года случился, как установили затем следственные органы, поджог дома Равино. В сгоревшем доме нашли три трупа со следами многочисленных ножевых ранений. Убитыми были хозяин дома Равино, его супруга Мегило и нукер Равино, Али-Султан. Вместе с людьми в доме сгорели деловые документы, пропали все деньги и драгоценности. Указанные трагические обстоятельства привели к тому, что всеми фабриками Равино, большой культурной селекционной колонией жучков-шелкопряда и тузовыми посадками фактически стал владеть Хаджи-Ахмед. Подозрение в убийствах сразу же пало на него, как наиболее заинтересованное в складывающейся ситуации лицо. Однако у Хаджи-Ахмеда было на это время алиби. Он на день убийства уже две-три недели как отправился в *хадж*ⁱ, после которого как раз и получил новое имя *Хаджи-Ахмед*ⁱⁱ. День убийства соответствовал десятому дню запретного мусульманского месяца зу-ль-хиджа и являлся одним из двух главных праздников мусульман, носящим название *Курбан-Байрам*ⁱⁱⁱ.

ⁱ Хадж – паломничество мусульманина в Мекку.

ⁱⁱ Хаджи-Ахмед – имя Хаджи, прибавляется после паломничества мусульманина в Мекку к имени, данному при рождении. Имя Хаджи на конец XIX века уже стало собственным, часто давалось при рождении и не указывало на паломничество в Мекку – прим.

ⁱⁱⁱ Курбан-Байрам – исламский праздник жертвоприношения, ознаменует окончание хаджа, отмечается через 70 дней после праздника Ураза-Байрам.

В это день запрещены войны, конфликты и кровная месть.

Вернулся новоиспеченный хаджи только через две недели. Он изображал перед следствием глубокое горе из-за случившегося. Партнер Равино, каким небезосновательно себя считал Хаджи-Ахмед, имея все документальные подтверждения своего партнерства, в то же время признавал и право наследования доли отца его сыном Рамбомом, который во время убийства родителей находился на учебе в Нухе. Хаджи-Ахмед в присутствии Рамбома клялся дознавателям, что в скором времени восстановит сгоревшие в доме партнера документы на собственность и продолжит дело покойного в партнерстве с его сыном, который и для него был и останется все равно, что родным.

Рамбом, отучившись и став дипломированным специалистом в сфере шелководства, стал работать под началом более зрелого партнера управляющим фабрикой. Рамбом выглядел весьма порядочным скромным несколько полноватым молодым человеком и, казалось, не стремился немедленно расставить все точки над «и», предпочитая, во всяком случае на данном этапе, исполнять роль подчиненного партнера. Имея также статус помощника старосты поселка, Рамбом предпочитал не оказывать своим единоверцам поддержку в том объеме, который мог вызвать возмущение Хаджи-Ахмеда или представителей других этнических групп поселка. Так, к примеру, просьба о выделении земли и помощи в постройке нумаза в Геокчае, переданная евреями старосте через Рамбома, лишь привела последнего в раздражение.

Глава 10. Потоп

Однако вернемся к нашему герою, неприятности которого не ограничились разладом в семье. После внезапной смерти работодателя, Беньягу остался без работы, так как новый владелец фабрики, Хаджи-Ахмед, не захотел видеть его в составе своих нукеров. Мужчине пришлось браться за любую работу, чтобы обеспечить свою семью. К тому же в июле 1899 года случилось то, что навсегда испортило отношения двух соседских семей, Алибея и Беньягу, и усугубило ухудшееся материальное положение семьи последнего.

Поселок пересекала длинная канава, которая служила для полива сельскохозяйственных участков жителей поселка. Верхней частью поселка называлась та его часть, куда втекал этот самый оросительный канал, нижней – соответственно та часть, откуда он, вытекая, впадал в реку Геокчай. Уход за канавой в районе своего участка и очередность полива регулировалось устным соглашением между соседями. Воды практически всегда было достаточно, важно было соблюдать интересы других водопользователей и не перекрывать всю воду на себя. Мастерством возведения водных каналов в новых поселениях славились многие века местные ханы. Они в основании новых поселений закладывали такие вот канавы, вокруг которых и нарезались земельные участки во владение.

Соседями Беньягу сверху и слева была разросшаяся за несколько поколений большая семья крестьянина Алибея, снизу расположилась семья друга, Мустафы.

Как-то после жаркого дня, отработав в хозяйстве одного из состоятельных жителей поселка, Беньягу вернулся домой и полил табак на своем участке (воды в канаве было достаточно). Закончив полив и поужинав с семьей, он направился с Рахамимом на реку искупаться и порыбачить. После прихода с реки он и его семья сразу же легли спать.

Не успел Беньягу закрыть глаза, как услышал у ворот своего двора истошный крик Алибея, сыплющего проклятьями. Тарабаня ногой по воротам соседского двора, он звал хозяина дома.

- Что? Что случилось? – Беньягу вышел во двор в одном нижнем белье.

- Затопил! Ишачий сын! Ты затопил весь мой табак, – задыхался от гнева Алибей, и еще несколько других участков.

- Где? Что? Я помню точно, что перекрыл водозабор, – возмущался оскорблениям в свой адрес Беньягу, поджигая фитиль в керосиновой лампе, – пойдем посмотрим.

Быстро одевшись и натянув сапоги, мужчина вышел со двора и направился, в сопровождении ворчащего Алибея в соседский двор, а оттуда, на его земельный участок. Весь участок был затоплен. Затоплен был и участок Беньягу, и все соседние участки. У мужчины сжалось сердце. Он ходил от одного водозабора к другому, ничего не понимая. Ведь он точно помнил, что перекрыл водозабор. На истерические крики Алибея подходили заспанные соседи. Сыпались

обвинения в адрес Беньягу, его рода и всего еврейского племени.

В некотором отдалении, весь в грязи, подбирая сопли, стоял растерянный двенадцатилетний Али, один из сыновей Алибея. Еще раз осмотрев все водозаборы – свой, Алибея и общий от канавы, затем посмотрев в лицо Али и на лопату, которую тот сжимал в руках, Беньягу понял все.

На своем новом красавце, двухлетнем вороном скакуне, прямо на участок с факелом в руках прискакал Хаджи-Ахмед.

- Ну, что тут произошло? – нервно спросил он у присутствующих.

- Этот еврейский ублюдок затопил весь наш урожай! – громко возмутился Алибей.

Возмущались и другие, прибывшие на место, соседи. Все это время не переставая лаяли, наверное, все геокчайские собаки.

- Что скажешь, Беньягу? – брезгливо повышая тон, спросил, якобы уличенного в немислимом злодеянии, Хаджи-Ахмед.

- Это подлог, – стараясь сдержаться от праведного гнева, произнес мужчина. – Последним полив осуществлялся на участке Алибея, и именно с его участка произошел потоп.

- Ах, какой подлец! – гудела прибавляющаяся толпа. – С больной головы на здоровую. Гнать еврейского ублюдка из поселка. К ответу его. Пусть оплатит ущерб сначала, потом взащей из Геокчая.

- Послушайте, я могу доказать, что это не я сделал! – раздраженно возмутился, в свою очередь, Беньягу.

Собравшийся народ продолжал извергать проклятья, не слушая и не слыша обвиняемого.

- Тихо! Тихо! – прорычал молчавший до того Мустафа.

- Тихо! – добавил Хаджи-Ахмед, крайне ревниво глядя на выскочку Мустафу. – Говори, Беньягу!

- Я могу доказать, что потоп устроил не я, а Али сын Алибей! – сказал заранее обвиненный и направил указательный палец в сторону подростка.

Али растерялся, не зная, что ответить. Потом, после паузы, сквозь слезы выкрикнул:

- Это не я! Это эти евреи сделали.

Алибей опешил и с удивлением посмотрел на сына. Али же, обращаясь к отцу, кричал:

- Это не я, папа! Клянусь!

Хаджи-Ахмед, поочередно глядя то на Али, то на Алибей, то на Беньягу, спросил последнего:

- Чем докажешь?

- Прошу изъять у Али лопату и принести с моего двора мою, – на просьбу Беньягу никто не сдвинулся с места, – Мустафа, принеси, пожалуйста, мою лопату.

- Али, отдай лопату, – приказным тоном сказал Хаджи-Ахмед. – Алибей, когда вы в последний раз поливали свой участок?

- Несколько дней назад, – сказал Алибей, опустив голову.

- Точнее, Алибей.

- В прошлый четверг.

- То есть неделю назад. При такой жаре поливать тебе надо было еще вчера. И когда ты собирался поливать?

- Завтра вечером.

- Не поздно ли?

Мустафа принес со двора соседа лопату.

- Ну, доказывай! – произнес Хаджи-Ахмед.

Беньягу, а за ним и большинство других мужчин подошли к основному водозабору. Хаджи-Ахмед опустил факел. Беньягу воткнул свою лопату рядом с водозабором и выложил весь выкопанный объем глины на обочину канавы, повторил это еще раз и выложил глину рядом чуть сверху. Потом взял лопату Али и сделал то же самое. Лопата Али была штыковой, значительно меньше по ширине и длиннее по высоте лопаты Беньягу, и очертания вскопанной и уложенной ею на обочину канавы глины были несколько уже и длиннее. Рисунок наложенной на водозабор глины показывал, что лопата Али работала поверх лопаты Беньягу.

- Ну и что? – вступил Алибей. Это доказывает только, что ты виноват, а мой Али просто перекрыл воду, которая уже затопила все участки.

- Это говорит о том, уважаемый Алибей, что твой сын Али занимался вчера вечером поливом, – объяснил, обращаясь ко всем, Беньягу, – теперь прошу пройти сюда.

Мужчины перешли к водозабору на соседний участок. Он был открыт, что должно было бы говорить, что полив осуществлял Беньягу. Однако рисунок на водозаборе от выбранной с его поверхности глины показывал, что здесь поработала лопата Али.

- Какие еще вопросы ко мне? – выдохнул Беньягу, глядя на окруживших его мужчин, а затем и прямо в глаза Алибея.

- Завтра при свете дня повторить экспертизу! – приказал Хаджи-Ахмед только-что подоспевшему Рамбому.

- Хорошо! – ответил Рамбом, еще не совсем понимая, о чем идет речь.

- Лопаты забрать с собой, продолжил Хаджи-Ахмед давать распоряжения Рамбому.

- Улики прошу не вытаптывать. Расходитесь! – скомандовал староста и усакал вместе со своим факелом.

После проведенной утром повторной экспертизы, было оглашено решение старосты, в котором говорилось, что такого-то числа июля неопределенным лицом или же по технической причине произошло потопление пяти участков земли с табаком на последней стадии вызревания. Растения не пригодны для получения в процессе переработки продукции соответствующего качества. Проверка причастности двух водопользователей, Беньягу бен Ильизира и Алибея Мамедали-оглы к потоплению результатов не дала. За проведенную экспертизу на указанных лиц налагается штраф по пять золотых червонцев. Денежные средства направляются в поселковый резервный фонд на последующие нужды.

Алибей не признал вину своего сына, хотя и оплатил назначенный штраф, что некоторое время возмущало пострадавших жителей поселка. Однако в памяти о этой истории у многих осталось только то, что к тому происшествию был причастен еврей. Этот случай привел к существенному снижению достатка семьи Беньягу, которому помимо потерянного урожая пришлось оплатить огромный штраф.

С болью в сердце бывший потомственный нукер продал своего любимого коня Гаджара одному из новых нукеров Хаджи-Ахмеда.

Вдобавок ко всем неприятностям в одну из последующих ночей возле соседствующих ворот домов Беньягу и Алибея загорелась огромная куча выгруженных другими пострадавшими соседями погибших растений. Огонь едва не перекинулся на деревянные и тростниковые перекрытия близлежащих построек во дворах двух незадачливых соседей. Взметавшиеся вверх легкие словно пушинки ярко тлеющие листья табака, легко, как лодочки в море, планировали по небу, перемещаясь на легко возгорающиеся кровли их домов и дворовых построек.

Беньягу, подымая ведра с водой по лестнице на кровлю своего птичника, пытался немедленно гасить падающие горящие листочки. Рахиль, видя, что близится непоправимое, спряталась вместе с Иосифом в дальней комнате. Шестилетняя Мозолут внизу во дворе гасила пепел, шлепая по нему лопатой, а Рахамим стоял в середине двора и, казалось, безучастно наблюдал за происходящим. Рядом, в соседнем дворе, за свои дома боролось многодетное семейство Алибея. Если бы подоспевшие на огонь озабоченные соседи не загасили пылающий костер перед воротами двух соседей, вылив в него десятка два ведер воды, Беньягу не удалось бы уберечь свой дом.

Глава 11. Уста-Курбан

В один из субботних дней, находясь в гостях у Беньягу, Мустафа пытался подбодрить своего друга после жизненных перипетий, которые тому пришлось преодолевать за последний год: потерю любимой работы и существенных затрат, связанных с утоплением урожая табака. Достойно оплачиваемой работы в поселке не было, а ехать на заработки оставляя Рахиль с младенцем Иосифом и старшими детьми, было немыслимо.

Мустафа предлагал помощь другу, успокаивал его, говорил, что у него достаточно средств на две семьи. Однако надо было знать Беньягу. Он никогда не принял бы эту помощь от Мустафы. Не потому, что был гордым. Нет. В его сознании была установка, заложенная еще отцом, что каждый мужчина должен быть хозяином, добытчиком своей семьи, и никого больше не должно волновать, откуда он достанет деньги.

Но как же выйти из этого тяжелого положения? Еще год назад Беньягу и не думал, что когда-нибудь окажется без средств к существованию.

Тогда Мустафа аккуратно, чтобы не обидеть друга, рассказал ему о своем лахиджском кунаке и компаньоне Уста-Курбане. Он пояснил другу, что жизнь в Лахидже целиком подчинена одному ремеслу – изготовлению изделий из меди, что его жители в преобладающем большинстве по происхождению таты, говорят практически на том же языке, что и горские евреи, хотя и являются либо мусульманами, либо, как парсы, зороастрийцами. Мустафа

говорил о глубокой порядочности своего кунака, о его двух, приблизительно одного с Рахамимом возраста, воспитанных ангелочках – дочерях, и не очень здоровой, но очень доброжелательной супруги.

Мустафа заметил из разговоров с кунаком, что Уста-Курбану нужен мальчик, помощник для работы в мастерской. За помощь в работе он готов обучить этого мальчика всем секретам своего мастерства, предоставить ему кров и стол.

- Мне кажется, было бы неплохим решением, временно отправить Рахамима на обучение мастерству медника, которое в дальнейшем будет кормить и его, и его будущую семью, – осторожно убеждал друга Мустафа. – Семья прекрасная, там ему будет хорошо, да и я буду присматривать.

Беньягу, задумавшись, молчал.

- Ситуация в твоей семье улучшится. Думаешь Рахиль легко справляться с тремя детьми? – продолжал Мустафа. – В другой раз убежит, можем и не найти ребенка.

- Временно? – спросил Беньягу.

- Конечно. А если что не так, мы всегда его можем забрать домой.

- Этот твой кунак, Уста-Курбан, достаточно ответственный, чтобы доверять ему жизнь ребенка?

- Уверен.

- А ты бы отдал своего Фаруха, если тебя так прижало?

- Для меня разницы нет, Фарух или Рахамим. Думаю, и для тебя тоже, брат! – сказал Мустафа, глядя другу в глаза.

- Ты когда поедешь в Лахидж? – после некоторого раздумья, внезапно вставая, спросил Беньягу.

- В четверг.

- Хорошо! Пока решим так! Если не передумаю, – заключил Беньягу.

Рахиль, узнав о планах мужа, согласилась с его решением. Через несколько дней, скрепя сердце, отец посадил Рахамима в повозку Мустафы, куда уже был уложен чемодан с вещами ребенка. Он надеялся как можно быстрее поправить материальное положение своей семьи и вернуть ребенка обратно.

Восьмилетний Рахамим отнесся к своему переезду несколько прохладно. Не было с его стороны ни слез, ни теплого прощания. Две дружеские семьи провожали его у ворот дома Беньягу. Даже младенец Иосиф, недавно научившийся ходить, неуверенно стоя на ногах, помахал ему ручкой – с помощью мамы, конечно. Все желали Рахамиму доброго пути и скорейшего возвращения. Было грустно. Но только Мозолут не могла сдержать своих рыданий.

Спокойствия и благополучия отъезд Рахамима семье Беньягу не принес, необходимо было поднимать двух других детей: сына Иосифа и дочку Мозолут.

Глава 12. Замысел мастера

В последних числах октября 1899 года Мустафа подъехал к дому Уста-Курбана с особым грузом – он привез к нему скромного восьмилетнего паренька, сына своего соседа и друга.

Ворота во двор открыла Фатима, старшая одиннадцатилетняя дочь мастера. Мальчик и девочка еще издали изучающе смотрели друг на друга, пока Айна, запряженная в повозку Мустафы, не остановилась посередине двора.

- Хозяева, встречайте гостя! – громогласным голосом позвал Мустафа.

В тот же миг из дома, с трудом перебирая ноги, вышла очень полная женщина, Малика, жена Уста-Курбана, а за ней выбежала ее младшая дочка Динара. Затем из мастерской показался сам хозяин семейства.

Рахамим в приталенном шерстяном пиджачке и кожаных щегольских сапожках на каблуках от поселкового сапожника Сурена бодро спрыгнул с повозки и, оглядевшись, будто принимая вызов новой судьбе, прямо глядя на незнакомых ему до сегодняшнего дня людей, поздоровался на своем родном языке:

- *Руз ишму э хэйр бу!*¹

Мустафа попытался объяснить ребенку по дороге, почему тот вынужден уезжать из родного дома, что это временно, и он скоро вернется домой, что за это время

¹ Руз ишму э хэйр бу! – Доброго вам дня! – перевод с джуури.

Рахамим научится определенному, полезному в будущем, мастерству у дяди Уста-Курбана. Также он рассказал мальчику, что те люди, к которым он его везет, говорят практически на том же языке, что и у них в семье.

- Более того, весь город в основном общается не на тюрки, как в Геокчае, а на этом же языке, – с воодушевлением рассказывал Мустафа.

- Правда? – с удивлением откликнулся Рахамим.

В то мгновение улыбка впервые за все время поездки озарила лицо ребенка.

- *Согъ боши! Хош оморэй, аиль ме!*ⁱ – с максимальным добродушием и широкой улыбкой приветствовала мальчика Малика, обнимая и целуя его в обе щеки.

Подошедший хозяин дома поздоровался и обнялся со своим кунаком, затем протянул руку Рахамиму:

- *Шолом! Келе мерд!*ⁱⁱ – протянул он руку Рахамиму.

- *Шолом, хьюьрметлюь Уста-Курбан!*ⁱⁱⁱ – ответил на приветствие ребенок.

Мастер опустил на корточки и посмотрел в смущенные глаза мальчика.

- Не бойся, сынок, считай меня своим близким дядей, вторым отцом. Живи здесь как дома. Вот эти девочки, Динара и Фатима, будут тебе сестрами. А моя жена Малика, будет тебе как мама.

ⁱ Согъ боши! Хош оморэй, аиль ме! – Спасибо! Добро пожаловать, мой мальчик! – перевод с джуури.

ⁱⁱ Шолом! Келе мерд! – Здравствуй! Старичок! – перевод с джуури.

ⁱⁱⁱ Шолом, хьюьрметлюь Уста-Курбан! – Здравствуйте, уважаемый Уста-Курбан – перевод с джуури.

- А что, у тебя что ли нет своего дома? – спросила младшая из сестер, Динара.

Рахамим ничего не ответил, повернувшись к дяде Мустафе и ища у него спасения из сложившегося положения. Однако и Мустафа не нашелся чем ответить на вопрос девочки.

- Здесь его дом, – сказал Уста-Курбан, – и чтобы я больше таких вопросов не слышал. Понятно Вам?

Мужчина обвел глазами своих девочек и улыбающуюся супругу, и затем, обращаясь к Динаре, еще раз спросил:

- Тебе понятно?

- Понятно! – громко ответила Динара и спросила отца: – Можно я покажу мальчику свои рисунки?

- Потом покажешь, сейчас Рахамиму надо отдохнуть с дороги.

Уста-Курбан помимо того, что был хорошим ремесленником, был еще и расчетливым дельцом и семьянином. В появлении у него дома Рахамима был его прямой расчет, о котором он ничего не сказал своему кунаку Мустафе. Жена его, как уже было сказано ранее, была больна и уже не могла родить ему наследника. А Рахамим мог бы продолжить его дело. Как его оставить в своей семье, он даже не задумывался, он был уверен, что Рахамим с ним уже навсегда.

С первого же дня знакомства он пытался расположить мальчика к себе и своей семье, настаивал на предупредительности своих домочадцев в отношении Рахамима. Впрочем, Малике не надо было о чем-то говорить, она приняла ребенка, как измученная тяжелыми

родами мать, которой на грудь положили только-что рожденного ею дитя.

Зная, что Рахамим из еврейской семьи, Уста-Курбан никогда не пытался насадить ребенку другую, чуждую ему веру. Впрочем, мастер был крайне умеренным верующим. К тому же он и его супруга Малика хранили определенную тайну, о сути которой читатель узнает позднее.

Все время, пока Рахамим жил в доме Уста-Курбана, он по-отцовски наставлял его быть мужчиной в любой жизненной ситуации.

- Если тебя будут оскорблять, или судачить о твоём происхождении, – говорил он, – не бойся, бери ближайший камень побольше и бей обидчика по голове. Я за все отвечу.

Также Уста-Курбан, один из лучших мастеров Лахиджа по медному делу, прививал Рахамиму уважение и любовь к профессии медника, последовательно передавал ему все свои секреты.

Обстановка в доме мастера, в отличие от той, которая царила в геокчайском доме, доме отца и мачехи Рахамима, была всегда спокойная, здесь царили порядок и любовь. Мальчик вел себя уважительно к мастеру и его жене Малике, а они старались не делать ему замечаний, чтобы мальчик не почувствовал себя чужим. В спорах между своими девочками и Рахамимом муж с женой, как правило, вставали на его сторону.

В обучении Рахамим был прилежен, мог въедливо и кропотливо заниматься и какой-нибудь второстепенной монотонной операцией, и, по мнению Уста-Курбана, строгой и ответственной, от которой напрямую зависело

качество изготавливаемого изделия. Рахамиму, очевидно, было очень важно получить похвалу мастера.

Малика, догадывавшаяся о замысле мужа, постепенно сама стала относиться к Рахамиму, как к недарованному ей ранее подарку судьбы.

Глава 13. Рахиль и Иосиф

Прошло несколько лет. Господь посылал Беньягу все новые и новые испытания. Умный, подвижный, добрый, любящий поест и поиграть с людьми Иосиф, внезапно заболел. Рахиль и ее знакомая знахарка не могли помочь ребенку. Никакие зелья, заговоры и примочки не помогали. Иосифа охватила лихорадка, появились красные высыпания по всей коже.

Пригласили дорогого уездного врача-педиатра. Он поставил диагноз – скарлатина, прописал порошки, теплое питье и свежий воздух. При высокой температуре доктор велел держать ребенка голым, пока она не сойдет, потом рекомендовал слегка прикрывать ребенка одеялом, ждать и молиться. Господь милостив!

Отмучавшись три дня и ночи в лихорадке, Иосиф умер.

Покачнулось здоровье и у Рахиль. Она ничего не ела, часами рыдала и постепенно стала уходить в себя. Через месяц после соответствующего поминовения ребенка она слегла и уже практически не вставала. Мозолут и Санайя, жена Мустафы, несколько раз за это время купали ее. Рахиль ко всему уже была безучастна. Иногда внезапно зарычит каким-то горловым рыком и опять уходит в себя,

смотрит в одну точку или спит так, что не понять, жива она или нет.

Беньягу пытался делать все что можно: приглашал и врачей, и знахарей, кто обещал помочь, часами целовал и гладил ее черные с редкой ранней сединой волосы. Однажды он услышал, что Рахиль, глядя прямо на него, что-то шепчет. Приблизив ухо, он расслышал несколько тихих выдохов жены: «Ненавижу! Я ненавижу! Я ненавижу тебя!»

Врач, приходивший регулярно, наконец объявил: «Уважаемый, Беньягу! Готовьтесь к худшему. Может быть я и мог бы ее вытащить, но она не хочет... не хочет жить».

Перед смертью Рахиль попросила поесть – айву. Пока несчастный муж искал у кого в поселке мог остаться с осени хоть один плод, она тихо покинула этот мир. На еврейском кладбище поселка Геокчай, рядом с маленьким холмиком могилки Иосифа, появился свежий холмик пока еще безымянный могилки его матери Рахили. Жители поселка нередко примечали здесь мужчину, который приходил проведать своих умерших близких, и сопереживали этому, казалось, внезапно постаревшему крепкому и гордому мужчине, которому было немногим больше тридцати лет.

Оставались Мозолут, папина дочка, которую Беньягу любил больше жизни, и Рахамим, которого отец уже давно не видел. Вернуть бы его домой.

Беньягу просил Мустафу привезти мальчишку на поминаения своего младшего брата и мачехи, однако Мустафа привез какие-то медные предметы – это были подарки, сделанные, по утверждению Уста-Курбана, непосредственно Рахамимом.

Мустафа разводил руками, когда в очередной раз возвращался из Лахиджа. Он привозил одни только новости о нем, а не самого Рахамима. Объяснения же от Уста-Курбана сводились к одному и тому же: для получения самостоятельности в работе ему необходимо поучиться еще каких-нибудь несколько недель или месяцев.

На тринадцатилетие Рахамима Беньягу планировал поехать с ним в Еврейскую слободу в Кубе для проведения праздничного обряда Бар-Мицва. Однако несмотря на такую настойчивую понятную и законную просьбу отца, мальчика не отпустили и, по-видимому, не планировали отпускать.

К тому же Мустафа при общении с Рахамимом в доме Уста-Курбана, к своему удивлению, подметил, что мальчик и сам не изъявляет особого желания поехать к отцу, однако, пожалев чувства несчастного отца, не стал ему говорить об этом.

Немедленному выезду Беньягу в Лахидж помешала внезапная смерть Джагабат, матери Мустафы. Пятидесяти-четырёхлетняя вдова выходила иногда под вечер с девочками-близнецами к реке, садилась на краешек ствола срубленного много лет назад дубового дерева и наслаждалась сгущающимися сумерками и ароматами опоенного речной влагой воздуха. Она наблюдала как девочки играют меж собой, рассказывала им истории из своей жизни, пела тихие, много раз слышанные ими колыбельные песни. Одна из этих песен прервалась на полуслове.

Глава 14. Рахамим и Динара

Прошло еще полгода, но Уста-Курбан под разными предложениями не отпускал ребенка к родным в Геокчай.

Как раз в этот период он выдавал замуж свою старшую дочь Фатиму. В семье царила радость и небольшая горечь от того, что девушка покидала свой родной дом, переселяясь в дом мужа. Для всех гостей и новых родственников семьи Рахамим был братом Фатимы, и отношение к нему было крайне предупредительным и уважительным.

Несколько повзрослев, и, оставаясь в доме без постоянного присутствия Фатимы, а временами и без Уста-Курбана и Малики, Рахамим и Динара стали как-то странно относиться друг к другу. Они часто ссорились по пустякам, без особой причины радуясь примирению после коротких ссор, потом снова ругались. Ранее спокойная и благодушная атмосфера в доме превратилась из-за отношений двух детей, в сущности подростков, в напряженную и взрывную. Родители девочки заметили эти изменения в общении, но до поры до времени не стали принимать какого-либо решения. Дошло до того, что на наводящий вопрос матери Динара, краснея, ответила, что Рахамим ей нравится и вовсе не как брат. Малика не нашла ничего лучшего, как пристыдить дочку, обозвав ее нехорошим и не употреблявшимся раньше в этой семье словом, на что получила раздраженную отповедь от ранее всегда вежливой и послушной дочки.

Постоянное смущение Рахамима перед дочерью также не осталось незамеченным от глаз взрослых.

Выставить подростка, которому еще не было и четырнадцати лет, и к кому уже давно прикипели душами и Уста-Курбан, и Малика, и, как оказалось, их доченька, они не могли. Изменить чувства подростков друг к другу тоже. В конце концов Уста-Курбан и Малика приняли решение спросить напрямую у Рахамима, что он думает о Динаре.

Рахамим давно ждал этого разговора, опасаясь, что мастер и Малика смотрят на него предосудительно, и что жизнь его в этой прекрасной семье вот-вот закончится скандалом.

- Я люблю ее! – набравшись воли, глядя волчком в глаза своих фактически приемных родителей, выдал четырнадцатилетний юноша, когда они, втроем, усевшись в кунацкой собирались было начать разговор.

- Что ты знаешь о любви, щенок! – нарочито строго произнес Уста-Курбан.

Рахамим посмотрел в лицо мастера, а потом на вспыхнувшую от слез Малику и тоже заплакал.

- Что ты плачешь, мальчишка! – также строго продолжал мужчина!

- Я не мальчишка, – смахнув ладонью слезы ответил Рахамим.

- А кто ты? А? – продолжал наседать Уста-Курбан. – Мужчина?

- Я не мальчишка, – успокаиваясь, повторил Рахамим. – Я люблю Динару!

- Любишь – женись! Только не плачь! – несколько отступил Уста-Курбан. – Что должен сделать мужчина, когда он любит!

- Посвататься!

- Посвататься, – передразнил юношу мастер. – А не мал ли ты еще, сынок?

Юноша притих, опустив голову.

- Хватит, Курбан! – вступилась Малика.

- Ты уверен, сынок, что любишь Динару? – спросила она.

- Больше жизни люблю! – произнес юноша, не в силах овладеть эмоциями.

Малика, слегка пожав плечами, посмотрела на мужа. Глаза ее как бы говорили ему: «Ничего не поделаешь. Надо их поженить».

- А деньги на калым у тебя есть? – деловито спросил Уста-Курбан.

- Все, что у меня есть и когда-нибудь будет, все отдам за нее.

- Тогда, ладно! – подытожил мужчина, и встал, – Можешь засылать сватов. А в августе-сентябре поженим вас.

- А теперь встань, я обниму тебя сынок, – промолвил, улыбаясь, Уста-Курбан и крепко обнял юношу.

Еле привстав, и Малика обняла и расцеловала юношу.

- *Худо Кумек, аиль ме!*ⁱ – произнесла она, не раз слышанные Рахамимом когда-то очень давно слова.

ⁱ Худо Кумек, аиль ме! – Бог в помощь, мой мальчик! – перевод с джуури.

Глава 15. Сафар

Начальником шелкокрутильного участка фабрики, где работала двенадцатилетняя Мозолут был Сафар. Он с детства был приятелем управляющего фабрикой Рамбома, так как они были ровесниками и принадлежали к семьям с приблизительно равным достатком. Сафар также был единственным сыном в своей семье, к тому же поздним ребенком. Все ранее рожденные его матерью дети умирали в раннем детстве от болезней, не прожив и одного года. Желания Сафара – единственного наследника своего отца, немедленно выполнялись, возможно поэтому мальчик вырос пустым и избалованным человеком. Вместе с Рамбом они отучились в Нухинской Практической школе шелководства. Вернее, учился Рамбом с еще несколькими другими парнями из поселка, а Сафар предавался постижению радостей взрослой жизни. Этому способствовали немалые деньги отца, помощь старейшины поселка Хаджи-Ахмеда, заинтересованного в грамотных специалистах в производстве шелка, а также обилие красивых молодых женщин, приехавших сюда учиться со всего Кавказа.

Рамбом за год до окончания учебы, как уже известно уважаемому читателю, стал сиротой. Родители Рамбома погибли, когда ему было семнадцать лет при странных обстоятельствах – заживо сгорели в своем доме. Староста поселка Хаджи-Ахмед был тогда младшим партнером отца Рамбома, Равино.

Сафар давно поглядывал на одну из работниц своего участка, красивую двенадцатилетнюю девушку, еврейку с длинными черными волосами до пояса. Когда Мозолут улыбалась, в нем просыпалось чувство хищника, желающего растерзать свою добычу. Временами ему даже казалось, что он безнадежно влюблен в эту девчущку.

Сафару было двадцать пять лет, и он до сих пор не был женат, и только от того, что родители не могли подобрать ему подходящую во всех отношениях девушку. Невеста должна была быть из достойной и состоятельной семьи. Однако приобщение к прелестям взрослой жизни, произошедшее у парнишки уже в четырнадцать лет, в начале обучения в школе шелководства, и немалое количество денег привели его к ощущениям вседоступности и вседозволенности. Вернувшись после учебы в поселок, Сафар встречался с многими из представительниц его прекрасной половины, замужними и вдовыми, да и просто обманутыми им девушками.

Сластолюбцу казалось, что Мозолут он однозначно сможет покорить. Пару раз он пытался делать ей небольшие подарки – колечки, сережки и кулончики из серебра. Однако Мозолут не принимала их, и даже не смотрела в сторону Сафара.

Однажды к Мозолут подошла одна из работниц фабрики и вlepила ей оглушительную пощечину. Едва придя в себя от неожиданности, девушка сквозь слезы прокричала:

- За что?

- Ты знаешь за что, маленькая сучка? – ответила та, и больше с Мозолут никогда не заговаривала.

Сафар же не отставал. Вертелся возле нее, говорил, что влюблен, предлагал украсть ее и увести отсюда. Однако девушку это вообще не интересовало. Отцу она ничего не говорила, боясь его расстроить.

В один из празднуемых большинством геокчайцев дней 1905 года, *Новруз-Байрам*¹, Мозолут пришла на работу, так как Сафар объявил этот день рабочим. Однако на фабрике кроме нее и Сафара больше никого не оказалось.

- Извините, я наверно ошиблась? – произнесла девушка и направилась к выходу из помещения.

Однако Сафар не дал ей пройти и трех шагов. Схватив за край одежды, он резко развернул ее к себе, схватив обеими руками за талию и бедра.

- Мозолут я без ума от твоей красоты! – задыхаясь от страсти выпалил он. – Я давно влюблен в тебя. Давай уедем. Ты ни в чем не будешь нуждаться.

Ударяя тоненькими, но крепкими ручонками по лицу и плечам Сафара, Мозолут просила его отпустить ее. Из ее глаз ручьем потекли слезы.

- Не трогай меня! Не трогай! Мой отец убьет тебя, – в истерике кричала девушка, пытаясь как-то вразумить будто обезумевшего Сафара.

Девушка непрерывно кричала, задыхаясь в беспорядочных мужских поцелуях, пока не ударилась головой об стол, на который бросил ее насильник. Быстро очнувшись от мгновенной потери сознания, она

¹ Новруз-Байрам – праздник прихода весны по астрономическому солнечному календарю у иранских и тюркских народов. Новруз является национальной традицией, не имеющей прямого отношения к исламским обычаям.

расцарапала Сафару лицо и шею. Однако тот, крепко прижав девушку к столу, уже овладевал ею.

Через несколько минут все закончилось. Мозолут с царапинами на лице и шее, с потеками крови на ногах, в истерзанном платье лежала на столе, скрючившись от боли и унижения. Сафар смотрелся в зеркало, пытаясь оценить причиненный своей внешности ущерб.

- Вот, сука! – возмущался он. – Ничего особенного не произошло. Вы, женщины, предназначены для этого.

- Мой отец убьет тебя, тварь! – шептала сквозь слезы Мозолут.

- Ничего и не убьет. Мы сейчас тебя умоем, почистим и уедем из поселка. Я за свои слова отвечаю. Будем жить душа в душу. Родим ребенка. Все будет хорошо.

- Сволочь! – сквозь слезы бормотала девушка.

В помещение вошел Рамбом.

- Что здесь произошло? – воскликнул он, глядя на лежащую на столе Мозолут.

- Ничего. Все в порядке, – оскалившись в зеркало, ответил Сафар.

- Ты что натворил, ублюдок? – подойдя к Сафару и тряхнув его за грудки, прохрипел Рамбом. – Что же теперь будет?

На глазах Рамбома была растерянность. Рамбому и самому нравилась Мозолут. В своей романтической душе он надеялся, что через годика полтора-два, когда девушка немного повзрослеет, он пошлет к ее отцу сватов. Но теперь, посмотрев на девушку, следы насилия на столе, Рамбом поник. Он принес ей из соседнего помещения комплект женской рабочей одежды, попросил переодеться, и, по

возможности, привести себя в порядок. Девушка привстала, продолжая плакать и произносить:

- Сволочи! Сволочи! Отец убьет вас!

Посмотрев на самодовольного ублюдка-приятеля, Рамбом толкнул его в грудь.

- Я отведу ее домой в твоей повозке. А ты беги из поселка, – кричал он. – Бери моего коня во дворе и беги.

- Зачем, Рамбом? Зачем мне бежать?

- Идиот, Беньягу убьет тебя. Я убью тебя, придурок! – взорвался Рамбом.

- Ладно, ладно. Успокойся, – стараясь быть невозмутимым, произнес Сафар.

- Я у Мими-закройщика, если что, дружище, – произнес на прощанье, скалясь в улыбке и предлагая рукопожатие, Сафар.

- Пошел ты, – сказал Рамбом, проходя мимо протянутой для рукопожатия руки Сафара.

- Не переживай ты так, все будет хорошо, – произнес Сафар, не получив ожидаемого пожатия руки, и вышел.

Когда Рамбом подошел к Мозолут, она оттолкнула его и сама пошла в сторону выхода. Девушка уже не плакала. Она уже решила, что ей делать.

Когда Рамбом подвез ее к дому, девушка сразу же соскочила с повозки и кинулась во двор, а оттуда в амбар.

Рамбом, опасаясь чего-то такого, зашел во двор и остановился у дома Беньягу. Девушка, выйдя из амбара в центр двора, стала обливать себя керосином из неловко поднятой над головой бутылки. Жидкость потекла на одежды и красивые растрепанные черные волосы девушки. Огромная бутылка выпала из рук Мозолут. Чиркнув

спичкой и глядя куда-то в небо, девушка бросила ее на себя и почти сразу же начала гореть. Оторопевший Рамбом был в замешательстве и не сразу нашелся, что делать. Выйдя из ступора, он вспомнил, что в повозке Сафара есть большое матерчатое полотно, которым тот накрывал перевозимые грузы. Он ринулся за ним, стащил его с повозки, и, догнав горящую, кричащую от боли девушку, повалил ее на землю и накрыл этим полотном. Горение практически сразу же прекратилось, девушка продолжала кричать.

- Что же ты наделала, глупая моя? – в бессилии сокрушался Рамбом не понимая, как успокоить Мозолут.

Во двор на крики девушки заглядывали соседи и другие жители поселка. Через несколько минут вбежал встревоженный Беньягу. В нос ударил запах разлитого керосина. Увидев обернутую в грубое полотно плачущую Мозолут с сидящим рядом Рамбомом, он бросился к ним.

Едва прикоснувшись, отец одернул руки от головы девушки, так как она закричала от боли. Он даже не мог поцеловать свою девочку и успокоить.

- Папа прости! – шептала девушка, продолжая плакать.

- Что случилось, доченька? – кричал разъяренный отец, обращаясь то ли к ней, то ли к стоящему рядом Рамбому. – Что случилось?

Взглянув на непокрытые голени дочки, Беньягу все понял. Привстав и плотно подойдя к Рамбому, он что было сил тряхнул мужчину за плечи:

- Кто это сделал? Кто это сделал, Рамбом?

- Сафар, – ответил тот после небольшой паузы, глядя на Беньягу маленькими, полными страха, глазами.

- Са-фа-а-а-а-р! – взревел Беньягу и вынул кинжал из кожаных ножен.

- Где? Где он?

Рамбом молчал, опустив голову.

- Я же тебе доверял! Я доверил тебе самое дорогое, что у меня осталось, свою единственную дочь! – ревел Беньягу.

- Где Сафар? – внезапно понизив тон и приставив остриё клинка к груди мужчины, спросил мужчина. – Где?

Из груди побледневшего Рамбома хлынула кровь.

- Больше повторять не буду, Рамбом!

- Варташен! У Мими-закройщика, – ответил Рамбом и упал без сознания.

- Фарух, помоги, – попросил Беньягу, стоящего неподалеку юношу.

Мозолут аккуратно перенесли в дом и положили на единственную в доме железную кровать. Девушка была в шоке и безучастно смотрела на отца.

Беньягу бросился к подводе Сафара, распряг коня, надел на него имевшуюся в подводе сбрую и поскакал прочь.

Глава 16. Возмездие

До села Варташен по более-менее приемлемым дорогам восемьдесят пять верст пути, а если попробовать напрямую по пересеченной местности, то шестьдесят верст. Беньягу был хорошим наездником и рассчитывал нагнать Сафара задолго до его въезда в село.

Через несколько часов он был уже у южного въезда в Варташен. Спешившись и оправившись, Беньягу оглянулся. Весна уже полной грудью вступала в свои права, земля дышала, нежно-розовым цветом радовали кустарники миндаля, а на редких деревьях вдоль дороги распустились молодые листочки.

Немного подождав у дороги, пытаясь немного прийти в себя, мужчина, вновь оседлав коня, направился навстречу Сафару. Сгущались сумерки, ознаменовывавшие окончание древнего праздника весны и первого дня Нового года, когда на дороге показался всадник. Приблизившись на расстояние пятнадцати-двадцати саженей друг от друга, всадники остановили своих коней.

- Беньягу, я тебя не боюсь! – крикнул Сафар так громко, чтобы его услышал соперник. – Не от того, что я стою сейчас возможно перед лицом смерти, а ради правды скажу, что я люблю Мозолут и хотел на ней жениться. Но она же упертая. Что ей еще надо было. Я предлагал ей уехать вместе, а она только издевалась надо мной.

Разглядывая мрачное лицо Беньягу, его потертую от времени черкеску, он продолжил:

- С ней ничего не случилось. Только удовольствие получила. Иди, Беньягу, домой. Я заплачу тебе за эту небольшую неприятность хороший *бакшиш*ⁱ.

- Хватит болтать, Сафар! Возьми кинжал и умри, собачий сын, – разъяренный мужчина ринулся к Сафару, однако тот вынул из-за спины пистолет и выстрелил в Беньягу практически в упор.

Вовремя заметив движение Сафара, Беньягу уклонился от выстрела и продолжил движение в сторону Сафара. Тот в ответ привстал в стременах и, сложив ладони в рупор, закричал:

- *Атэш!*ⁱⁱ Атэш! Атэш!

Конь под Беньягу неожиданно испугался, и, встав на дыбы, едва не сбросил своего наездника. Взбудораженное возгласами Сафара животное еще несколько раз попыталось избавиться от седока, и тот, удерживаясь, на несколько секунд развернулся к сопернику спиной. Сафар этого и ждал. Сделав бросок вперед и промчавшись с тыла, он полоснул наездника кинжалом по спине.

Беньягу было невдомек, что конь, которого он вызволил из повозки и оседлал, принадлежал Сафару. Разъяренный хитростью насильника дочери, он силой воли умирил напуганного коня и, несмотря на болевые ощущения в спине, кинулся на парня. Сафар был не робкого десятка. Отец нанимал ему для обучения лучших специалистов по боям, и тот, не сомневаясь в своем умении, считал, что сможет победить даже такого опытного нукера, как Беньягу.

ⁱ Бакшиш – чаевые, пожертвование, подарок – перевод с персидского языка.

ⁱⁱ Атэш – пожар, огонь – перевод с тюрки.

Однако всякий раз Сафару чего-то не хватало, чтобы нанести точный удар. Противник же, мотивированный своим огромным горем, был неосторожен, но чрезвычайно силен. Приблизившись вплотную, мужчины уперлись друг в друга скрещенными кинжалами. После силового противоборства и борьбы взглядами, Беньягу резким движением сбросил противника с лошади, и сам оказался на земле. Упавший Сафар несколько попятился и, быстро привстав, подбежал к коню и снова взобрался на него, победно оглядываясь в сторону упавшего противника. Однако Беньягу там не было. Погнавшись за Сафаром, и в тот момент, когда тот садился в седло, рывком пробравшись под его конем, разгневанный отец дважды пронзил противнику живот с неожиданной стороны. Пытаясь вскинуть кинжал, Сафар обмяк и выпал из седла.

Тяжело дыша, Беньягу присел на лежащий рядом валун. Продышавшись, он положил тело убитого на одну из лошадей и направился назад, в Геокчай.

Подъехав к поселку с первыми петухами, мужчина сбросил тело Сафара у ворот дома его родителей, привязав к ним обеих лошадей. Грязный и усталый вошел во двор своего дома. Прошедший день коренным образом перевернул его жизнь. Он зашел в дом и направился в кунацкую. Мозолут с повязками на лице и шее, руках и ногах спала. У кровати сидела Саная.

- Как она? – тихо спросил Беньягу.

- Плохо, очень плохо, – ответила Саная и вышла из помещения.

На смену ей через несколько минут вошел Мустафа. Мужчины поздоровались.

- Сегодня утром приезжали русские, искали тебя. Вчера был врач, осмотрел Мозолут, обработал мазью тело. Сказал, что большая площадь поражения ожогами, но могло быть и хуже, если бы вовремя не погасили возгорание. Необходим постоянный уход. Все инструкции он оставил Санайе. Будет приходиться каждый день. Рамбома увезли в госпиталь с тяжелым ранением в грудь.

У двери в кунацкую, куда уложили Мозолут, появился русский полицейский чин и, увидев Беньягу, спросил:

- Гражданин Беньягу бен Ильизир Рафоилов?

- Да, – ответил несчастный отец и вышел из комнаты, где лежала дочь.

- Вы арестованы. Сдайте оружие, – предложил подпоручик и принял снятый потрясенным отцом кинжал в ножнах.

- Пройдемте, – сухо предложил он далее.

- *Минкин бисдоге, хэбер мифуърсуьм э туь, хьовир меⁱ*, – произнес Мустафа.

- Говорите на русском, – возмутился полицейский.

- Насчет детей и дома не беспокойся, мы посмотрим за ними, – перейдя с джуури на русский, продолжил Мустафа.

- Спасибо, Мустафа! – поблагодарил друга Беньягу и затем обратился к полицейскому. – Можно я попрощаюсь с дочкой, господин офицер?

- Две минуты, и на выход, – произнес поручик и вышел из дома.

ⁱ Минкин бисдоге, хэбер мифуърсуьм э туь, хьовир ме – Появится возможность, пошлю тебе весточку, дорогой друг – перевод с джуури.

У входных дверей в дом на изготовке стоял конвойный солдат в длинной шинели и такой же длинной снаряженной штыком винтовкой в руках.

Беньягу поцеловал дочку, и в этот момент она открыла глаза.

- Папа, я не виновата, – как в бреду сказала она, – мне больно.

- Спи, моя сладкая, выздоравливай, я обязательно вернусь к моему солнышку, – произнес Беньягу.

Мозолут заснула, а у ее отца на глазах блеснули слезы.

Глава 17. Джамаат

После предания тела Сафара земле и прочтения всех положенных по этому скорбному случаю молитв, взрослые мужчины поселка потянулись к родительскому дому убитого на *джамаат*¹.

Похороны, предписанные по мусульманскому обряду в день смерти были бы невозможны, если бы отец убитого, уважаемый Амирбек, не оплатил полицейскому, ведущему расследование, существенную сумму на проведение экстренной экспертизы тела.

Люди сидели на лавочках, расставленных по периметру двора в два-три ряда. Присутствующие мужчины

¹ Джамаат – объединение мусульман с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой и т.п.

разделились на группы, в основном возрастные, и монотонно обсуждали происшедшее.

Сначала, привстав со своего места, Амирбек поблагодарил всех собравшихся, что пришли на похороны и поминовение его единственного дорогого сына Сафара, затем добавил:

- Уважаемый джамаат, ваша задача определить сейчас степень вины моего убитого сына Сафара, да будет покойна его душа, и этого негодяя Беньягу, который отнял у меня его. Я с самого раннего детства учил своего сына быть справедливым к людям, дал ему хорошее образование, в этом или следующем году мы планировали женить его на достойной девушке, воспитать достойных внуков. Вместо этого мы получили его растерзанное тело. Смею надеяться, Вы примете правильное, достойное наших отцов решение.

Амирбек сел, поддерживаемый рядом сидящими мужчинами.

- Итак, уважаемый джамаат, что мы знаем? – принял должную эстафету староста Хаджи-Ахмед. – В праздничный для многих день двое, юноша и девушка, встречаются в месте, где, однозначно, в это время никого не должно быть. Что там делал Сафар понять можно. Он в силу своего профессионального долга не мог оставить на целый день вверенное ему имущество – более десяти тысяч коконов шелкопряда. Пришел посмотреть, как они развиваются.

- Что же здесь делала эта молодая особа? Кто-нибудь мне об этом расскажет? Кто-нибудь объяснит мне это? – продолжал, повышая голос, Хаджи-Ахмед. – Евреи, сидящие здесь, могут объяснить мне это?

Хаджи-Ахмед сделал длинную паузу, высматривая лица горских евреев среди джамаата.

- Вот ты, Симон, скажи, где вчера была твоя дочь?

- Дома, где ж ей еще быть? – хмуро ответил Симон.

- Правильно. А что искала в том здании, эта... эта... – наигранно подбирал подходящее слово Хаджи-Ахмед.

- Мозолут, – послышался голос, – Мозолут зовут эту несчастную девочку!

- Кто это говорит? – несколько опешив, обратился к джамаату Хаджи-Ахмед.

- Я говорю, Мустафа, – привстал Мустафа и снова присел.

- А, Мустафа? Мы хорошо знаем, как ты относишься к этому выродку.

- Беньягу не выродок. Выродком был Сафар, и вы все об этом хорошо знаете. Этот подлец расставил ловушку и погубил эту, ни в чем не виноватую, девчонку.

- Ишачий сын, – прозвучал грозный голос Амирбека. Мужчина привстал, держась за рукоятку кинжала, – как ты смеешь, ишачий сын? В моем доме.

Амирбек резко направился в сторону Мустафы, но был придержан несколькими мужчинами.

– *Ленэтленмиш еягуди гушеси!*ⁱ Пусть тебя настигнет такое же горе. Пусть на твоего Фаруха снизойдут такие же страдания, как на моего любимого Сафара!

Высказанные проклятия немного успокоили Амирбека, и он присел.

ⁱ Ленэтленмиш еягуди гушеси! – Проклятый еврейский прихвостень! – перевод с тюрки.

Один из придерживающих его мужчин открыто шептал ему:

- В другом месте с этим ублюдком разберемся.

Чувствуя крайне негативное отношение к себе большей части джамаата, готовое перевоплотиться в реальное нападение на него с любой стороны, Мустафа привстал:

- Я сейчас уйду, – произнес он, – но вы все знаете, что по законам крови Беньягу поступил правильно! И почти каждый из вас, не считая некоторых псов, поступил бы также, вступившись за поруганную честь дочери.

Затем, медленно пройдя вдоль ряда поселчан и повернувшись практически у самых ворот к сидящей там группе мужчин, разъяренный Мустафа продолжил:

- А вы, братья евреи, так и будете поджимать свои хвосты, сдавая своих несчастных соплеменников? Так ведь завтра то же самое повторится и с вашими дочерьми.

Сказав это, Мустафа вышел со двора.

Далее на джамаате происходило что-то невообразимое и выглядело довольно дерзким для большинства присутствующих. Несколько мужчин-евреев бегло высказалось с мест приблизительно о следующем: что в этом джамаате нет и никогда не было справедливости; что все решения, в которых стороной является еврей, выносятся в пользу противоположной стороны; что по подложным обвинениям и наговорам, о чем впоследствии стало понятно и всем присутствующим, в тюрьмах сидят двое из их единовецев, жителей поселка.

К дискуссии о несправедливости, царящей в поселке, присоединились и армяне. Наблюдая, как задуманная им игра превращается в иную, переходит в огнеопасную

дискуссию, Хаджи-Ахмед приподнял руку с ружьем и выстрелил в воздух.

- Хватит! Тише! Вы уважаемый джамаат или стадо баранов? Или мне самому начать сейчас убивать? Если кто-то из евреев не согласен с обвинением девушки, то вы просто обязаны согласиться, что Рамбом, между прочим, ваш единоведец, пострадал от Беньягу незаслуженно. За что он получил кинжалом в грудь, кто мне скажет? За что он сейчас находится на грани смерти? – взревел Хаджи-Ахмед.

На этот раз все молчали.

- Я был очень дружен с отцом Рамбома, Равино. Талантливейшая была личность, толковый и грамотный деловой человек. Вы знаете, мы были партнерами по шелковому производству. К сожалению, семья Рамбома погибла. И я на могиле своего друга обещал, что стану его сыну вторым отцом, – здесь Хаджи-Ахмед сделал паузу, будто бы давая волю захлестнувшим его чувствам, и далее продолжил нарочито медленно, отчетливо произнося каждое слово. – Этого я так не оставлю! Надеюсь, джамаат меня поддержит. Если Рамбом умрет, то я выполню все, что предписано нашим законом – виновный захлебнется в своей крови уже в течение этого месяца, где бы он ни был – там, где он сейчас находится, либо здесь, перед лицом всего джамаата. Если Рамбом выживет, Беньягу воздастся тем же, что он сделал с ним. Он будет искалечен так, что каждый день в мучениях будет мечтать о смерти.

- Правильно, – раздалось откуда-то.

- Пусть умрет, как собака.

Удивительно, но возражений на эти злобные реплики не было.

- Дайте мне слово, – привставая, крикнул Амирбек. – От того, что уважаемый Хаджи-Ахмед обещал наказать негодяя, лицо которого окроплено кровью моего сына, мой личный счет не может быть закрыт. Я сам оставляю за собой право уничтожить Беньягу в любое время, когда посчитаю это возможным сделать.

- Уважаемый Амирбек, скорее всего, Вам не придется этого делать. Однако джамаат, думаю, поддержит в этом и Вас, – произнес удовлетворенный решением джамаата староста.

Глава 18. Арестант

Начальник полицейской стражи уездного центра Геокчай Бакинской губернии отставной штабс-капитан Парамонов Евграф Кузьмич был в хорошем расположении духа. Наконец-то в его ведении оказалось стоящее дело. А это означало, что можно будет неплохо заработать.

Арестован туземный еврей за убийство татарина и преднамеренное нанесение тяжких телесных повреждений своему единоверцу.

«Не менее пятидесяти червонцев, – размышлял полицейский чин, прикидывая в уме сумму, которую ему могло сулить это дело, – тем более на кону судьба еврея. Кому может быть интересно, на всякий случай, проводить в случае чего следствие по какому-то туземному еврею, а тем более двум евреям, что фигурируют в этом деле».

Несколько лет назад Евграфу Кузьмичу уже доводилось арестовывать и с выгодой для себя подготавливать

документы для суда над двумя подобными негодьями из Геокчая.

Здание полицейской стражи поселка Геокчай находилась на правом берегу одноименной реки, на северо-западной его окраине. В цокольном этаже здания располагалось несколько камер для арестованных. На первом этаже выстроенного из пиленного ракушечника здания располагались кабинеты нескольких чинов полицейской стражи: начальника, урядника, дознавателя и надзирателей. Последние охраняли арестантов и участвовали в конвоировании арестованных для следственных действий, суда и в тюрьму в Кюрдамирский особый мировой участок, в ведении которого был геокчайский уезд.

- Приведите, пожалуйста, арестованного Беньягу бен Ильизир, – скомандовал штабс-капитан одному из дежурных.

Через десять минут арестованный был препровожден конвойным в кабинет полицейского чиновника.

Беньягу выглядел уставшим, однако не был удручен своим нынешним положением. Он присел на предложенный полицейским табурет.

- Можете идти, – скомандовал хозяин кабинета конвойному и, дождавшись пока тот выйдет, продолжил, обращаясь к арестованному. – Итак, Беньягу бен Ильизир, Вы убили гражданина Сафара Амирбек-оглы. Зачем Вы это сделали? Что Вас побудило на это преступление?

Арестованный молчал, обдумывая свое положение и необходимость что-то отвечать этому лощеному полноватому господину.

- Повторю свой вопрос. Зачем Вы убили гражданина Сафара Амирбека-оглы?

- Я убил негодяя! – ответил Беньягу, не решаясь произнести те слова, которые могли быть объяснением его действиям.

- Эх, батенька, кабы каждого мерзавца жизни лишать, то мы бы половины России не досчитались.

Далее, всматриваясь в лист бумаги, лежащий перед ним на столе, полицейский чиновник произнес:

- По имеющемуся у меня донесению, этот гражданин, Сафар, надругался над Вашей дочерью, и Вы его убили за это. Так?

Беньягу перехватило дыхание. Глотнув воздуха, он произнес.

- Так.

- Признаете значит. Что ж по-мужски. С этим, вроде бы, все ясно.

Встав и удовлетворенно прогуливаясь у своего стола, далее по всему кабинету, Евграф Кузьмич резко произнес, опустив голову прямо над ухом Беньягу:

- А за что вы тяжело ранили гражданина Рамбома Исроилова?

- Значит, Рамбом жив? – спросил несколько воодушевившись, арестованный. – Как там моя дочь?

- Отвечайте на вопрос, гражданин!

- Случайно получилось. Хотя, если он жив, то получил по заслугам.

- За что же?

- За злоупотребление доверием. За попустительство. За невнимание. За предательство, – выпалил Беньягу.

- Вы пытали его, – с гневом бросив руки на стол, крикнул Евграф Кузьмич. – У нас есть свидетельство гражданина Алибея. А между тем пострадавший привез вашу дочку домой. Может быть даже спас.

- Спас бы, если б ничего не случилось, сверкнув глазами, произнес Беньягу.

- Чем вы ранили Рамбома?

- Своим кинжалом.

Надев на руки белые перчатки, Евграф Кузьмич, открыл стоящий справа от него шкаф и вытащил оттуда большой кинжал в украшенных серебряными накладками кожаных ножнах.

- Вот этим? – произнес полицейский, медленно вынув оружие из ножен.

- Да, ответил Беньягу.

- Серьезное оружие! – в восторге пробормотал полицейский, осматривая булат клинка, а затем и рукоять кинжала.

- Итак, что мы имеем? – деловито продолжил Евграф Кузьмич, возвращая орудие убийства в шкаф и мелкой дробью касаясь пальцами обеих своих ладоней друг друга.

- Так, так, так! И признание есть! Дело — проще некуда! – в непонятном арестованному воодушевлении медлил полицейский чиновник.

- Двадцать лет каторжных работ в Сибири, а то и повесить могут! – уставился Парамонов прямо в глаза арестованному.

Не увидев в глазах Беньягу ожидаемых реакций страха и растерянности, он еще раз повторил:

- Вы слышите, что Вам говорят, – и, немного помедлив.
– Знаете, что это значит? Не вернетесь Вы уже сюда... живым.

Арестант молчал. Он сожалел лишь о том, что оставит дочку в таком положении. «Кто ее защитит, мою бедную девочку, Мозолут? – думал он. – Когда я снова увижу своего Рахамима? Как он живет, не обижают ли его там, помнит ли он своего несчастного отца?».

Из мрачных раздумий мужчину вывело холеное улыбающееся от чего-то лицо полицейского чиновника, который видимо добился должного результата допроса.

- Знаете, уважаемый Беньягу, ведь можно и пособить Вашему делу, – продолжал улыбаться полицейский.

- Как это, пособить? – не понимая сказанного переспросил Беньягу.

- Надеюсь, гражданин, Вы в достаточной степени понимаете русский язык и хорошо поняли то, о чем я Вам до сих пор говорил. Или Вами что-то еще было не понято? – сменил милость на гнев, вставая со своего места и глядя прямо в лицо арестованному, Евграф Кузьмич.

После недолгой паузы он, уже стараясь быть бесстрастным, спокойно и негромко, акцентируя свою речь на каждом слове, произнес:

- Пособить – это значит помочь. Помочь Вам сохранить себе жизнь. Я могу помочь Вам избежать наказания. Это понятно?

- Понятно, произнес Беньягу. Что от меня требуется?

- Правильный вопрос, уважаемый! – снова доверительно улыбнулся полицейский. – Деньги требуются, милейший. Сто червонцев.

- Таких денег я никогда в глаза не видел!

- Конечно, откуда у тебя, – посмотрел в очередной раз прямо в глаза замученному Беньягу Евграф Кузьмич. – Вы, надо полагать, бедны. Однако друзья, состоятельные родственники у Вас есть?

- Нет. Нет у меня богатых родственников.

- Хорошо, – устало произнес полицейский, – хорошо, подумайте пока. Но так думайте, как обычно правильно и ответственно думают ваши единоверцы. Жизнь стоит этих денег, поверьте. А пока подпишите протокол допроса.

Беньягу взял поданную ему перьевую ручку и, практически не глядя, подписал протокол.

- Конвойный! – громко позвал полицейский.

Вошел конвойный и встал у двери, щелкая каблуками сапог.

- Проводите арестованного.

- Беньягу встал и направился к двери.

- Даю Вам два дня, – вслед выходящему из комнаты арестанту крикнул штабс-капитан и присел за стол.

«Этот вряд ли принесет денег», – подумал Евграф Кузьмич, хотя, по его жизненному опыту, те на кого вовсе не рассчитываешь, находят деньги несколько быстрее иных и оказываются сговорчивее.

Направившись по обыкновению обедать домой, Евграф Кузьмич на несколько часов будто забыл об этом деле. После плотного обеда в обществе супруги и непродолжительного послеобеденного сна штабс-капитану пришлось снова вернуться к этому делу.

Явившись после обеденного перерыва на службу, он застал ожидающего его в коридоре человека, по виду

состоятельного татарина. На этот случай у Евграфа Кузьмича имелся целый ритуал. Продержав гостя в ожидании около получаса, он надевал парадный мундир, и, держа себя в положении особой важности, приглашал гостя. С данного рода просителей можно было, в общем-то, поиметь немалые деньги. Важно было выяснить, сколько они могут выложить, и, переиграв их, получить максимальный куш.

Просителем был, как оказалось, уже известный полицейскому чину человек, староста поселка. От предчувствия наживы и ожидания некоего рода поединка в кровь Евграфа Кузьмича выплеснулась большая доза адреналина.

Разговор был крайне откровенным. Ответственные мужи хорошо понимали, что им надо от этого дела. Окончание их беседы ознаменовало джентльменское соглашение о том, что не позднее, чем через три недели в камеру, где содержится отъявленный негодяй и убийца Беньягу будет допущен поверенный одной из сторон, который проучит наглого еврея до желаемого одной из сторон состояния полусмерти и, после этого беспрепятственно покинет территорию тюрьмы. Также соглашение включает следующий пункт: в течение последующих дней негодяя привезут в любом на тот момент состоянии в поселок для проведения следственных действий, чтобы местное поселковое сообщество убедилось в осуществлении необходимых методов дознания. Затем по тому же соглашению подсудимый Беньягу бен Ильизир будет предан правосудию в соответствии с законами

Российской Империи и осужден на каторжные работы где-нибудь на удаленных северных широтах.

В ознаменование вышеуказанного соглашения пятьдесят золотых николаевских червонцев немедленно перекочевали из кармана роскошного европейского костюма одного достойного человека в карман парадного мундира другого. По окончании судебного разбирательства вторая часть суммы, аналогичная первой, должна будет повторить судьбу первой партии.

Глава 19. Яагу

За два месяца до трагических событий в семье Беньягу в январе 1905 года по пути из Карчага в Кубу, прямо на дороге, бандитами, воодушевленными революционным движением, был убит глава одного из богатейших родов селения Карчаг, влиятельный дедушка Рамбома Яагу. В последнее время он был чрезвычайно озабочен отсутствием результатов по делу об убийстве своего старшего сына и невестки и предпринимал попытки дополнительного расследования.

После этой трагедии, отношение Хаджи-Ахмеда к двадцатичетырехлетнему Рамбому существенно изменилось. Парень был практически на побегушках у Хаджи-Ахмеда, решая не только вопросы производства, но и те, что связаны с административным управлением в поселке. Сумма денежных средств, выделяемых Рамбому партнером, значительно сократилась и выглядела как подачки. В то же

время влияние Хаджи-Ахмеда как в поселке, так и во всем уезде значительно усилилось. Рамбом не осмеливался перечить Хаджи-Ахмеду, быть может, боялся его, о чем-то догадываясь. Документы на владение фабрикой и землями, ранее находившиеся в сгоревшем доме, по-видимому, были уже восстановлены Хаджи-Ахмедом. На вопрос Рамбома о том, как там дела с документами на собственность, Хаджи-Ахмед холодно ответил, что все в порядке, и что они по-прежнему являются партнерами. Устроил ли этот ответ Рамбома, Хаджи-Ахмеда не заботило. Он чувствовал себя полновластным хозяином большого дела.

Глава 20. Ночной визит

В одну из апрельских ночей 1905 года в ворота дома Мустафы постучали.

- Кого там *шайтан*ⁱ принес? – вставая с постели, застеленной на полу в сенях, сердито произнес Мустафа.

- Кто там? – громко окрикнул Мустафа, всматриваясь в темноту двора и надевая чувяки на босу ногу.

- Мустафа. Выйди, пожалуйста, – слышался робкий мужской голос.

Накинув на себя бешмет и держа в правой руке кинжал, Мустафа направился в сторону ворот. Прислушавшись, он медленно открыл одну из двух створок.

ⁱ Шайтан – сатана, лишившийся божьей милости и наносящий вред.

В скудном сиянии престарелого месяца, Мустафа распознал бледное лицо Рамбома. Рядом с ним не было ни сопровождающего, ни коня.

- Можно войти, – несколько умоляюще произнес Рамбом.

Пристально всмотревшись в глаза еще, в сущности, юного мужчины, Мустафа кивнул и проводил Рамбома в дом.

- Кто там? – раздался испуганный голос Санайи.

- Никто. Ложись спать, – раздраженно ответил Мустафа.

Хозяин дома предложил Рамбому один из двух находящихся в сенях табуретов, а сам присел на другой. Рамбом был одет в серый бешмет и черную черкеску, однако, был в легкой больничной обуви, без оружия на поясе и без папахи, что говорило о спешке, с которой он сюда направлялся. Присев напротив Мустафы, некоторое время прокашливаясь в платок, на котором можно было заметить кровавые пятна, Рамбом сначала попросил прощения за кашель. Белое круглое вспотевшее лицо вполне соответствовало фигуре парня.

- Как самочувствие Мозолут? – спросил Рамбом после образовавшейся неловкой паузы.

- Ты еще смеешь спрашивать об этом, щенок? – вспылил хозяин дома. – Девочка еле приходит в себя. Как ты мог допустить такое?

- Наверное, я виноват. Но, надеюсь, можно что-то поправить.

- Поправить? Что ты имеешь ввиду? – не понимая, кипятился Мустафа.

- Я бы мог позаботиться о ней, – опуская глаза, промолвил юноша, – заняться ее здоровьем, вернуть ее к нормальной жизни. Мозолут мне небезразлична.

Когда Рамбом поднял покрасневшееся лицо, Мустафа начал что-то понимать. Однако ему никак не верилось в искренность молодого человека.

- И что ты можешь сделать? Кстати, как твое здоровье? Тебя выписали из госпиталя?

- Нет, но это не важно. Все заживает. Неделя-две, и меня отправят домой.

Непрерывно прокашливаясь еще около полуминуты, Рамбом продолжил:

- Я пришел помочь. Времени в обрез, поэтому выслушайте меня уважаемый Мустафа.

- Что ж, говори, – в глубокой задумчивости произнес заинтригованный мужчина.

- Мне стало известно, что на жизнь уважаемого Беньягу готовится покушение, прямо в камере.

Услышав это, Мустафа встал, подошел к дверям в одну из комнат и резко открыл ее. Кто-то резко отпрыгнул от двери и затаился в темноте комнаты.

- Ложитесь спать, пожалуйста, – строго произнес хозяин дома и плотно закрыл дверь.

Далее Мустафа придвинул свой табурет ближе к Рамбому и сел практически в упор.

- Говори, – произнес он.

- Мне точно известен день и час нападения на уважаемого Беньягу в камере, кто конкретно и кем нанят, кому и сколько оплачено за осуществление нападения.

- И кто же эти негодяи?

- Заказчик – мой партнер Хаджи-Ахмед, а наемник – Черный Кунак, и попустительствовать этому за деньги будет начальник полицейской стражи Геокчайского уезда штабс-капитан Парамонов Евграф Кузьмич. Он позволит душегубу свободно проникнуть в камеру к Беньягу и, осуществив задуманное, беспрепятственно ее покинуть, – пояснял Рамбом. – Мне известно, что Хаджи-Ахмед заплатил Черному Кунаку за то, чтобы тот нанес Беньягу увечья. Убивать не велел с целью предъявить уважаемого арестанта в таком виде джамаату.

- Подлец! Негодяй! Сволочь! – вспыхнул Мустафа.

- У меня есть друг, его зовут Наби, сын убитого бандитами вместе с моими родителями нукера Али-Султана. Он не без оснований подозревает Хаджи-Ахмеда в убийстве своего отца и моих родителей. Для того, чтобы найти доказательства этих убийств, он много лет назад втерся в доверие к Хаджи-Ахмеду. И думаю, мы уже близки к своей цели. Наби слышал разговор старосты с Черным Кунаком.

После того как Рамбом в очередной раз прокашлялся, он продолжил:

- Мы с Наби составили план и прибегли к услугам одного из сидящих в одной из камер, рядом с Беньягу. Он передаст уважаемому Беньягу наш план спасения и оружие для защиты. Будем надеяться, что эффект внезапности поможет ему спастись от Черного Кунака. Далее ему надо будет просто уйти через пост охраны, который будет свободен.

Мустафа слушал молодого человека, и все отвращение и недоверие к нему, накопившееся на душе за последние

дни, куда-то рассеялось, оставив место интересу и уважению.

- Надеюсь, что так оно и будет. Хотя Черный Кунак, известно, просто так не дастся.

- Далее, по нашему плану, за воротами тюрьмы уважаемого Беньягу будет ждать лошадь, а также карта с описанием предложенного нами маршрута.

- Да, в планах вроде как все гладко. А вот как оно выйдет по факту? – заметил Мустафа.

- В ауле Мамраш *ковхо*ⁱ является мой дядя Исроил, брат моего отца, а *шохетом*ⁱⁱ является *баджанах*ⁱⁱⁱ дяди Исроила — Хануко. Дом шохета находится на окраине аула. Вот туда и должен направиться уважаемый Беньягу. Там все уже предупреждены и понимают, что предпринять дальше в отношении прибывшего.

- Да, план неплохой, Рамбом. Вроде бы все продумано. Дай Бог, чтобы все прошло удачно. Но в чем же моя роль в спасении Беньягу.

- От Вас тоже потребуется огромная помощь, дядя Мустафа, о чем я сообщу Вам чуть позже, – облегченно вздохнул Рамбом и снова тяжело закашлял.

После того как Рамбом прокашлялся, он привстал с табурета и осторожно спросил

- Как там все-таки Мозолут?

Мустафе стало немного стыдно за себя. Смог бы он так же складно, как удалось Рамбому, спланировать спасение

ⁱ Ковхо – староста в горско-еврейских поселениях.

ⁱⁱ Шохет – резник, совершающий убой скота и птицы в соответствии с требованиями Галахи.

ⁱⁱⁱ Баджанах – свояк.

друга. Он сильно недооценивал возможности этого слегка полноватого, но умного и совестливого парня.

- Уже лучше. Она сейчас здесь, у нас. Так удобнее моей Санайе смотреть за ней. Врач приходит ежедневно. Осматривает, меняет повязки. Все будет нормально. Будем еще на ее свадьбе гулять.

Рамбом, в очередной раз раскрасневшись, позволил себе улыбку. Он собрался было шмыгнуть за дверь, как услышал металлический голос Мустафы:

- Подожди, Рамбом. Вернись.

Молодой человек удивленно оглянулся и, повинаясь движению руки Мустафы, снова присел на табурет.

- Я должен тебе кое в чем признаться, Рамбом, – подбирая необходимые слова продолжил Мустафа. – Ты меня сегодня удивил. Удивил своим равнодушием к в общем-то чужому человеку, пусть и единоверцу. Хотя что тут удивляться, люди должны помогать друг другу – особенно, когда правда на их стороне. И я не могу остаться в стороне. Когда-то, семь лет назад, я проявил малодушие. Мне тогда показалось, что моя тихая размеренная, в целом сытая жизнь и благополучие моей семьи могут пострадать от того только, что я случайно оказался не в том месте. И я молчал, хотя и мог многое изменить в твоей жизни и, может быть, в жизни многих других людей. С тех давних пор мне десятки раз хотелось заговорить и, тем самым, выбить спесь из твоего Хаджи-Ахмеда.

Глава 21. Рассказ Мустафы

Было тихое безветренное раннее утро 1 мая 1898 года. Последние садовые соцветья сбрасывали яркие благоухающие лепестки, уступая дорогу крошечным готовым наполняться соками плодам деревьев.

Одиннадцатилетний Фарух, сидя на муле, держал на перчатке сокола Ктая. На головку птицы был надет клубочок. Несмотря на неудобство, птица была воодушевлена грядущей возможностью поохотиться и периодически коротко пищала и посвистывала. Мустафа вел мула под уздцы и беседовал с сыном, между разговорами напевая сочиненные им ранее, либо услышанные от своего отца или друга Беньягу куплеты.

Метэрс туь эз торики –
Эшугъ бире эеки
Кумекчи герек бире
Гъэл гуьрде, не моч зере.
Гъэл гуьрде, бала, моч зере.

Э хьэът сес гургури -
Киниге гъэгъри бири,
Муьпуьрсуьруьм: «Чуь воисде?» -
«Кемерлей туьре хорусде».
Кемерлей, бала, хорусде.

(смысловой перевод с джуури)

Не пугайся темноты,
Темнота для блага,
Для любви до хрипоты,
Скромницам – отвага.

На дворе индейки клёкот —
Вновь на что-то сердисься.
Может быть, ты хочешь что-то?
Хочешь? – Не отвертисься!

Пока охотники поднимались по пологому склону холма прошло более двух часов, и от размеренного монотонного подъема вверх они несколько устали. Правая рука Фаруха уже затекла от ношения перчатки с птицей. Несколько раз Мустафа перехватывал птицу у Фаруха, чтобы тот мог размять руку. Этот покатый склон, казавшийся со стороны поселка совершенно лысым, на самом деле был неоднородно каменист и в обилии покрыт мелким кустарником. Прекрасные виды на восток, где уже угадывалась узкая полоска моря, и на окраину поселка завораживали.

- Ну что, открой нашему Ктаю глазки, – решил на первую попытку отец.

Фарух снял с сокола кlobучок и приподнял правую руку перед собой. Ктай, освободившись от искусственного шлема, завертел головкой по сторонам и, наклонившись в сторону распознанной им добычи, готовился взлететь. Подросток поспособствовал этому, вскинув руку с сидящим

соколом вверх. Птица сорвалась с перчатки и затем, быстро набрав высоту, сразу же ринулась на добычу. Через некоторое время и наши охотники заметили вспорхнувшую в трехстах саженях птицу, уже почувствовавшую опасность. Ктай камнем ринулся в погоню и за несколько саженей до жертвы попытался точно на нее спланировать. И это ему удалось, но со второго раза. Тетерев был небольшим и мужчины решили дать соколу возможность насладиться победой и немного попировать, пока они неторопливо спускались к нему с горы. Ключки перьев желанной добычи взметались вверх на клокочущим Ктаем. Подойдя к подопечному, Фарух резким движением спрятал от него уже немало пощипанного тетерева, закинув его в основную вместительную часть охотничьей сумки. Вместо тетерева из потайного подсумка он вынул вабило с прикрепленной к нему подменой. К вабилу были пришиты горлышко с головкой и крыло предыдущей добычи Ктая — куропатки. Пощипав немного обманку, сокол немного успокоился и присел на перчатку. Клубочок сразу же отправился обратно ему на голову. Сокол недовольно засвистел.

Обычно Мустафа с Фарухом использовали на охоте два броска. Так как сытая птица уже не охотник, ей не давали наесться досыта при первой охоте и давали несколько часов на отдых и правильное пищеварение. Охотникам также был необходим отдых, и они решили свернуть на запад в долину, чтобы перекусить и поспать пару часиков, расположившись у родника в тенистой прохладе кустарников и деревьев.

Когда они переступали по узкой тропе между крутым склоном холма и разросшейся вдоль него густой полосой кустарников орешника, шиповника и ежевики, Мустафа

заметил впереди себя двух взлетающих диких гусей. Он подал знак сыну, чтобы тот приготовился выпустить сокола, однако в тот же миг прозвучал ружейный выстрел. Мустафе показалось, что выстрел прозвучал в непосредственной близости от его головы. Он, инстинктивно пригнув голову, резко спустился с тропы в низину, стягивая туда же мула с находящимся на нем Фарухом, держащем на перчатке сокола. Вся компания оказалась в густой тени орешника. Фарух спешился с мула, едва не выпав с него вместе с хищной птицей. Отпустив мула, Мустафа прикрикнул: «Эджа!» и приударил его по крупу. Мула, неожиданно получившего свободу, понесло вниз по склону. Упав на передние конечности, он едва не перевернулся всем телом.

В следующие несколько секунд отец с сыном услышали над собой мужские голоса:

- Я же говорил, их тут две. Одна вон как кинулась вниз. Это не косуля, это целая корова была. Нет, я знаю, о чем говорю, Черный Кунак. Сейчас у них брачный сезон. Одну, поменьше, видимо самку, я подстрелил, и сейчас ее разыщу. В те заросли должно быть упала. А этот – самец! Крупный самец! Он побежал здесь.

Мужчины остановились прямо над тем кустарником, за которым прятались Мустафа, Фарух и, взмокший на руках Фаруха, сокол. Голоса мужчин звучали отчетливо и громко, к ним добавлялось фыркание их коней.

- Смотри сюда. Копыта, как у лошади! – продолжал тот же голос.

С тропы действительно съезжали борозды от быстрого сползания вниз наших охотников. Мустафа показал Фаруху жестом, что надо отступить влево и спрятаться за

огромными зарослями кустов ежевики, которые состояли из каркаса сухих перезимовавших стеблей и молодых змеек-веточек с листочками, образующих неплохое плотное укрытие. Переместившись под их крону, охотники затаили дыхание. Сокол вел себя спокойно, как будто понимал всю ответственность ситуации.

- Давай здесь срежем, Черный Кунак. Она где-то в ста шагах ниже по склону.

- Брось ты ее, Махмуд! Мы с тобой неплохо заработали сегодня, – прозвучал голос Черного Кунака. – Что изменят эти несколько фунтов мяса?

- Путь долог. Поедим, брат, переночуем здесь, а завтра...

- Хаджи-Ахмед сказал, чтобы духа нашего здесь не было уже сегодня, – перебил напарника Черный Кунак.

- Он ничего не узнает, – спокойно ответил на это Махмуд.

В зоне видимости Мустафы показались лошадиные копыта. С тропы, вниз по склону, поочередно спустились два всадника, оказавшись на том месте, где еще несколько минут назад находились Мустафа и его сокольничий отряд.

- Что у тебя тут высыпалось, Махмуд? – спросил напарника Черный Кунак.

- Ничего, – ответил тот, осматривая землю под своим скакуном.

Так же как и Черный Кунак, Махмуд заметил выпавшие из его карманов золотые украшения с драгоценными камнями.

- Это же драгоценности жены Равино, – возмутился Черный Кунак.

- Да, это ее драгоценности, – согласился Махмуд.

- Нам же было строго наказано не брать ничего личного. Только деньги, если найдем.

- Э, – ухмыльнулся напарник – Ты бы отказался, Черный Кунак, когда бы перед тобой лежали такие сокровища?

- Жадный ты, Махмуд! – спокойно произнес Черный Кунак, видимо что-то для себя решив.

Махмуд спешился и, встав на четвереньки, стал подбирать выпавшие из его карманов драгоценности. Когда он оглянулся в сторону Черного Кунака, на него было направлено ружье.

- Ты что, Черный Кунак, ради этой еврейки убьешь меня? Мы же братья. Сколько всего мы добыли и еще добудем.

- Нет Махмуд, не брат ты мне. Ты жалкий побирушка.

Прогремел выстрел. Мустафа с Фарухом пригнулись от неожиданности. Ктай что-то коротко прогорланил и затих.

Услышав посторонний звук, Черный Кунак подошел к зарослям ежевики, за которыми прятались наши охотники и еще раз выстрелил. Сокол на этот раз не оплошал. Постояв еще немного и прислушавшись, Черный Кунак внезапно громко запел.

Сорвав с пояса Махмуда кожаный подсумок, пошарив у него по карманам и за пазухой, Черный Кунак забрал все найденные деньги, драгоценности же были разбросаны им по сторонам и вниз по склону. Туда же было сброшено оружие и тело застреленного напарника. Взяв под уздцы его лошадь и взобравшись на своего скакуна, Черный Кунак быстро взобрался вверх по склону на известную уже нам тропу.

Через несколько минут ожидания в тишине Мустафа и Фарух выбрались из укрытия. Их одежды были мокрыми от испытанных переживаний, мокрым был и заговор Ктая. Сжалившись над соколом, Фарух снял с его головки клубочок.

- Как ты, напарник? – улыбаясь, спросил у него Фарух.

Мустафа знал, что Черный Кунак и его подручный Махмуд абречествовали уже много лет. Они занимались грабежами и убийствами на дорогах и в горах, запугивали и похищали людей с требованиями их последующего выкупа, нанимались для осуществления заказных убийств.

«Прозвучали имена старосты Геокчая Хаджи-Ахмеда и его старшего партнера по бизнесу Равино с супругой Мегило, – размышлял Мустафа. – Что же произошло сегодня утром там, в поселке? Очевидно, Мегило не подарила этим бандитам свои драгоценности. А Хаджи-Ахмед не стал бы щедро оплачивать их воровство. Очевидно, Равино и Мегило убиты этими двумя наемниками».

Фарух нашел на месте убийства Махмуда несколько драгоценностей – это были золотой кулон с миниатюрной фотографией малыша Рамбома под крышкой внутри и пару сережек с бриллиантами.

- Давай, сынок, возьмем эти драгоценности и предъявим их в качестве доказательства убийства Равино и Мегило наемниками, Черным Кунаком и Махмудом, по указанию Хаджи-Ахмеда, – произнес Мустафа.

Однако когда мужчина услышал свой же голос, звучащий будто со стороны, предлагавший такое своему сыну, то передумал.

- Мы их спрячем! Спрячем до принятия окончательного решения, – предложил Мустафа. – Что-то мне подсказывает, что мы сами, вся наша семья, можем серьезно пострадать из-за этих побрякушек. Домой их не повезем, спрячем где-нибудь по дороге, возле старого платана, например.

Внезапно размышления Мустафы прервали хруст веток из кустов, находящихся в десяти саженях от него. Мужчина приготовился к бою, взявшись за рукоятку кинжала и заслоняя собой сына Фаруха. Шум становился сильнее и беспорядочнее, когда перед глазами перепуганных мужчин появился беззаботно жующий свою жвачку мул.

- На сегодня охота закончена, – выдохнул мужчина, – едем домой.

Выбравшись на тропу, наши охотники направились в сторону дома. У окраины поселка произрастал старый платан. В трех шагах от него, обернув в кусочек овчины кожи, под огромным речным камнем Фарух спрятал подобранные в горах драгоценности Мегило.

Закончив рассказ, Мустафа внимательно посмотрел на Рамбома. Это был другой, нежели еще час назад, человек. Решительный, знающий себе цену, уверенный мужчина.

- Отвезите меня к ним. Срочно, – попросил Рамбом снова раскашлявшись в постоянно прикладываемый к губам носовой платок.

Мустафа разбудил Фаруха и попросил его запрячь мула в повозку, чтобы отвезти Рамбома сначала к запрятанным драгоценностям его матери, а затем в госпиталь. Что и было сделано.

Глава 22. Бегство

Наступил вечер перед той ночью, когда должно было произойти задуманное Хаджи-Ахмедом насилие. Либо по его злой задумке, либо по воле случая, это был вечер первого дня праздника *Нисону*ⁱ. Беньягу, находясь в одиночной камере, подготовился к ночному нападению, приложив заточенный прут к нарам так, чтобы вошедший не сразу смог бы его заметить. Обдумав в очередной раз свой план защиты, он лег на спину и наблюдал за тем, как помещение постепенно погружается в темноту.

«Кем бы ни был наемник, я с ним справлюсь, – думал мужчина, – к тому же у меня будет преимущество, пока его глаза не привыкнут к этой кромешной темноте».

Три дня назад на прогулке, отчего то вдруг проявивший к нему снисхождение арестант, которого называли Батя, нашептал ему, что именно в эту ночь его, Беньягу, придут убивать. Будет ли у наемника оружие, тот не знал. Но предупредил, что «абы кого убивать не пришлют, это будет серьезный противник». Батя также не знал того, кто стоит за этим предупреждением, но предположил, что это должно быть влиятельный человек. Он передал, что бежать надо через центральный пост. В тридцати саженьях за пределами тюрьмы, в канаве, Беньягу найдет одежду, еду и деньги, а

ⁱ Нисону – горско-еврейское наименование праздника освобождения и избавления евреев от рабства Песах. Справляется на 14-й день месяца Нисана по еврейскому календарю; празднуется семь дней в Израиле и восемь дней за пределами страны.

чуть поодаль — лошадь. Дальнейшие рекомендации он должен был получить на месте. Вернувшись в камеру, Беньягу обнаружил за нарами заточенный брус.

«Кто бы это мог быть – мой доброжелатель?» – безуспешно пытался разобраться Беньягу, вглядываясь в темноту камеры. – Мустафа, наверное. Больше никому. Но как? Так или иначе, я буду этому человеку реально обязан жизнью».

Когда Беньягу уже казалось, что время должно быть давно вышло, а все, о чем говорил Батя — это нереальный бред, послышался лязг отворяемой двери. Насторожившись, единственный обитатель камеры взглянул в образовавшийся на пару секунд просвет. В камеру украдкой пробралась чья-то гигантская тень. Дверь за тенью закрылась. Наступила пауза. Во вновь наступившей тишине, кто-то очень большого роста высматривал в темноте лежащего арестанта, пытаясь понять его намерения. Беньягу же узнав гиганта, резко потянулся за заточкой.

Заточенный брус выпал из почти захватившей его руки, и предательски загремел, ударившись о каменный пол камеры. Два огромных шарнира рук Черного Кунака схватили арестованного за щиколотки и легко стянули с тюремной тахты так, что он ударился головой о цементный пол. Затем эти же шарниры подняли Беньягу вниз головой и швырнули в противоположную от тахты стену. Мужчина на мгновение потерял сознание, очнувшись от череды сильных ударов в грудь. За этими ударами последовали другие – в лицо и в колени. От некоторых ударов Беньягу удавалось, к счастью, вывернуться и огромные кулаки Черного Кунака с грохотом обрушивались на стену. Не

было и речи о каком-то существенном сопротивлении. Боль охватила все тело арестованного. В довершение намеченного, Черный Кунак, легко подняв изможденное от многочисленных ударов тело соперника, швырнул его с высоты своего роста о пол камеры.

Беньягу погрузился в небытие. В нос ему ударили запахи свежескошенной травы и еще чего-то такого знакомого сладковато-приторного, чего он пока не мог разобрать. Оглядевшись, мужчина сразу же узнал это место. Он стоял на кладбище перед могилами своих жены Рахили и младшего сына Иосифа. Какая-то женщина в серых лохмотьях полусидя выдирала руками сорную траву с едва угадываемого холмика над захоронением Иосифа. И вот что-то выдало ей присутствие постороннего. Она повернулась. В неизменно исхудалом синем лице женщины Беньягу узнал Рахиль.

- *Туьни? Оморей, шувверлей ме? Гулле хурош туьⁱ*, – сильным полным отчаяния голосом пыталась кричать она, двигаясь в сторону незадачливого мужчины.

Женщина привстала. С лохмотьев ее одежды выпала сорная трава. Приблизившись к Беньягу, она внезапно резко толкнула его.

Мужчина не ожидал такого развития событий, упал в ранее незамеченную им выкопанную для захоронения яму за спиной, и тотчас почувствовал боль в ногах из-за которой не мог привстать.

ⁱ Туьни? Оморей, шувверлей ме? Гулле хурош туьⁱ. – Это ты? Явился, муженек мой? Чтоб ты захлебнулся в своей крови (дословно — чтоб ты наелся пуль) – перевод с джуури.

Рахиль стала сгребать землю с разверзнутой могилы и сбрасывать ее вниз, прямо на Беньягу

Оглянувшись по сторонам, пребывающий в растеренности муж увидел лежащие рядом в яме еще два небольших тела, полностью облаченные в ослепительно белый саван. Ужасная догадка разрывала его сердце.

- Кто это, Рахиль? Кто это?

- Что ты за мужчина, что не смог сохранить свою семью. Я ненавижу тебя. Сдохни!

Комья земли все падали и падали, пока вместо злобных причитаний Рахили Беньягу не услышал грозное:

- Извини, дружок, ты здесь не причем, за тебя хорошо заплатили.

Максимально прищурившись, Беньягу увидел на месте Рахили хищного черного зверя, глядящего на него огромными вертикальными щелями глаз.

Резко заболела шея, и образ черного зверя внезапно преобразовался в лицо нависшего над ним Черного Кунака в скудном интерьере тюремной камеры.

- Я всегда довожу свою работу до конца. Прости, если будет больно, – деловито произнес Черный Кунак, намереваясь видимо нанести своей жертве последний сокрушительный удар.

Немного придя в себя, Беньягу, помимо охватившей его нестерпимой боли во всем теле, почувствовал под правой ладонью холод знакомого металла. Это была выпавшая ранее на пол заточка. Он незаметно ухватился за нее. Когда Черный Кунак наклонился над ним, чтобы вероятно разбить ударами огромных кулачищ лицо, он выставил заточку

вперед, и что было силы помогая второй рукой, вонзил ее в навалившееся сверху тело.

В оцепеневшем вмиг лице Черного Кунака читались сильная боль и удивление внезапно проявленной соперником сноровкой. Огромное девятипудовое тело едва не упало на Беньягу. Он нашел силы оттолкнуть его от себя.

Вспомнив о переданном Батей наказе, Беньягу, осторожно ступая, выбрался из камеры и по освещенному коридору через ряд открытых металлических ограждений добрался до центрального поста. Убедившись, что там никого нет, беглец открыл дверь и вышел из здания. Полная луна, казалось, не уменьшала свечения тысяч звезд. Необычно оживленно для этого времени суток пели многочисленные птицы. Ссадины, а скорее всего и переломы, полученные от Черного Кунака, давали знать тупой болью по всему телу. Беньягу проковылял несколько десятков шагов от тюрьмы, пока не оказался возле сухой канавы. Пройдя вдоль нее еще несколько шагов, он увидел уложенный на ее дно холщовый мешок с каким-то содержимым. Наклоняясь за мешком, беглый арестант услышал присвист слева от себя. Вглядевшись в ночную темноту, он увидел паренька, машущего ему руками. Недалеко от парня стояла оседланная лошадь. Беньягу как мог несколькими перебежками, добрался до паренька.

- Доброй ночи, молодой человек! – полушепотом произнес мужчина.

- Доброй ночи! – ответил парнишка.

Беньягу узнал парня, это был Наби, сын нукера Али-Султана, с которым он когда-то работал на Равино.

- Вас просят направиться в селение Мамраш, там Вас ждут. Самая ближняя к роще сакля с голубой крышей. Сакля шохета Хануко. Езжайте через горы. Как увидите кого-нибудь в пути, прячьтесь. Посты избегайте. Не торопитесь. Главное, чтобы Вы добрались в целости. На всякий случай в мешке имеется карта, по которой можно сориентироваться в дороге.

- Спасибо, Наби! – поблагодарил парня Беньягу, с трудом взбираясь на лошадь.

Наби приладил мешок чуть позади седла и произнес:

- Бог в помощь, уважаемый Беньягу!

Когда Наби уже собирался стегнуть лошадь, истерзанный ударами и падениями с высоты мужчина попросил его:

- Подожди! Подожди, Наби! Как там моя Мозолут?

С ней все в порядке.

- А кто мой благодетель?

- Рамбом! – ответил Наби и стегнул лошадь под беглецом.

Следующий вопрос Беньягу задавал уже сам себе:

«Как это, Рамбом?»

Лошадь потихоньку понесла своего настрадавшегося и истерзанного наездника. Свежий воздух ударил в лицо, вселяя в мужчину надежды, заживляя нанесенные еще полчаса назад бесчисленные раны.

Помимо Наби, выполнившего поручение Рамбома, за отъезжающим всадником наблюдала выползшая из дверей тюрьмы огромная тень. В недрах этой тени, светлыми горошинами отражая лунный лик, поблескивало два светлорыжих с изумрудной зеленью хищных глаза.

Глава 23. Хануко

Было раннее утро, когда за небольшой рощицей показалась окраина аула Мамраш. В одном из окраинных домов с крашенной голубой крышей по информации, полученной от Наби, проживал шохет Хануко. Пробираться к этому дому было рискованно, так как многие жители аула уже проснулись и могли заметить постороннего. Коровье мычание и бляение овец, предвкушающих поход на пастбища с сочной весенней травой, наполняло Беньягу безответственной радостью. Воздух чаровал своей свежестью, слегка приправленной запахом навоза. Несколько старцев уже стояли на окраине села, обсуждая что-то между собой. Жизнь, несмотря на мытарства нашего героя, шла своим чередом. Уставший от потрясений последних недель и суток, проведенных в седле, мужчина уснул.

Ему приснился сон, в котором они со своей маленькой дочерью бесконечно кружатся в его объятиях, плещутся водой, купаясь в речке. На краю реки стоят Рахиль, держа за руку Иосифа, и молча наблюдают за ними. Мозолут заливаются смехом, как будто тысячи звонких колокольчиков разливаются в воздухе, принося бесконечное счастье. Вот он с дочуркой ловит ладонями маленьких рыбок, выброшенных в небольшую речную заводь, лепит с нею на берегу дворцы из мокрого глинистого грунта, холмики с тоннелями. Жизнь полна надежд на лучшее. Веселый смех девочки внезапно

прерывается – на построенный ею глиняный замок обрушилась чья-то босая нога. Повернув голову, Беньягу, сиюсь, всматривается в лицо какого-то, будто знакомого ему подростка. Однако, пытаюсь рассмотреть его, мужчина никак не может сконцентрировать взгляд. Солнечный свет, пробивающийся сквозь листья деревьев, падает на глаза спящего в пролеске покрывшегося испариной мужчины.

«Сынок, верно это ты, – произнес он вслух, почти выйдя из дремы, – я тебя не забыл, мой мальчик. Как ты? Я обязательно найду и верну тебя».

Солнце уже было высоко, и можно было выходить из рощицы. Взяв под уздцы коня, Беньягу, стараясь ни с кем ни встретиться, добрался до дома Хануко. Из-за ворот шохета послышалась знакомая речь, говорили на родном ему языке:

Створка ворот открылась, из них вышла пожилая женщина в темных одеяниях, держа в руках, очевидно, кошерно забитую курицу. Беньягу, ведя за уздцы лошадь, вошел в оставшиеся открытыми ворота.

- *Руз ишму э хэйр бу, Хануко!*ⁱ – поприветствовал он находящегося во дворе мужчину лет сорока с аккуратной бородой. – *Эдем винире, одомигьо оморенут э ки ишму*ⁱⁱ.

- А куда им деваться, у нас в ауле *кашрут*ⁱⁱⁱ соблюдают

ⁱ Руз ишму э хэйр бу, Хануко! – Добрый день, Хануко! – перевод с джуури.

ⁱⁱ Эдем винире, одомигьо оморенут э ки ишму. – Я смотрю, люди ходят к Вам – перевод с джуури.

ⁱⁱⁱ Кашрут – термин в иудаизме, означающий дозволенность или пригодность чего-либо с точки зрения Галахи.

все. *Хош оморей, бирор Беньягу!*ⁱ – давая понять, что обо всем знает, спокойно приветствовал гостя Хануко. Мужчины приобняли друг друга.

- Давай ка я поставлю коня в стойло, а ты присаживайся вот на этот стул, – предложил Хануко, указывая на место рядом с собой.

Из дома вышел молодой человек лет десяти с *пейсами*ⁱⁱ, спускающимися рядом с круглыми оттопыренными ушами, и, поздоровавшись с гостем, взял коня под уздцы и увел в переднюю часть двора.

- *И эгъуълменде куклей мени!*ⁱⁱⁱ – порадовавшись за сына, представил его Хануко.

В тени довольно массивной беседки, обвитой виноградными лозами, располагался стол средних размеров, на котором лежали большой фарфоровый чайник, сахарница с мелкорубленным кусковым сахаром и несколько стаканов *армуды*^{iv}, накрытых белым вафельным полотенцем. – Ждали тебя сегодня-завтра и почти угадали, – приветливо произнес Хануко, правя огромный нож о полосу абразивной ленты, прикрепленную у края беседки. – Знаю, знаю о всех твоих мытарствах, уважаемый Беньягу. Сейчас будем завтракать.

ⁱ Хош оморей, бирор Беньягу!ⁱ – Добро пожаловать, брат Беньягу! – перевод с джуури.

ⁱⁱ Пейсы – длинные неподстриженные пряди волос на висках как традиционный элемент причёски религиозных евреев.

ⁱⁱⁱ И эгъуълменде куклей мени! – Это мой умный мальчик! – перевод с джуури.

^{iv} Армуды – традиционные восточные стаканы в форме груши для чаепития, выполненные из стекла или хрусталя и обеспечивающие оптимальную температуру напитка.

- Если хочешь, омой руки, лицо. Умывальники вон там, – показал Хануко в одну из сторон двора. – Все что нужно там есть. Потом возвращайся за стол.

В глубине двора на одной из пристроек висело в ряд несколько умывальников, снизу находился широкий желоб большого размера, эвакуирующий воду в прилегающий палисадник с великолепными кустовыми растениями, очевидно, будущими розами.

Беньягу снял черкеску, расстегнул верхние пуговицы своего бешмета, распахнул ворот и стал с удовольствием обливать голову, шею, лицо и руки, не нагревшейся пока на солнце прохладной водой из умывальника, пользуясь куском лежащего тут же великолепного душистого мыла. Когда он с удовлетворением окончил омовение, то увидел перед собой большое белое полотенце, которое принесла и держала наготове девушка с покрытой косынкой головой.

- Спасибо, – произнес Беньягу, едва взглянув на девушку.

Взяв полотенце и тщательно вытерев лицо и руки, мужчина еще раз глянул в сторону девушки. Как будто сгусток горячей крови, долго поджидавший своего часа у сердца, внезапно подступил к только что омытой голове мужчины. Беньягу завыл от неожиданности и счастья. Перед ним стояла его любимая Мозолут. Он крепко обнял девушку и закружил в своих объятиях, как делал это еще пару часов назад в своем нежданном утреннем сне.

Хануко оказался очень гостеприимным хлебосольным хозяином. К тому же его специфическая ирония позволила Беньягу несколько расслабиться от треволнений минувших дней. За завтраком в беседке собралась вся небольшая семья

шохета, состоящая из супруги и двух сыновей восьми и десяти лет, учеников местной религиозной школы. Супруга Хануко, Бурлиант, и Мозолут, накрыв на стол, присели на стульях в некотором отдалении от стола, для того чтобы, если понадобится, выполнить просьбы завтракающих, и с интересом слушали все, о чем говорилось за столом.

Несмотря на профессию хозяина, ничего мясного на столе не было. Не было и ничего квасного, так как шел третий день еврейского праздника Нисону. Завтрак был строго кошерным, состоял из мацы, рисовой каши на молоке, меда, яиц, молока, сыра и масла, варений и чая. Перед завтраком Хануко произнес молитву, после чего все принялись есть. За завтраком практически все молчали, говорил только хозяин дома, изредка Беньягу отвечал на его вопросы, благодарил за радушный прием, и коротко чем-либо интересовался.

- Дорогой Беньягу, здесь в ауле Мамраш, на крохотном кусочке земли, Господь создал для своего неугомонного и многострадального народа небольшое подобие обетованной земли, дал ему возможность трудиться и растить детей, отмечать субботу и праздники, молиться в прекрасном нумазе с достойным ученым рабби, – с нескрываемым легким пафосом рассказывал Хануко, – обучать детей в прекрасном *нубохунде*ⁱ с глубоко-образованным почтенным *мегълуймом*ⁱⁱ, – Здесь прекрасная плодородная земля. Субтропики! Великолепные холмы напоминают пейзажи

ⁱ Нубохунде - общинная школа для обучения мальчиков.

ⁱⁱ Мегълуйм – уважительное обращение к учителю (учительнице), наставляющему, передающему опыт и знание; также используется в сочетании с собственными именами.

Иерусалима, а в воздухе витает свежесть немного удаленного, но такого-же прекрасного моря. Здесь любой еврей в любое время может найти помощь и поддержку. Не стесняйся, дорогой брат, будь как дома.

- Спасибо, Хануко! – отвечал Беньягу, улыбаясь.

- Есть, правда, у нас проблемы с безопасностью, так они и на земле наших предков всегда были? – продолжил шохет.
– Ешь, ешь дорогой брат. Все кошерное. И руки моей супруги, которая все это делает, кошерные, и сердце.

- Скажешь, тоже, Хануко! – раскрасневшись, произнесла Бурлиант и ушла на кухню, за ней ушла и Мозолут.

Мальчики Хануко уже поели, но все еще сидели за столом, ожидая окончания завтрака. Увидев, что никто больше не ест, Хануко закончил завтрак короткой молитвой, очевидно, известной ему наизусть.

- Спасибо Вам, Хануко, что приютили дочку, – поблагодарил Беньягу, – она здесь совсем уже пришла в себя. Дай Бог Вам и Вашей семье видеть только светлые дни! Чтобы Вы танцевали на Бар-Мицвах и на свадьбах ваших сыновей! Чтобы Вам удалось порадоваться своим внукам и правнукам.

- Спасибо, дорогой! Счастья твоей Мозолут и сыну твоему тоже! – в ответ произнес Хануко.

Во двор зашел аккуратно одетый мальчик, на вид девяти лет, с казавшейся огромной, распутившей свои перья белой индейкой в руках. Подойдя к беседке, где сидели и завтракали мужчины, мальчик произнес, будто заученное:

- Дядя Хануко, у нас к обеду будут гости, папа попросил порезать.

- Она завязана?

- Что? – переспросил мальчик.

- Ноги у нее завязаны? – повторно спросил Хануко.

- Да, конечно, – ответил мальчик.

- Тогда положи ее там, – показал рукой Хануко, куда мальчику надо было положить птицу, – придешь через пятнадцать минут. Хорошо?

- Хорошо, дядя Хануко, – послушно произнес мальчик и вышел за ворота.

Хануко встал. Встали и его мальчики, и Беньягу. Все вышли из-за стола.

Женщины собрали со стола, мальчики ушли в нубохундэ, Хануко взял принесенную аккуратно-одетым мальчиком индейку и, дождавшись в специальном месте для забоя птицы, когда она успокоится в его руках, совершил обряд *шхита*¹: произнеся молитву, он надрезал птице горлышко. Кровь маленьким ручейком полилась в специально обустроенный для этого металлический желоб.

Когда вновь пришедший за индейкой мальчик, поблагодарив шохета, ушел, Хануко предложил Беньягу отдохнуть, поспать пару часиков, а уже после этого пойти знакомиться к Исроилу – ковхо аула Мамраш. На что Беньягу ответил, что предпочтет идти прямо сейчас.

- Здесь недалеко, – пояснил Хануко, – пешком пойдем.

Выйдя со двора и пройдя двести-триста саженей, они увидели Исроила, беседовавшего с каким-то мужчиной в горской одежде недалеко от своей приемной. Исроилу было

¹ Шхита – ритуальный убой млекопитающих и птиц для еды в соответствии с требованиями кашрута.

на вид сорок пять лет, он был крепко сложен и одет почти по-европейски: темный сюртук, светлая рубаша и брюки, перетянутые кожаным ремнем и заправленные в сапоги.

Глава 24. Исроил

- Не будет толку с этого, поверь мне, Аарон. Упустишь время. Сажай табак, голову не морочь ни мне, ни людям. Время марены уже давно закончилось. Сколько ты еще будешь на одни и те же грабли наступать. Старых цен уже никогда не будет, – убеждал мужчину Исроил. – Химия – слышал такое слово.

- Ладно, ковхо, слышал я про эту химию. Подумаю, что посадить. С табака тоже не больно жирно получается, – ответил крестьянин.

Завидев Хануко, идущего с каким-то крепким мужчиной среднего роста в потрепанной черкеске, Исроил догадался, кто это с ним. Поздоровавшись с младшим свояком, Исроил сразу же протянул руку Беньягу и поприветствовал:

- Добрый день, Беньягу! С приездом! Как Ваше самочувствие.

- Ничего, спасибо, ковхо Исроил. Как Вы поживаете?

- Все хорошо, но могло быть и лучше, дорогой, – с грустью произнес Исроил и, затем, добавил. – Пройдемте ко мне. Здесь рядом.

Мужчины прошли еще сто саженой и подошли к отдельно-стоящему деревянному дому, не похожему ни на одну из рядом стоящих саманных или каменных построек.

- Ну, как тебе здание управления мамрашского ковхо? – спросил, порадовавшись неординарности дома, хозяин.

- В России купил за копейки. Дороже оказалась доставка. Смотрю, написано на одном из окон: «Продается!». Так я и взял. Там разобрали быстренько, погрузили на несколько повозок, здесь разгрузили и собрали, всего делов, – с воодушевлением рассказывал Исроил.

Вся компания прошла в дом, в котором уже находился плотный лысеющий мужчина лет сорока пяти. Он сидел у стола в глубине избы и в задумчивости что-то записывал в тетрадь.

Исроил представил мужчин:

- Мой однокашник, Костас Павлидис, писарь и счетовод.

Мужчина привстал и поздоровался за руку с Беньягу и Хануко.

- Ну что, я пойду, – собрался уходить Хануко. А то уже третий день Нисону, люди приходят один за другим пополнить праздничный запас мяса.

- Хорошо, дорогой, иди. Я твоего гостя на улице не оставлю, провожу до твоего дома, – улыбнулся он, – привет Бурлиант и мальчикам.

Хануко ушел, а Беньягу и Исроил сели на лавочки за стол друг напротив друга.

- Знаю, Беньягу. Вы едва не угробили моего племянника, Рамбома, – неожиданно, но казалось, с главного для себя

начал Исроил, глядя в глаза мужчине. – Однако с его слов, у Вас были на то основания. Поэтому я эту тему для себя закрываю.

- У Вас есть что добавить по этому вопросу? – продолжил ковхо после паузы.

- Нет, мне нечего добавить, Исроил! – ответил мужчина и искренне поинтересовался. – Как здоровье Рамбома?

- Плохо. Плохо, Беньягу, – ответил Исроил, с укоризной глядя на мужчину. – Его выписали из госпиталя, но остались большие проблемы с пищеводом и правым легким.

Беньягу виновато посмотрел на ковхо и опустил голову.

- Перейдемте к главному. Нет, прежде позвольте мне называть Вас на ты?

- Пожалуйста, я не против, – согласился собеседник.

Костас, молча слушавший разговор мужчин, спросил:

- Исроил может оставить вас вдвоем, я подожду снаружи.

- Нет, не надо, Костас! Сделай-ка нам лучше чаю! – попросил Исроил, обращаясь к своему счетоводу.

- Хороший у меня друг, учились вместе когда-то. Вот, прикипели друг к другу. Все может – просчитать, пересчитать. У него в аршине два пуда, – с широкой улыбкой, вспомнив что-то смешное, известное только им с Костасом обоим, произнес Исроил.

Костас, скупно улыбнувшись, поднялся, подошел к печи и занялся разведением огня для подогрева чайника.

- Вроде все у нас хорошо, климат прекрасный, люди хорошо зарабатывают, есть возможность жить по нашему закону. Однако наметилась нехорошая тенденция, – озабоченно продолжил ковхо, – повадились к нам

регулярно заглядывать бандиты *абрека*ⁱ Нурали. Денег требуют. Говорят, зажрались мы здесь, в то время как многие другие голодают. Ждут, пока мы созреем и сами им принесем. А пока что грабят на дороге, скот угоняют, лошадей, издеваются над аульчанами, убивают мужчин, вступающихся за свою семью и имущество. Ко мне домой заезжал главарь этих бандитов, Нурали, в окружении нескольких своих приспешников. Снесли ворота. Факелами жонглировали. Наглые бесцеремонные твари. Сказать, что мои дети и супруга были в ужасе, это значит ничего не сказать. Потоптались эти ублюдки на дворе, поставили мне ультиматум, каждый месяц за спокойствие аула определенную сумму деньгами, иначе, мол, они все равно возьмут свое, но только вместе с нашими жизнями.

Достав из кармана сюртука серебряный портсигар, Исроил раскрыл его, нажав на незаметную кнопочку сбоку. Беньягу видел точно такой у Равино, когда у него работал.

- Будешь курить, Беньягу!

- Не курю, – ответил мужчина.

- А я закурю, – чиркнув спичкой и затянувшись, промолвил Исроил и, с некоторой досадой, продолжил свой рассказ.

ⁱ Абрек – человек, ушедший в горы, живущий вне власти и закона, ведущий партизанско-разбойничий образ жизни; первоначально – кавказский горец, изгнанный родом из своей среды за преступление, обычно убийство.

Глава 25. История Гюршума

- Два месяца назад украли сына у одного из наших аульчан, Гюршума. Хороший парень, трудяга, порядочный, как и его отец покойный, который много лет был мегълуьмом в нашем нубохундэ, и, вообще, они оба много сделали для нашего нумаза и общины в целом. Так вот, жена Гюршума чистила *сумах*ⁱ у нашей реки Чирагчай и при-сматривала за пятилетним сыном. Налетело двое всадников, забрали с собой и жену Гюршума, и пацаненка. Люди видели, как женщина сопротивлялась. Один из бандитов ударил ее так, что она потеряла сознание, после чего он смог взвалить ее на своего коня. А второй бандит кувыркал пацаненка Гюршума как куклу в руках, пока не уложил поперек своего седла. Этого, второго, всадника узнал покалеченный им же двадцать лет назад на дороге в аул, *шамаш*ⁱⁱ Беньями. В конце того же дня эти же двое прискакали и бросили замученную насмерть женщину на тот же *сумах*, который она чистила. Шестидесятилетнему деду Магомеду, который отдыхал там недалеко, на завалинке, и видел это, сообщили, что за пацана они ждут выкуп пятьдесят червонцев не позднее полудня следующего дня у родника «Слеза Маджнуна». Когда

ⁱ Сумах – односторонний безворсовый ковёр с крупными узорами, в которых преобладают большие медальоны, заполненные мелкими геометрическими, растительными и зооморфными мотивами.

ⁱⁱ Шамаш – синагогальный служка, на которого возложены обязанности наблюдения за порядком и чистотой в синагоге, заботы о сохранении имущества, соблюдения расписания молитв и пр.

Гюршум вернулся с работы и ему рассказали о случившемся, он бросился к жене, но успел только на последний вздох несчастной. В его глазах не было ничего, кроме жажды мести. Гюршум не стал слушать ни меня, ни других людей, которые старались убедить его, что надо все обсудить и принять взвешенное решение, чтобы спасти хотя бы жизнь мальчика. Получив на свой душераздирающий вопрос о том, кто эти твари, имя одного из всадников и название его села, мужчина был неуправляем. Если бы к тому времени у нас уже был сформирован отряд, который был бы готов охранять аул от неожиданных гостей, оберегать его от похищений людей, предупреждать любое вторжение бандитов в будни нашего аула, защищать жизнь и имущество наших людей, тогда мы уберегли бы жизни не только этой молодой женщины и ее ребенка, но и самого Гюршума.

- А что с ним случилось? – спросил Беньягу.

- Его убили, – продолжил свой рассказ Исроил. – Когда он ринулся на своем скакуне в сторону аула, где проживал узанный Беньями бандит, то уже на подъезде к нему, у холма, увидел двух лисиц, раздирающих тушку какого-то животного. Гюршум машинально направил своего скакуна в сторону этих хищных животных. Те, прячась в разбросанных природой у подножия холма камнях, с неохотой оставили свою добычу, и, отбежав не очень далеко, наблюдали за тем, что с ней произойдет. Когда Гюршум подъехал поближе, сердце его оборвалось. На земле лежало маленькое, истерзанное до неузнаваемости человеческое тельце – это был его любимый малыш. В необыкновенном огненно-багровом зареве, пылающем над холмом после

исчезновения за ним солнечного диска, безутешный отец собрал все, что осталось от пацаненка и положил в снятую с себя и разложенную на земле черкеску. Он положил туда все, что нашел поблизости, от выпавших кишок до части стопы с двумя пальчиками, перевязал черкеску конвертом в образовавшийся плотный мешок и привязал к крупу своего коня. Молчаливые холмы и камни никогда не слышали и, наверно, никогда больше не услышат таких горьких и душераздирающих мужских рыданий, как в этот вечер.

Закурив вторую сигарету от первой, Исроил продолжил:

- Подъехав в полной темноте к окраине села, Гюршум спешился и привязал своего коня к ивовому дереву недалеко от самой крайней сакли. Никого поблизости не было. Даже собак не было слышно. Взобравшись на крышу дома, а затем спустившись во двор, Гюршум подошел к двери сакли и постучал.

- *Вуж я хама?*ⁱ – прозвучал испуганный мужской голос.

- *Зум я, Чингиз. Акая!*ⁱⁱ – пробурчал Гюршум.

- Что тебе надо? Что ты делаешь в моем дворе? – удивился мужчина.

- Нурали приехал, тебя зовет.

- Меня. На что я ему сдался?

- Сам у него и спросишь, – зло усмехнулся мужчина.

Через некоторое время дверь приоткрылась и оттуда высунулась плотная фигура. Гюршум, взяв мужчину за воротник, вытянул его за дверь и, резко прижав к стене, приложил к горлу кинжал.

ⁱ Вуж я хама? – Кто там? – перевод с лезгинского.

ⁱⁱ Зум я, Чингиз. Акая! – Я, Чингиз! Открывай! – перевод с лезгинс.

- Тихо, не кричи! – злобно прошипел он. – Твоя жизнь мне не нужна. Мне нужен Чингиз.

Хозяин дома дернулся было, но боль от того, что лезвие кинжала Гюршума вонзилось ему в подбородок, немного отрезвила его.

- Не убивай! Все расскажу, – медленно, чтобы лезвие кинжала не проникло глубже, произносил мужчина, – убери кинжал.

- Далеко отсюда? – спросил Гюршум, чуть отодвинув кинжал, но не уменьшая хватки.

- Через три дома.

- Веди.

- Дай сапоги одеть.

- Так иди. Не замерзнешь. Зарежу как свинью! – пригрозил Гюршум, перехватив мужчину со спины и продолжая прижимать к его горлу кинжал. – Веди.

Двое мужчин медленно вышли со двора и пошли по узкой абсолютно темной улочке между саманными постройками. Опасение, что зажатый в его объятьях немалой силы мужчина сотворит какой-нибудь трюк, заставляло Гюршума твердо держать свое оружие у его горла. Через пять минут мужчины остановились у какой-то металлической двери.

- Здесь, – промолвил мужчина.

- Зови. Зови его, – скомандовал Гюршум. – Быстро. Скажи, что Нурали зовет.

- Чингиз! Чингиз! – позвал напуганный мужчина.

- Ай, что за крики? Что случилось? – ответил, вышедший во двор сакли, Чингиз.

Ворота немного приоткрылись. Оттуда высунулось дуло двуствольного ружья и сразу же прогремел выстрел. Тело мужчины в объятиях Гюршума вмиг обмякло. Откинув его от себя и схватившись за верхнюю часть забора, переполненный жаждой мести Гюршум перелез через него. Когда он оказался во дворе, раздался второй выстрел. Пуля попала Гюршуму в левое предплечье. В свете выстрела он заметил своего врага. Чингиз, пятясь задом к дому, хотел было скрыться в нем. Однако нападавший успел просунуть в проем двери половину своего тела и пробрался в него вслед за хозяином.

Стояла абсолютная темнота. Перед лицом Гюршума лежали тела его истерзанных жены и сына. Его глаза налились кровью, сердце кипело жаждой мщения. Рыча, как раненный зверь, держа кинжал впереди себя, и делая им резкие выпады и замахы, он прошел насквозь все три комнаты сакли. Натыкаясь на разные тела и не щадя, пронзая их несчитанное количество раз, Гюршум не слышал ни криков, ни рыданий, ни проклятий.

Выбравшись из захлебнувшегося в крови дома, он наткнулся на кинжалы нескольких подоспевших на помощь бандиту мужчин.

Под утро аул Мамраш проснулся от лошадиного топота и устрашающего улюлюканья бандитов Нурали. Они привязали тело убитого Гюршума за ноги на длинной веревке к седлу его скакуна, и тащили волоком по центральной дороге аула. Объехав дорогу в два конца, бандиты погнали коня Гюршума в сторону деревянного домика ковхо и удалились.

Исроил закончил свой рассказ и внимательно посмотрел на реакцию Беньягу, который, задумавшись, молчал. Костас, согрев воду, заварив чай и разлив его в армуды из маленького чайника, тоже сел за стол и внимательно слушал рассказ Исроила.

- Это было страшное унижение! Страшное унижение для всех наших мужчин, – возбужденно и с горечью продолжил Исроил. – Мы не нашли ничего лучшего, как пойти спать, когда Гюршум помчался утолять свой праведный гнев. Кто мы после этого?

Беньягу не знал, что ответить на этот вопрос. Да, действительно, все это выглядело непростительной слабостью, после которой, допустившим такое мужчинам, не следовало бы носить кинжал, считать себя мужчиной, не стоило бы жить. Как никто другой, Беньягу понимал Гюршума. Понимал, что человек со своим горем всегда остается один на один. Однако сразу же после этих темных мыслей, мужчина припомнил участие многих людей в своей истории: Мустафы, Рамбома, Бати, Наби, Хануко, и, вероятней всего, сидящего напротив Исроила. В том числе и поэтому Беньягу предпочел в очередной раз промолчать.

Глава 26. Предложение

- Я знаю, что ты потомственный нукер. И отец твой, и дед твой были доблестными нукерами. В нашем народе людей с такого рода профессией практически нет. Я знаю, как ты работал у моего старшего брата, покойного Равино. Знаю и то, что, если бы не твой молодой возраст тогда, ты бы мог быть у него главным нукером. Может быть его тогда бы не убили, – продолжил ковхо Исроил.

- Али-Султан был прекрасным нукером и человеком. Равино доверял ему во всем, – вступился за своего бывшего, уже покойного, коллегу Беньягу.

- Слишком доверял, видно, – вскипел Исроил, затем, несколько успокоившись, продолжил. – Ладно, вернемся к делу. Нам здесь, в Мамраше, нужно организовать отряд самообороны. Наш аул и все его жители должны быть под его защитой и днем, и ночью. Не только наши евреи, но и все аульчане, те, кому эта помощь необходима. Ну, ты в дальнейшем разберешься в этом. Есть и такие, которые постоянно, по любому поводу, проявляют недовольство в отношении нас, евреев, провоцируют скандалы, пишут жалобы в разные инстанции. Если сам не разберешься, я тебе подскажу. Особое внимание надо уделить охране нумаза и нубохундэ, наших рабби и мегълуьма. Как ты, Беньягу, уже догадался, я хочу предложить тебе организовать эту оборону и в этих целях создать боеспособный отряд. Средства на это будут выделяться из нашего общего фонда, людей можешь подобрать сам. Опять

же, и я могу кого-то посоветовать, если ты считаешь нужным спросить. Ну что, согласен?

- Согласен, Исроил. Но меня ведь ищут, я бежал из тюрьмы, – будто извиняясь, произнес Беньягу.

- Ну, на этот счет мы придумали отдать тебе документы пастуха Шомоила. Он умер неделю назад в поле от избиений бандитов. О его смерти пока нигде не отмечалось, и не заявлялось. Вы с ним одного возраста, его семью мы предупредим.

- Хорошо, а как с жильем?

- И это мы обдумали и приняли следующее решение. У покойного Шомоила осталась жена и семеро детей. Мы решили переселить вдову с детьми в пустующий дом Гюршума, а ты будешь жить в доме покойного Шомоила с Мозолут. Там хороший дом, правда всего две комнатки. Зато есть небольшой участок возле дома. Ну, что скажешь?

- Спасибо, ковхо Исроил, за все. Я согласен! – впервые за все время общения с Исроилом на лице мужчины появилось некоторое подобие улыбки.

- Это еще не все, Беньягу. Есть одно условие. Главнo-командующим в вопросах самообороны являюсь я. Важно, чтобы ты об этом всегда помнил. Мое мнение – это одно, приказ – это совсем другое, приказы не обсуждаются. Понял?

- Понял, Исроил! Ваши приказы не обсуждаются, – повторил Беньягу.

- Молодец! – улыбнулся Исроил. – Еще одно.

Исроил вынул из кармана сюртука ключ и открыл дверцу в металлическом сейфе, стоявшем рядом. Он вынул оттуда небольшую пачку бумажных денег – кредитных билетов.

- Это твой аванс, Беньягу. На новую одежду, переезд и обустройство на новом месте, – сказал Исрои́л, кладя деньги на стол перед Беньягу. – Впереди тебя ждет сложная и ответственная работа. Командир отряда самообороны аула Мамраш должен быть всегда хорошо одетым и сытым. Ничто не должно отвлекать его от исполнения своих обязанностей. Ясно?

- Ясно, Исрои́л, спасибо Вам! Вы меня здорово поддержали этим предложением.

- Не один только я. Рамбом еще настоял.

- Рамбом?

- Да, Рамбом. Ты бы знал, как он отстаивал твою кандидатуру на эту должность.

Беньягу, задумавшись, встал, взял со стола деньги, и собрался уже уходить.

- Спасибо, Исрои́л! Мои предложения будут представлены Вам через неделю.

- Отлично! Буду ждать, – отреагировал ковхо, и затем, обращаясь к Костасу, попросил его. – Передай Симхо, что он поступает в полное распоряжение нового командира отряда самообороны.

- Слушаюсь, товарищ главнокомандующий, – сухо ответил Костас и, оставаясь сидеть, приложил ладонь к воображаемой фуражке.

Беньягу тепло попрощался с хозяином приемной и его, казавшимся невозмутимым, счетоводом-греком.

Глава 27. Мозолут

Она родилась в 1893 году. За свои неполные двенадцать лет Мозолут из хорошего помнила только заботу отца, радость общения с соседскими девчонками, их матерью Санайей и бабушкой Джагабат. Из-за трагических обстоятельств своего рождения мать свою она помнить не могла, однако, неоднократно видела во сне добрую женщину в светлой поблескивающей косынке и таком же поблескивающем полупрозрачном платье до пола. Мозолут была уверена, что именно так выглядела ее мама. Женщина заботливо вычесывала ей длинные черные волосы, гладила теплыми ладонями по ее лицу и пела красивым тоненьким голоском всегда одну и ту же добрую песню. Эта песня была о том, что когда Мозолут вырастет, станет необычайно красивой, слух о ее красоте распространится по всей земле, и ее полюбит благородный юноша из хорошей состоятельной семьи. Юноша сделает ее самой счастливой на всем белом свете, оденет в жемчуга, одарит бриллиантами, она выйдет замуж за этого молодого человека и уедет с ним туда, где все люди добры, уважают друг друга, радуются жизни и никому не приходится голодать.

Также Мозолут помнила свою мачеху в те минуты, когда та была в хорошем расположении духа — веселой и доброй. Она не хотела помнить и не вспоминала о ее скверном характере и бесчисленных избиениях. Еще она помнила тяжелый труд дома и на работе, бесконечные походы с кувшином к роднику за водой и череду несчастий,

которые свалились на их семью. Перед ее глазами представляли братья: быстрый смешливый карапуз Иосиф и тихий зажатый Рахамим. Иосиф умер, а Рахамима она не видела уже несколько лет.

Два года назад, когда умер Иосиф, а вслед за ним и Рахиль, Мозолут, не желая оставаться подолгу дома одна, стала работать на шелкопрядильной фабрике, находящуюся недалеко от дома. Как и многие другие работницы, она формировала шелковую нить скручиванием множества тончайших нитей со смоченных коконов шелкопряда. Работа была кропотливая, но понятная, и, поэтому нравилась ей. К обеду, когда другие работницы фабрики собирали еду на общий стол, девочка заканчивала работу и шла домой. До прихода отца она успевала накормить домашнюю птицу, принести воды с родника, приготовить лепешку и похлебку на ужин, разведя огонь в небольшом *хареке*ⁱ, а иногда и постирать одежду. Если оставалось время, она шла поиграть с дочками Мустафы.

Отец, даже когда его что-то тяготило, пытался подбодрить Мозолут. Он рассказывал ей какую-нибудь историю, иногда выдуманную им самим. Особенно много они с отцом мечтали, мечтали о лучшей жизни; о том, как они хорошо заживут, когда Рахамим вернется домой.

Так было до того злополучного дня, когда несчастье отняло у нее отца, ее детство, мечты и здоровье.

Ей было стыдно: стыдно перед отцом, соседями, всем миром. Ей казалось, что она не сможет жить такой, грубо

ⁱ Харек – плоская печь с металлической поверхностью и с глиняным или керамическим корпусом, открытая с одной стороны для подачи дровесины.

растоптанной и уничтоженной взрослым мужчиной. Все то, что случилось с ней, не отпускало, постоянно возвращаясь нескончаемой круговертью во снах и наяву: жестокое ухмыляющееся лицо насильника Сафара; бледное, как будто онемевшее, лицо Рамбома; скрипящая, еле ползущая по поселку повозка с ее слезами и позором; амбар, керосин, спички, горящая в огне одежда и кожа; потерянный, и в тоже время решительный взгляд отца.

Не давала забыть о произошедшем и физическая боль, неотступая боль от ожогов на шее, плече, груди и голени.

Две недели прошло как в забытьи. Калейдоскопом мелькали участливые лица Мустафы, Санайи, их дочек и врача. Все как в тумане. Она была под полной опекой соседской семьи, в чужом доме, одна – без отца, без матери, без брата.

Ожоги, благодаря выписанным русским врачом сильнопахнущим мазям, постепенно перестали ее мучать. Врач из госпиталя, нанятый дядей Мустафой за твердую оплату – николаевские червонцы – исправно исполнял свой профессиональный долг. Врач утверждал, что все могло быть значительно хуже, если бы не молодой человек, укрывший ее толстым покрывалом. О молодом человеке врач услышал от Мустафы и был немало впечатлен его поступком.

- Молодец, парнишка! Благодарите его! Молодец! – восклицал он в присутствии Мозолут, – Благодаря ему, эта драматическая история окончится для вас небольшими розовыми пятнами на шее и груди, да несколькими рубцами на левом плече и внешней стороне левой голени.

Мустафа был по-отечески рад такому стечению обстоятельств и наставлял врача на максимальное внимание к пациентке.

Существенное значение для выздоровления девушки имел подслушанный ею посреди ночи разговор двух мужчин – Мустафы и Рамбома.

Помните, когда Мустафа, услышав во время ночного разговора с Рамбомом посторонний шум за одной из дверей, выходящей в сени, резко открыл ее, испугнув кого-то из домочадцев? Это была наша Мозолут. Услышав тогда посторонний мужской кашель, она приподнялась с кровати и подошла к двери. До ее слуха, очевидно, доходил голос Мустафы и еще один, очень знакомый ей голос. «Рамбом!» – осенило ее, и она ближе, стараясь ничем себя не выдать, прижалась ухом к двери.

Говорили тихо, не все она смогла разобрать, но свое имя расслышала отчетливо. Вся превратившись в слух, она уже довольно четко различила слова Рамбома:

«Я бы мог позаботиться о ней, заняться ее здоровьем, вернуть ее к нормальной жизни. Мозолут мне небезразлична».

Услышав эти слова от Рамбома, девушка сначала оцепенела, затем кровь ударила ей в лицо, щеки, пройдясь согревающими мурашками по всему телу. На ее худенькой спине будто выросли тоненькие, словно стрекозьи крылья, которые осторожно, пытаясь удержать обмякшее от услышанного тело молодой девушки, перенесли ее на кровать в новый для нее мир – мир грез желанной и любящей женщины. И вовремя... В тот же миг открылась дверь, комнату внимательно осматривал дядя Мустафа.

«Ложитесь спать, пожалуйста», – строго произнес он тогда и плотно закрыл дверь.

От окрика отца одновременно подняли свои схожие головки заспанные девочки-близнецы. Ничего не поняв, эти головки устало плюхнулись обратно на подушки и продолжили спать.

А Мозолут не могла больше заснуть! Она не спала до утра. Услышанные слова полностью поменяли ее отношение к жизни.

«Рамбом, – размышляла она, – и что я на него обозлилась? Ведь он спас меня. Да и раньше он относился ко мне хорошо и как-то странно, с робостью что ли. Улыбался мне всегда. В конце концов он мой соплеменник – еврей. Отец едва его не убил, а он здесь, разговаривает с Мустафой... обо мне».

Утром девушка удивила всю соседскую семью. С утра, когда проснулась Санайя, Мозолут уже замесила тесто.

- Что ты делаешь, милая? – удивилась Санайя.

- Чудуⁱ. Вы не против? – ответила, продолжая месить, Мозолут.

- Конечно не против, дочка. А тебе разве можно вставать?

- Можно, очень даже можно, тетя Санайя, – улыбнулась Мозолут, – я здорова, как бык!

- Скорее, как корова, – шутливо произнесла Санайя. – А с чем чуду будет?

ⁱ Чуду – национальное блюдо народов Дагестана. Это пресные лепешки с начинкой, обжаренные на сухой жарочной поверхности или сковороде.

- С зеленью! Исключительно, с зеленью! – воодушевленно произнесла Мозолут, продолжая месить. – А брынза есть?

- Есть.

Тогда исключительно с зеленью и сыром! – искря улыбкой, произнесла девушка.

Мустафа с удовлетворением отметил изменение в настрое девушки и был очень доволен. К тому же чуду были... пальчики оближешь.

На третий день после того счастливого утра он подозвал к себе Мозолут и сказал:

- Дочка, пора собираться в дорогу. Здесь тебе оставаться нельзя. Возьми, пожалуйста, из дома все необходимые тебе для жизни вещи. Завтра, еще до рассвета, мы с тобой выезжаем.

- И куда ж мы поедем? – расстроилась девушка.

- К хорошим людям. Все будет хорошо, Бог милостив!

- А куда, дядя Мустафа?

- Я пока не могу сказать тебе об этом, так будет лучше.

- А мы вернемся?

- Нет, Мозолут, ты не вернешься.

- А как же папа? – обеспокоилась она. – Он придет, а меня нет дома.

- Дочка, папа все узнает. Потом. Бог даст, вы даже, может быть, скоро увидите.

Последние слова дяди Мустафы немного ободрили девушку. Она пошла домой собирать вещи.

Через полчаса Мозолут с Фарухом занесли во двор сундук с вещами девушки. Тяжелый сундук средних размеров ранее принадлежал мачехе Мозолут, Рахиль,

которая привезла его в дом Беньягу с частью своего приданного.

- Все забрала? Что-нибудь еще дома осталось? – пошутил Мустафа.

Выехав еще до рассвета, Мустафа с Мозолут добрались до города Куба поздним вечером, где были достойно приняты в доме одного из знакомых Рамбома.

Полужинав, проспав до позднего утра, и затем с аппетитом позавтракав, они направились в аул Мамраш.

До встречи с отцом Мозолут прожила в доме Хануко несколько дней, весело встретив в его семье праздник Нисону. Здесь она узнала, кому обязана своему спасению и, возможно, спасению отца, и от того ее сердце было исполнено благодарностью к Рамбому.

В гости к Хануко приходил родной дядя Рамбома, местный ковхо Исроил, однако, он не заговаривал с Мозолут и не задал ей ни одного вопроса, хотя она несколько раз ловила на себе его интересующийся взгляд.

Когда появился отец, девушка еле сдерживала себя, чтобы не броситься ему на шею, но по договоренности с Хануко выдержала свой экзамен с честью. Отец был просто окрылен встречей с дочерью, но в сердце девушки появился еще один мужчина, которого она ждала с таким же нетерпением.

Глава 28. Евграф Кузьмич

Что-то не давало уснуть: то ли скрип, то ли стук, то ли храп супруги Варвары Петровны. Евграф Кузьмич приподнялся на локте и огляделся. В окно спальни начальника полицейской стражи Геокчайского уезда бились ветки распускающейся сирени. Начало мая 1905 года выдалось ветреным и прохладным в пику жаркому и душному концу апреля.

Евграф Кузьмич устало встал. Почесав расплзшееся за последние два года пузо, он направился в туалетную комнату. Подняв вверх ночную рубашку и привычным движением правой руки потянувшись за тем, что более наглядно отличает мужчину от женщины, он оцепенел в недоумении.

«Неужели это все, что осталось?» – с досадой отметил полицейский чин.

Простояв в ожидании пару минут, Евграф Кузьмич, расслабившись до пука, все же добился тоненькой неоднородной струйки. Помыв руки, благо в доме был водопровод, он вернулся в спальню.

«Надо бы больше отдыхать. А то с этой работой вообще, страшно сказать, до чего дойти можно, – размышлял он. – Да и сирень... Надо б утром не забыть сказать, чтоб подрезали».

Подойдя к своему любимому комоду и приоткрыв его верхнюю створку, за которой располагался небольшой буфет, Евграф Кузьмич вытащил оттуда початую бутылку подаренного ему когда-то дербентского коньяка

двенадцатилетней выдержки. Он налил его в находящуюся здесь же рюмку. Махнув одну рюмочку, Евграф Кузьмич сразу же налил вторую. Поглотив и ее, он с не меньшим удовольствием надкусил кусок находящегося здесь же, в верхнем отделении комода, вяленого мяса.

Повернув в том же буфете потайную дощечку, он открыл скрытый ящик по соседству. В ящике грудой лежали бесчисленные богатства Евграфа Кузьмича – золотые червонцы, изделия из золота и драгоценных камней. Полюбовавшись своим богатством, он удовлетворенно вздохнул и закрыл ящик.

Вернувшись в постель и приспособившись аккуратно позади лежащей на боку Варвары Петровны, он несколько раз потянулся к супруге, объяв ее выдающийся бюст. Варвара Петровна лишь хрюкнула во сне, не выказав ни малейшей охоты к движению. Не удостоившись внимания, Евграф Кузьмич все же сделал над самой усилие, крепко прижавшись к филейной части супруги. Однако и на сей раз, не добившись ожидаемого физиологического результата, он вновь, посетовав на чрезмерную занятость на работе, повернулся на другой бок и со спокойной совестью заснул.

Проснулся начальник полицейской стражи на зов супруги:

- Евграфушка, поросенок мой, вставай!
- Что так рано, мамусик? – потянулся мужчина.
- Там тебя офицеры дожидаются. Да какие важные. Похоже из высокоблагородиев.
- Какие еще высокоблагородия? – взволнованно переспросил мужчина.
- Как есть, оные! Один, вроде, даже как петербуржец.

Евграф Кузьмич быстро оделся, омыл лицо и вышел к гостям. Здесь в ожидании сидели два офицера. При входе в гостиную хозяин дома поприветствовал их:

- Здравствуйте! Чем обязан столь раннему визиту, господа?

Офицеры встали. Старший из них, высокий сухопарый мужчина лет сорока восьми с высоким лбом и кругами под серыми, выдающими бессонницу и утомление, глазами представился:

- Инспектор Закавказской полицейской стражи подполковник Сергеев Арнольд Генрихович.

- Судебный пристав губернского управления майор Джавахишвили Саба Георгиевич, – представился второй офицер, среднего роста аккуратно бритый брюнет с густыми бровями и слегка раздвоенным подбородком.

Евграф Кузьмич несколько растерялся от статуса непрошенных гостей. Тупая боль под животом напомнила ему о ночном досадном открытии.

- Добро пожаловать, господа, в Геокчай! – поприветствовал он еще раз гостей Евграф, съезживаясь на всякий случай до уровня самого что ни на есть маленького служителя закона.

- Мы, господин штабс-капитан, рассчитывали, что в этот час Вы окажетесь на рабочем месте. Проехав более шестнадцати часов до Вашего кабинета, нам крайне малоприятно было узнать, что Вас там нет. А после еще искать, где Вы так прекрасно квартируете и ожидать Вашего долгожданного выхода, – как-то просто и сухо съехидничал подполковник.

- Извините, господа, много сложных дел, ну, просто голова идет кругом! Меня в чем-то обвиняют? – спросил он у присутствующих.

- Да, на Вас заведено дело, – ответил инспектор.

- Кем это? И, главное, за что, господа?

- Мной. За что? – хищно улыбнулся инспектор. – С этим Вы сегодня непременно ознакомитесь.

Но, я надеюсь, – широко и услужливо улыбался Евграф Кузьмич, – мы легко разберемся в этих делах. Право же, все в конечном итоге разъяснится, а я, конечно же, обязуюсь достойно компенсировать вам все трудности, связанные с действительно тяжелым переездом в наш уездный центр.

- Да, господин штабс-капитан, разъясниться должно многое. Уж постарайтесь, – по-деловому, и, не принимая дружеского посыла хозяина дома, обозначил серьезность его положения инспектор. – Вот постановление на проведение следственных действий, как в вашем кабинете, так и на месте проживания. И, как понимаете, мой статус позволяет мне осуществлять любые административные и уголовно-процессуальные действия в отношении Вас, в том числе и заключение под стражу на период проведения расследования.

Евграф Кузьмич взял из рук подполковника протянутую бумагу и присел на стул, стараясь не выдать чудовищного волнения.

- Что ж, господа, коли так, прежде чем приступить к такому важному делу, может быть, отдохнете с дороги? Полчаса. И великолепные шашлыки из нежнейшей баранины, двенадцатилетний коньячок и хорошее

настроение, клянусь, не помешает осуществить вам все ваши планы. Рад буду поспособствовать.

- Спасибо, Евграф Кузьмич, но прежде служба, – с улыбкой и несколько брезгливо произнес Арнольд Генрихович.

Услышав свое имя и отчество, впервые произнесенные в разговоре, мужчина несколько успокоился:

- Ну что ж, служба, так служба. С чего хотели бы начать, господа?

- С ревизии и обыска в Вашем кабинете. Закончим там, а затем, вернемся сюда.

Евграф Кузьмич был озадачен, но нашелся лишь спросить:

- Позвольте, господа, дать распоряжение супруге насчет обеда? Варвара Петровна! – позвал он.

В гостиную вошла изысканно, но несколько старомодно одетая супруга Евграфа Кузьмича на вид тридцати пяти лет. По тому как быстро супруга появилась и по некоторой тревоге на ее всегда беззаботном мещанском лице, хозяин дома понял, что от Варвары Петровны не ускользнула ни одна деталь из разговора полицейских чинов.

Варвара Петровна, кокетливо улыбаясь, подошла к каждому из гостей, здороваясь и принимая их условные поцелуи, направленные к свободной от белой кружевной перчатки открытой верхней части ее левой ладони.

- Варвара Петровна, организуйте-ка нам чудный обед, пригласите Муслима в помощники, – дал он наказ супруге. Господа, если бы вы знали, как готовит мясо этот туземный

волшебник. Золотые руки. Просто пальчики оближешь. Все лучшее для наших губернских гостей.

- Хорошо, Евграф Кузьмич! Я все поняла. Обед будет забываемым для всех. Обещаю вам, господа! – кокетливо улыбнулась Варвара Петровна. – Позвольте, я оставлю вас, чтобы успеть ко времени.

Варвара Петровна вышла. Евграф Кузьмич победно посмотрел на офицеров. Кто-кто, а Варвара Петровна у него видная дама.

- Ну что ж, господа, проедемте в кабинет, коли так, – заключил хозяин дома. Офицеры вышли в прихожую. Одевшись в соответствующие их рангу шинели, они направились к выходу. За оградой дома, у крытого тарантаса, их поджидал кучер, пожилой военный в картузе и солдатской шинели.

Глава 29. Расплата

Полицейские чины сели в тарантас и поехали. Не отъехав и двухсот саженей от дома Евграфа Кузьмича, тарантас остановился у обочины и из него выскочил пристав Саба Георгиевич. Он, нисколько не торопясь, направился пешком в обратном направлении. После указанного прошло уже несколько минут, однако, тарантас не двигался с места, что начало беспокоить Евграфа Кузьмича.

- Так мы едем, господин подполковник? – нервно спросил он.

- Едем, едем. Только господина майораждемся, ответил инспектор.

Прошло еще около двадцати минут, во время которых инспектор дремал, прислонив голову к остову, поддерживающему кожаное верхнее покрытие тарантаса, а Евграф Кузьмич обдумывал, на каком из дел он прокололся.

Далее прозвучал выстрел, и тарантас резко тронулся, повернувшись поперек дороги. Раздалось громкое ржание. Подполковник выпрыгнул из тарантаса и схватил под уздцы двигавшуюся прямо на тарантас лошадь, запряженную в тяжелую повозку.

Завидев офицера столь высокого звания, человек, управлявший указанной повозкой, спрыгнул с нее и побежал прочь вдоль дороги. Подполковник сделал было движение в сторону беглеца, но остановился. Убегавшему мужчине не удалось сделать и тридцати шагов. Прямо перед ним оказался майор Джавахишвили. Борцовским приемом

уложив незадачливого мужчину на сырую землю, он одел на него наручники и повел в сторону повозки.

Когда майор подвел беглеца к подполковнику, тот обратился к Евграфу Кузьмичу:

- Господин штабс-капитан, Вы знаете этого мужчину?

- Да, знаю, – подумав несколько секунд, ответил он, – это наш печник. Дрова нам продает, уголь.

- А как его зовут, знаете?

- Знаю... Не то Магомед, не то Махмуд.

- А я знаю точно! – отчего то обрадовался инспектор. – Это Ваш шашлычник, Муслим.

- Верно говорю? – обратился он к бежавшему недавно мужчине.

Мужчина молчал.

- А знаете, что у него в повозке, Евграф Кузьмич?

- Откуда мне знать, что у этого несчастного в повозке?

- А я знаю! И он знает. Знаешь же, уважаемый? – обратился подполковник к беглецу.

Беглец, опустив голову, молчал.

- Вы почему молчите? Отвечайте офицеру! – тряхнул мужчину майор.

- Я русский не понимает, – ответил беглец коряво.

- А Сибирь, каторга, кандалы, ты «понимает», Муслим? – съехидничал подполковник. – Что в повозке?

- Не знаю, его жена дала, – ответил Муслим. – Сказала спрятать.

- Молодец, Муслим. Знаешь про Сибирь, – ухмыльнулся инспектор. - Твоего русского мне достаточно.

- Ну-ка, уважаемый, перенеси сюда, на край подводы, то, что тебе передали, – предложил Муслиму инспектор. –

Саба Георгиевич, будьте любезны, снимите с Муслима наручники, думаю, он никуда не побежит.

В ту же минуту наручники с Муслима были сняты, и он пододвинул тяжелый, около пуда с четвертью, сундук к краю повозки.

- Ваш сундук, господин штабс-капитан? – спросил подполковник, оценивая огромный замок, замыкающийся на центральной петле металлического сундука.

- Первый раз вижу, – стараясь быть безразличным, ответил Евграф Кузьмич.

- Савелий Филатович, откройте, пожалуйста.

К подводе подошел, все время до этого молчавший, управлявший тарантасом кучер. Оценив замок, пожилой прапорщик запаса достал из-под одного из сидений тарантаса небольшой изогнутый металлический прут. Вставив край прута в петлю сундука, Савелий Филатович одним движением отделил ее от места крепления вместе с замком и отошел, дав возможность инспектору самому поднять крышку.

Инспектор не замедлил сделать это.

Сундук был наполнен николаевскими червонцами, некоторые из которых были с дырочками, что говорило о том, что они уже успели послужить украшениями для некоторых женщин. Помимо россыпи монет сундук содержал затянутый шнурком кашемировый мешочек и украшенный цветной росписью деревянный лакированный ларец. В мешке были золотые кольца и цепочки, а в ларце – различные ювелирные украшения из золота, жемчуга и драгоценных камней.

Все присутствующие были ошеломлены, в том числе и вынужденный смотреть на это хозяин сокровищ.

- Скажите, пожалуйста, господа, каким образом не самый высокий чин полицейской стражи с годовым денежным содержанием 580 рублей, с учетом 100 рублей на фураж, мог заполучить такие богатства, – обратился ко всем присутствующим инспектор Закавказской полицейской стражи подполковник Сергеев Арнольд Генрихович, – ведь здесь не менее двух тысяч монет при весе одной монеты 7,74 грамма золота 900 пробы, то есть не менее двадцати тысяч рублей одними только николаевскими.

Затем, посмотрев с негодованием на все еще сидящего на сидении в развернутом поперек дороги тарантасе начальника полицейской стражи, обращаясь к нему, продолжил:

- Доколе русские женщины будут рожать такое гнилое ненасытное племя как Вы, штабс-капитан? Сколько невинных людей Вы погубили ради этого золота и сколько бы еще должно было умереть из-за вашей ненасытной жадности? Вам даже не пришло в голову, что расшифровка Вашего трепа с супругой, это даже не головоломка, а простая азбука для любого образованного сыскного полицейского. Вы тут просто разжирили, квартируете в шикарном особняке и даже не думаете, что это может дискредитировать. Нет, не Вас. Вы прогнили насквозь. Нас, тысячи и десятки тысяч русских офицеров и солдат, присягавших императору.

Арнольд Генрихович негодовал. Казалось, что, если бы Евграф Кузьмич возразил ему в ту минуту или прервал бы его пламенную речь, тот просто убил бы его на месте.

Затем все, включая Муслима, отправились в рабочий кабинет штабс-капитана. Все изъятые ценности были описаны. Муслим подписал протокол и отправился восвояси. При обыске в кабинете было найдено еще тридцать червонцев, — вразумительно объяснить их наличие в своем сейфе начальник полицейской стражи не смог. К вечеру он был официально арестован с предписанием инспектора Сергеева А. Г. о необходимости его немедленного этапирования в губернскую тюрьму. Все уголовные дела, к которым Евграф Кузьмич имел когда-либо отношение, были изъяты. До назначения нового начальника полицейской стражи уездного поселка Геокчай исполняющим его обязанности был назначен урядник того же участка.

Переночевав в доме вышеуказанного урядника по его любезнейшему приглашению, два командированных офицера к середине следующего дня на известном читателю тарантасе уже направлялись в обратный путь, в губернскую столицу.

В мае 1905 года, по прошествии семи лет после совершенного неизвестными лицами тройного убийства в поселке Геокчай, в связи с открывшимися фактами, доказательствами и уликами, новыми свидетельскими показаниями по закрытому ранее делу, Бакинский окружной суд направил его на следствие. Вместо предыдущего заявителя, Яагу бен Баруха, погибшего в январе текущего года, по делу о гибели отца Равино Исроилова, матери Мегило бат Авроом и их нукера Али-

Султана Хасрет-оглы выступил новый заявитель – Рамбом бен Равино Исроилов.

В связи с тяжестью рассматриваемых следствием преступлений и имеющихся у заявителя нареканий к исполнению предварительного дознания в уездном участке полицейской стражи поселка Геокчай, и последующим следственным действиям и судебного разбирательства, относящегося к компетенции Кюрдамирском особого мирового участка, не проявивших в них должного профессионального рвеня, дело принято к исполнению Бакинским окружным судом.

В состоявшемся в городе Баку в октябре 1905 года суде, следствие доказало вину старосты поселка Геокчай Ахмеда Мирзабек-оглы в убийстве трех жителей поселка, гражданина Равино бен Яагу Исроилова, его супруги гражданки Мегило бат Авроом и их нукера Али-Султана Хасрет-оглы и последующем поджоге дома Равино Исроилова. Направляясь на хадж в апреле 1898 года, обеспечивая себе алиби, староста поселка Геокчай Ахмед Мирзабек-оглы, проживающий в указанном поселке, нанял абрека известного как абрек Черный Кунак и его напарника Махмуда (точные имена, фамилии, отчества и места пребывания не известны) для убийства в свое отсутствие делового партнера, владельца шелковым производством Равино Исроилова и его супруги. Убийство осуществлялось с целью завладения доли партнера в совместном производстве. Третьей, случайной жертвой, стал Али-Султан Хасрет-оглы — нукер Равино Исроилова. За убийство наемники получили от Ахмеда Мирзабек-оглы значительные денежные средства.

За совершенные преступления Ахмед Мирзабек-оглы осужден окружным судом на каторжные работы сроком на двадцать лет. Один из непосредственных исполнителей убийства известный как абрек Черный Кунак объявлен в розыск, другой, исходя из показаний свидетелей, признан умершим.

Сын убитого Равино бен Яагу Исроилова, истец Рамбом бен Равино Исроилов, на основании решения окружного суда и предоставленных им документов на собственность, судебным решением Кюрдамирского особого мирового участка от 6 декабря 1905 года признан единоличным владельцем предприятий и земельного надела своего отца.

К слову сказать, мусульманская община Геокчая заочно осудила Ахмеда Мирзабек-оглы, посчитав его недостойным носить имя Хаджи, так как он злостно нарушил ряд мусульманских запретов.

В феврале 1906 года, Ахмед Мирзабек-оглы был этапирован в Баку, где проходил свидетелем, а затем и обвиняемым по делу бывшего начальника полицейской стражи поселка Геокчай Парамонова Евграфа Кузьмича за дачу взятки с целью получения необходимых результатов следствия и последующего осуждения нескольких граждан поселка Геокчай. Ахмеду Мирзабек-оглы по решению суда добавлено три года к предыдущему приговору суда, а Парамонов Евграф-Кузьмич был приговорен к восьми годам тюремного заключения и конфискации имущества, добытого преступным путем.

В апреле-мае 1906 года в Геокчай вернулись из мест заключения несколько ранее несправедливо осужденных граждан.

Глава 30. Шақал

Убитый более четырех месяцев назад Сафар, сын Амирбека, до сих пор не был отомщен. Все обещания бывшего старосты Хаджи-Ахмеда, напрасно сотрясавшего воздух на джамаате, арестованного и сидящего ныне в губернской тюрьме, рассыпались в прах. Оставить неотмщенной трагическую смерть своего единственного сына-наследника Амирбек не мог. Все его мысли были поглощены планами мести. Однако за прошедшие несколько месяцев пожилой мужчина стал еще более немощен, чем когда-либо в жизни и не то, чтобы пойти убивать кровника, но и просто выйти из дома ему не удавалось. К тому же исчезли и Беньягу, и его дочь. На кого устремить праведное возмездие? И тут нашлись в поселке добрые люди, вспомнили, что у пропавшего еврея был еще и сын, которого он кому-то не то отдал, не то продал за большие деньги. Известно было и то, что этого мальчика видели в последний раз, уезжающим на повозке в Лахидж вместе с Мустафой семь лет назад. Конюх Амирбека, отправленный в Лахидж на поиски мальчика, клялся Аллахом, что несколько дней выспрашивал местных жителей, обошел и объехал весь Лахидж вдоль и поперек – никто ничего не знает о еврейском подростке из Геокчая.

После этого Амирбек решил нанять известного своей жестокостью и нелюбовью к евреям абрека Сиражутдина, не раз, по слухам, участвовавшего в похищениях и убийствах евреев. Отличительной чертой этого бандита была любовь к поджогам домов своих жертв. Он также был

известен среди стражей порядка и простых тружеников под кличкой Шакал.

Сиражутдин запросил у Амирбека достойный куш для себя и своих людей. В ответ он обещал быстро устроить дело. Получив запрошенную сумму вперед, Сиражутдин и сам жаждал немедленно пролить кровь еврейского ребенка и бросить его голову, к удовольствию Амирбека, у могилы убитого Сафара.

Единственный, кто мог точно знать о месте пребывания исчезнувшего много лет назад сына Беньягу был Мустафа.

К счастью, с утра в лавку Мустафы для покупки кувшина, подходящего для подарка своей дочери, зашел поселковый сапожник Сурен. Он рассказал, что в поселок прискакали Шакал и его головорезы, и что их видели у дома Амирбека. Сообщил ли он об этом случайно между делом или хотел предупредить Мустафу, мы уже не узнаем. Однако это очень обеспокоило мужчину, и он послал Фаруха за лошадью к соседу Алибею, передав сыну деньги для оплаты ее аренды наперед. Сам же Мустафа стал готовить упряжь и подводу к поездке. Когда Фарух вернувшись стал заводить во двор лошадь Алибея, отец подозвал его к себе.

Усадив сына на табурет, Мустафа после некоторых раздумий, глядя ему в глаза, произнес:

- Сынок, мы так мало общаемся. Я чем-то занят, ты занимаешься какими-то делами. У нас никак не получается вот так сесть и спокойно поговорить. Хочу тебе прежде сказать, что я горжусь тобой. Ты именно тот сын, о котором я мечтал. Хочу, чтобы ты знал об этом.

- Поступай всегда так, как ты считаешь нужным поступать. Не живи чужой судьбой, – взволнованно продолжил Мустафа. – Мой папа – твой дедушка, Мехди – очень любил эти края, и даже и не думал возвращаться в родной Гуджарат. Я провел всю свою жизнь здесь и только сейчас отчетливо понимаю, что я прожил чью-то чужую жизнь. А моя жизнь где-то там проходит, вдали отсюда и отдельно от меня. Тебе завтра исполнится восемнадцать лет, и я хочу, чтоб ты знал об этом сейчас – через полгода-год мы уедем отсюда. Уедем в наш настоящий дом. Навсегда. Что ты думаешь по этому поводу?

Фарух внимательно слушал отца. После некоторого раздумья он произнес:

- Не знаю папа. Меня здесь ничего особенно не держит. Лишь бы Вы с мамой и сестрами были рядом.

- Хорошо, – сказал Мустафа, вставая и хлопая себя по коленям.

Видимо именно сейчас Мустафа принял очень важное для себя решение, над которым долго размышлял. Его лицо сияло от улыбки. Обняв сына, Мустафа продолжил:

- Сынок, поезжай к дяде Уста-Курбану и предупреди его, чтобы немедленно всей семьей уезжали из своего дома. Сегодня, в крайнем случае завтра, к ним нагрянет абрек Шақал со своей бандой. Он ищет Рахамима и чтобы убить мальчика, ни перед чем не остановится.

- А как же Вы, папа?

- Я присмотрю за домом, твоей матерью и сестрами. Передашь сообщение, сразу же возвращайся.

Мустафа вошел в дом и через минуту вернулся.

- Вот, отдашь дяде Уста-Курбану, – мужчина передал Фаруху платок, в который были завернуты деньги. – А теперь в путь. Поторопись, Фарух.

Он пожал руку и тепло обнял своего единственного сына. Фарух выехал со двора.

Не прошло и десяти минут, как Мустафа услышал грохот падающих на землю ворот своего двора.

Он забежал в дом и скомандовал жене и дочерям, чтобы они быстро спрятались. Сам же взял ружье и затаился в оконном проеме.

- Мустафа! Брат мой! Выходи! – послышался голос Сиражутдина.

- Что надо? – громко ответил Мустафа.

- Выходи! Разговор есть! – произнес Шақал, и после паузы продолжил: – Выходи, Мустафа! Не трону! Или ты боишься, брат?

- Что-то я тебя не вижу. Где ты, Шақал?

Сиражутдин с двумя бандитами въехали верхом во двор. Все были при оружии и демонстративно стреляли в воздух.

Мустафа появился в проеме двери одетый в черкеску, которую обычно опоясанную с кинжалом в ножнах надевал в поездках. Ружье стояло прислоненным к проему двери справа от мужчины.

- Чего надо, говори? - громко спросил он.

Сиражутдин, оценивающе разглядывая соперника, ответил вопросом:

- Где ублюдок, сын твоего еврейского друга?

- Умер много лет назад.

- И где же он похоронен?

- На кладбище.

- Мустафа, ты мне не вилай как шелудивый пес. Где еврейское отродье?

- Сиражутдин, шакал из шакалов! Побираешься по свету, убивая ни в чем не повинных людей. Пора тебя остановить.

- Видно ты не понял с кем имеешь дело, Мустафа! Где твоя семья? – Сиражутдин посмотрел под навес, под которым не оказалось подводы.

- Привести сюда Алибея! – скомандовал бандит своим подручным и продолжил, вновь обращаясь к Мустафе: – Не по дороге ли она к твоему лахиджскому кунаку?

Мужчины продолжали стоять друг против друга, глядя друг другу в глаза.

Один из бандитов, выехавших со двора, через минуту привел испуганного Алибея, бросив его на колени перед скакуном Сиражутдина.

- Что угодно уважаемому Сиражутдину? – промямлил Алибей.

- Алибей, когда ты отдал лошадь Мустафе? – спросил Сиражутдин.

- Не более получаса назад, уважаемый Сиражутдин.

В этот момент Мустафа, быстро переступив порог, бросился к лошади ближайшего всадника и, запрыгнув ей на круп, оказался за его спиной. Из горла бандита тут же хлынула кровь. Схватив ружье убитого, Мустафа выстрелил в сторону Сиражутдина. Однако тот уже скрылся в проеме дворовых ворот.

- Сжечь здесь все! – послышалась команда бандита.

Сразу же на хозяина дома набросился второй всадник. У него была сабля, скорее всего именная, принадлежащая

ранее русскому офицеру. Она была много длиннее кинжала Мустафы. Однако Мустафа лучше владел собственным кинжалом, чем бандит чужой саблей. Он получил единственное рубленое ранение, исхитрившись ухватиться непокрытой ладонью за лезвие сабли и всадить кинжал в сердце бандита.

Алибей, радуясь быстрому избавлению и опасаясь грозного соседа, быстро встал на ноги и выбежал со двора.

Тем временем крыша дома Мустафы и его дворовые постройки горели от брошенных бандитами горящих факелов. Он бросился в амбар к тайнику, где прятались жена с дочерьми и вызволил их оттуда. Далее Мустафа побежал в вольер и, взяв в руки сокола, вышел с ним во двор. Что-то нашептал птице, хозяин выпустил ее в небо со словами:

- Лети, Ктай! Спаси Фаруха!

Санайя с испугом смотрела на своего мужа, взлетающего ввысь сокола и быстро разгорающийся пламень дома. Девочки плакали, прижавшись к матери. Мустафа вбежал в дом. Появившись через минуту, он бросил возле супруги наволочку с документами, деньгами и несколькими фотографиями.

Далее оседлав оставшуюся во дворе лошадь одного из убитых им бандитов, Мустафа обернулся, чтобы еще раз посмотреть на жену и близняшек.

- Идите в дом Беньягу! Сюда не ходите! «Я скоро вернусь!» — быстро произнес он и ускакал.

В это время Сиражутдин с еще несколькими бандитами бросились в погоню за повозкой, которой управлял Фарух.

Ничего не подозревающий юноша мчал во весь опор, когда услышал позади, в поселке, перестрелку. Обеспокоенный судьбой своей семьи, но подчиняясь воле отца, Фарух продолжил путь. Еще через несколько минут сквозь грохот движущейся повозки он снова услышал характерный звук – ни с чем несравнимый, знакомый с детства свист. Он посмотрел в небо. Прямо над ним высоко в небе парил его Ктай.

«Отец выпустил Ктая. Значит хочет подать мне какой-то знак», – подумал Фарух.

Между тем далеко позади показалось облако пыли.

Парень выпрыгнул из повозки. Сильным шлепком по крупу лошади и громкими криками «Эдже! Эдже! Эдже!» он погнал лошадь вперед. Айна, не ожидавшая такого отношения со стороны ранее доброжелательного юноши, погнала во всю прыть. Сам же Фарух притаился в раскинувшейся у дороги алычовой рощице и стал наблюдать.

Через несколько минут показались всадники, скакавшие во весь опор, а еще через некоторое время появился отец на чужой лошади. Он периодически выкрикивал: «Фарух! Сынок!»

В горле пересохло, но Фарух смог остановить отца, выбежав их рощи, сиюсь что-то крикнуть и размахивая руками.

- Беги домой сынок, ты там очень нужен сейчас, – крикнул подъехавший к сыну отец.

- Нет! Я с тобой! Я с тобой, папа! – настаивал Фарух.

- Садись на лошадь, сынок! – принял нелегкое для себя решение Мустафа.

Фарух запрыгнул на лошадь и уселся на ее круп, схватившись за поясницу отца.

- Может еще успеем. Должны успеть! – громко произнес Мустафа.

Они свернули с дороги, срезая путь, и помчались параллельно банде Шакала, скачущей за повозкой.

Важно было первыми проехать вдоль русла реки Гирдыманчай, которая прорезывает Лахиджский хребет и, выходя в низменность Хорасо, образует единственный проход в поселок со стороны Ахсуйской равнины.

Глава 31. Секрет Малики

Догнав повозку, Сиражутдин с бандой осмотрели ее.

- Ах, еврейский прихвостень, обманул нас, – негодовал Шакал.

- Давай вернемся, поищем его сынка. Он не мог далеко уйти, – предложил один из бандитов.

- Порвем, ублюдка, – с остервенением предлагал другой.

- Нет! – сказал Сиражутдин. – Мы пойдем за этой клячей. Она нас точно приведет куда нужно.

Так они и ехали за лошадей, едва подгоняя ее, пока не заехали в поселок Лахидж. Айна, не ожидая никакого подвоха, подчиняясь своей многовековой доле, потихоньку добралась до ворот двора Уста-Курбана и остановилась.

- Есть кто-нибудь дома? – забарабанил в дверь Сиражутдин.

Ответа не последовало и тогда Шакал приказал взломать ворота.

Два бандита спешились. Один из них достал из подводы Мустафы длинный металлический шест и засунул его под ворота. Используя рычаг, бандиты приподняли ворота, после чего те с грохотом ударились оземь. Вместе с грохотом последовали выстрелы, один из бандитов упал, другой успел спрятаться за забор.

- Эй, Уста-Курбан, ты забрал жизнь одного из моих людей. А между тем я пришел с миром. Нехорошо. Придется забрать жизнь кого-нибудь из твоей семьи. И это будет справедливо, не так ли? – прокричал Шакал из-за забора.

- А, ну, Баха, посмотри, что там, – приказал он одному из трех оставшихся в его распоряжении бандитов.

Баха, подъехав к забору со стороны какой-то постройки, в несколько прыжков взобрался на нее и притаился, оглядывая оттуда двор дома Уста-Курбана.

- Видел двух мужчин в укрытии, один с ружьем, другой с винтовкой, – вернувшись к своему скакуну, доложил хозяину Баха. – Тот, который с ружьем — Мустафа.

- Мустафа, собачий сын, ты здесь? А жизнь сынка своего не жалко было променять на жиденка? – громко, чтобы его услышали за забором, произнес Сиражутдин.

- Беги пока цел, Шакал, сын шакала. Тебе здесь не улыбнется, – послышался голос Мустафы.

- Уста-Курбан, брат, не бери на себя кровь своей семьи, побойся Аллаха! Отдай подростка – будешь жить, – крикнул Сиражутдин.

Не услышав ответа, он скомандовал:

- Сжечь!

Бандиты подожгли все имеющиеся у них факелы и забросали ими дом и другие постройки во дворе Уста-Курбана. Когда со двора повалил густой дым, Шакал дал знак оставшимся бандитам, и те ворвались во двор, обстреливая указанные Бахой укрытия Мустафы и хозяина дома. Завязался бой, в котором погибли все противоборствующие мужчины: трое бандитов, Уста-Курбан и Мустафа.

Увидев из горящего дома посреди двора тело зарубленного насмерть окровавленного мужа, с воплями и криками: «Эй-вой! Уста-Курбан! Вой эри ме! Уста-Курбан!» – из дома выскочила Малика.

Еле передвигаясь на своих крупных ногах, она доковыляла до тела мужа и в душераздирающих рыданиях, ударяя себя ладонями по лицу, бросилась обнимать его, инстинктивно пытаясь приладить друг другу его порубленные останки.

Крик прекратился в один миг, когда появившийся во дворе всадник, Шакал, зловеще улыбаясь, пронзил саблей спину рыдающей женщины. Обессилившая Малика упала на тело мужа. Через несколько секунд Сиражутдин выпал из седла, сраженный пулей. Въехавший за ним во двор Фарух, увидел насмехающегося над убитой женщиной бандита и выстрелил. Пуля попала Шакалу в шею, очевидно, задев позвоночник. Выпадая из седла, смертельно раненный Шакал внезапно потянул уздцы своего молодого

¹ Эй-вой! Уста-Курбан! Вой эри ме! Уста-Курбан! – Ой-ой! Уста-Курбан! О, горе мне! Уста-Курбан! – перевод с джуури.

породистого скакуна. Конь от неожиданности встал на дыбы и, прежде чем рвануть прочь, потоптался над телом своего хозяина, тем самым ускорив его бесславный уход.

За Фарухом в пылающий огнем двор Уста-Курбана въехали двое всадников-полицейских.

Из горящего дома послышались крики и плач зовущих на помощь людей. Полицейские бросились в дом и вывели оттуда двух задыхающихся от дыма подростков. Это были Рахамим и Динара.

Увидев тела Уста-Курбана и Малики, подростки в ужасе бросились к ним.

- Папа! Мама! – рыдая, кричали Рахамим и Динара.

- Дети мои, дети мои, – услышал Рахамим тихий голос Малики и с трудом повернул ее тело вверх лицом. Из ее рта, пузырясь, вытекала кровь. Под ней натекла густая темно-красная лужица.

- Мама, не умирай! – кричал Рахамим.

- Подойдите поближе, дети мои. Поближе, – попросила Малика, сиюсь говорить.

Рахамим и Динара прижались к лицу умирающей женщины. Малика произнесла:

- Рахамим, сынок, Динара, доченька, я благословляю вас. Живите в мире и дружбе. Родители умирают, так бывает. Не бойтесь, дети мои, – протяжный грудной хрип прервал ее речь.

- Еще, знайте, что ваша мама еврейка, – продолжила тридцатипятилетняя женщина. – Мои родители из села

*Маджалис*¹. Мы с вашим отцом очень любили друг друга. Но меня никогда бы не отдали за него. Тогда мы решили бежать. Ни одной минуты не жалела, что сделала это. Похороните нас в одной могиле. И уезжайте отсюда. Запомните, моего отца звали Пинхас бен Ошир... – сказав самое важное, то, что держала в секрете всю свою недолгую жизнь, Малика умерла, оставив безутешно рыдать Рахамима и Динару.

В паре десятков шагов от них, в мастерской, у стопки необработанных медных листов лежал Мустафа. Его тело было изрешечено пулями. Возле него в скорбном оцепенении и опустошении на земляном полу сидел, удрученно расставив ноги, его семнадцатилетний сын Фарух. Просидев так до тех пор, пока в мастерской не стали падать горящие балки, Фарух закрыл отцу глаза и затем вытащил его тело во двор.

Подъехал пожарный расчет с четырьмя бойцами и запряженной двумя лошадьми повозкой с металлической бочкой. Вокруг все пылало. Никто до прибытия расчета и не пытался гасить огонь, спасти скарб. Все были поглощены горем.

- У-у-у, Шакал. Поделом тебе, – щерился от удовольствия один из полицейских, пиная тело убитого Сиражутдина. – Сколько лет свирепствовал, народу сколько угробил, душегуб.

¹ Маджалис – село в Дагестанской области Российской империи. Административный центр Кайтаго-Табасаранского округа (на 1905 год). Село расположено на реке Уллучай, в 130 км к югу от города Махачкала, в предгорье на высоте 408 метров. В 26 км к востоку от села расположена ближайшая железнодорожная станция Мамедкала.

Пожарные, осмотревшись, стали обливаться две небольшие одноэтажные постройки, находящиеся у самого входа во двор – те, которые можно было еще спасти.

Глава 32. Фарух

Фарух отыскал у соседнего двора отцовскую повозку. Айна, казалось, виноватым взглядом встретила юношу.

«Но при чем здесь эта невинная скотина», - подумалось ему.

Погрузив с помощью одного из любознательных лахиджцев, окруживших горящий двор Уста-Курбана, тело отца в повозку, Фарух, дождавшись, когда полицейские будут чем-либо отвлечены, вывел ее со двора.

Ведя под уздцы запряженную в повозку Айну, Фарух в наступающих сумерках вышел из города. Откуда-то издали приближался грозовой фронт. За раскатами грома последовали молнии, ветер и, наконец, обрушился ливень. Через два часа дождь закончился и на просветлевшем небосводе появилась старая луна, которая осветила опечаленное лицо осиротевшего юноши, заострившиеся черты лица покойного Мустафы и огромные глаза лошади Алибея. Фарух так и не сел в повозку, а прошел весь путь до Геокчая пешком. Сегодня ему исполнилось восемнадцать лет. Возраст зрелого мужчины. В ранних утренних сумерках родной поселок встретил его запахом дыма.

Опасения Фаруха немедленно подтвердились. Вместо построенного здесь несколькими поколениями предков

дома, его встретило пепелище, на котором копались какие-то тени. Завидев Фаруха, они бросились в рассыпную. На один из вопросов Фаруха, одна из теней, оказавшаяся соседским парнишкой Али, все же ответила:

- Тетя Санайя и девочки в доме Беньягу.

Мама и сестры не спали. Они выбежали во двор, как только услышали отпирающиеся ворота.

Горе. Большое горе. Чего еще тут скажешь.

Через некоторое время, когда солнце уже существенно отдалилось от горизонта, из ворот дома Беньягу выехала маленькая процессия – мать, сын и две повзрослевшие прелестные двенадцатилетние девушки-близняшки. Впереди шел Фарух, так же как и пару часов назад ведя под уздцы лошадь соседа Алибея, запряженную в подводку с покойником Мустафой.

Мустафа был омыт Фарухом при помощи матери и одет в свои старые, но чистые бешмет и штаны.

Многие люди останавливались, приносили соболезнования и сопровождали некоторое время процессию. Когда процессия проехала мимо всех поселковых кладбищ и направилась дальше в горы, все сопровождавшие и сочувствующие постепенно отстали. Все, кроме Наби. Наби, так же как и Фарух, рано потерявший отца, убитого наемными бандитами, очень близко принял смерть Мустафы.

Фарух привез отца на самую вершину горы. Как-то во время соколиной охоты Мустафа рассказал сыну куда по законам их народа в случае смерти его надо привезти. Это было именно то самое место. Сюда же Мустафа привозил свою умершую мать Джагабат. Однако тогда, около года

назад, дети Мустафы не поднимались на вершину горы. Отец не разрешил им участвовать в церемонии.

Из предыдущего повествования уважаемый читатель знает, что этноконфессиональная группа парсы, представителями которой являются члены семьи покойного Мустафы, по вере – зороастрийцы. Этой же религии придерживаются и таты Лахиджа, в части небольшой группы приверженцев огнепоклонства избежавшей исламизации (в подавляющем большинстве лахиджские таты – мусульмане).

Как и каждая религия, зороастризм содержит в себе множество ритуалов, и наименее подверженным изменениям является *похоронный ритуал*ⁱ. Погребение и переноску трупа должны были осуществлять как минимум два человека, поскольку погребение и переноска трупа в

ⁱ Похоронный ритуал – Захоронение трупов и трупосожжение считается в зороастризме большим грехом. Это связано с основной концепцией религии, а именно – невозможностью осквернения земли и огня, как священного символа зороастризма – огонь считается олицетворением божества на земле. Смерть – символ кратковременной победы зла над добром, а целью погребения является ограничение распространения этого зла. По возможности похороны должны пройти в день смерти человека. Покойника относят в так называемую «Башню молчания», представляющую собой деревянную конструкцию, окруженную высокими стенами, являющимися преградой для проникновения посторонних. «Башню молчания» обычно сооружали вдали от населенных пунктов на высоких холмах. Сверху она открыта небу, чтобы стервятники и вороны могли выклевывать с привязанного трупа мясо. По мнению зороастрийцев, Бог создал этих птиц для того, чтобы помочь душе освободиться от тела. Снизу сооружения находился изолированный колодец, куда попадали обглоданные птицами кости, высвобождая место для нового трупа наверху. Кости собирали в специальные глиняные урны.

одиночку является большим грехом. В этом смысле помощь Наби была очень кстати Фаруху.

В осуществлении ритуала Фарух решился на некоторые условности. «Башней молчания» для Мустафы стала его деревянная повозка, по большинству признаков вполне подходившая для обряда. Надо было только веревками привязать тело к подводе, что Фарух с Наби и сделали, прежде того отпустив настрадавшуюся за последние сутки Айну.

Постояв и поплакав у повозки под звуки молитвы, произносимые Санайей, процессия направилась в поселок. Когда они отошли от повозки на значительное расстояние одна из сестер, громко крикнув, заметила, что на повозку с телом Мустафы спланировала большая темная птица.

По возвращении семья Мустафы, умывшись в доме Беньягу и сдав Айну хозяину, пошла посмотреть на свое пепелище. Несколько пацанят копалось в отчасти еще тлеющих головешках лавки Мустафы пытаясь найти что-нибудь стоящее. Однако все, по-видимому, уже было растащено. Из всей дворовой живности, включая двух коз, нескольких индеек, семейства гусей, двух десятков кур, остались привязанный кем-то к остову сгоревшего туалета мул и потрепанный петух, расхаживающий по почерневшей саманной ограде когда-то наполненного жизнью двора. Отвязав мула, семья перешла обратно во двор Беньягу.

На протяжении трех дней, пока душа Мустафы ожидала Страшного суда, Санайя проводила специальные подсмотренные ею в детстве обряды.

На третий же день Фарух и Санайя, придя к новому старосте поселка Кариму, поделились с ним своими

планами об отъезде в ближайшее время на свою историческую родину в Гуджарат. От лица многих поколений семьи Мустафы, очень любивших эти места и считавших их второй родиной, они сделали благотворительное денежное пожертвование. В зороастризме это считается лучшей, чем сооружение могильного камня, памятью об умершем.

Глава 33. Карим

Карим как и Рамбом владел своим шелковым производством в Геокчае, был грамотным образованным специалистом. Его семья – одна из самых состоятельных в Геокчае – являлась главным организатором различных поселковых празднеств. Общественный колодец в верхней части поселка был построен на средства семьи Карима, о чем свидетельствовала надпись, высеченная на его фронтальной стене. В семье Карима часто гостили люди, приезжавшие в кабриолетах, мужчины в европейской одежде и в офицерской форме. Сам Карим прекрасно владел русским и диковинным для Геокчая английским языком.

Через неделю после визита Фаруха и Санайи Карим созвал джамаат, на котором обсуждались перипетии последнего времени, предстоящий отъезд семейства покойного Мустафы, факты неблагоприятного поведения на пожаре, чужие люди, периодически откуда-то появляющиеся в поселке и ведущие себя неподобающе.

- Мустафа и многие поколения его предков жили в нашем поселке, – начал говорить Карим. – После его трагической гибели, и мы знаем чьим усердием это произошло, мы просто обязаны проводить эту семью достойно.

- Ишак! Ишачий прихвостень! – возмутился, вставая, сильно исхудававший Амирбек.

- Как вы могли выбрать этого ишачьего старосту? – выпалил он, обращаясь уже к джамаату.

- Амирбек! – вспыхнул, в свою очередь, Карим. – Даже Ваш преклонный возраст и годы Вашей никчемной пустой жизни, не дают вам право оскорблять меня. Разве Вы мужчина? Когда надо взять кинжал и исполнить долг, Вы хватаетесь за сердце и зовете бандитов, чтобы они за вас его исполнили.

Амирбек побагровел от злости, приподнялся, однако сразу же сел.

- Не обращайтесь внимание! – помедлив, продолжил Карим, – мы не звери и хватит зверья в нашем поселке. Почему, хочу спросить я вас, какие-то чужие люди пытаются наводить свои порядки в нашем поселке, почему обижают наших братьев армян, евреев? Мы же с детства знаем друг друга!

- А ты знаешь, что эти армяне делают с нами там, в Шуше, Тбилиси? Даже в Баку, представь себе, – заметил кто-то из мужчин, – десятки, сотни зарезанных ими невинных людей.

- Я не защищаю убийц, поймите. Убивают и армян. В Нахичевани, например. И что теперь? В чем виноваты наши Або, Сероп или Сурен? Вы можете представить, чтобы они

замахнулись на кого-то из вас? Хотя, как некоторые уже хорошо знают, если это касается жизни их семей, они смогут наподдать кому угодно.

- Вот ты, Мамед, – обратился Карим к огромному хмурому бородатому мужчине лет двадцати пяти, – ты же с детства дружен с Суреном, бывал не раз у него дома. Почему, когда приехали какие-то ублюдки непонятно откуда и собрались резать его и его семью, ты не стал рядом с ним с оружием, а лишь отговаривал этих мерзавцев?

- Карим, честное слово, я не ожидал, что у них такие намерения. Конечно, я за Сурена встану, если что-то похожее повторится.

Джамаат в большей своей массе был согласен со старостой, тем более все названные армяне здесь присутствовали.

- Хватит нам Ахмедов, которые отправляясь совершать хадж, замышляют убийства людей, и Амирбеков, абсолютно не имеющих уважения к своим же поселянам-землякам. Из-за таких людей поселок лишается своего достойного лица, производств, грамотных специалистов и рабочих мест, – продолжил Карим. – Призываю всех уважать друг друга, разбираться в проблемах цивилизованно, а не грубо или из-под тишка.

- По поводу семьи Мустафы, которая, кстати, несмотря на шабаш и воровство, что некоторые из ваших семейств устроили на пожарище, внесли благотворительное пожертвование на развитие поселка, на ваше развитие... – при этих словах, Карим, подняв вверх два указательных пальца, попытался посмотреть в лицо каждому мужчине, присутствующему на джамаате.

- Предлагаю достойно проводить этих людей. Выкупить их земли по справедливой цене и проводить достойно, – продолжил он. – Знаю, что многие из вас уже попытались выкупить у них землю за бесценок. Не стыдно?

- Тридцать червонцев, – сделал предложение кузнец Бахтияр.

- Так, молодец, Бахтияр, – улыбнулся Карим, – но этого все равно мало.

- Тридцать пять, – предложил Алибей.

- Ага! Немногим больше, чем я слышан, ты ему предлагал раньше, Алибей, – усмехнулся Карим. – Представляете, этот щедрейший предлагал Фаруху пятнадцать николаевских.

Община загудела, обсуждая и переговариваясь.

- Пятьдесят, – продолжил торговлю Бахтияр.

- Семьдесят, и по рукам, – улыбнулся Карим, предлагая Бахтияру последнюю цену. – Семьдесят! Хорошая цена. Кто сейчас согласится, тому земля и достанется.

- Ладно, семьдесят, – предпочел согласиться Бахтияр.

- Молодец, уважаемый Бахтияр! И дело доброе заодно сделал от всех нас этой несчастной семье, – порадовался Карим и продолжил. – Предлагаю повозку с лошастью в подарок от посельчан из поселковых средств. Кто не согласен, поднимите руку.

- Так, согласовано! – подытожил Карим.

- Мою Айну возьмите, она им сподручна. Повозку. тоже могу организовать, – предложил Алибей.

- Сколько хочешь? – спросил Карим.

- Пятнадцать, – буркнул Алибей.

- Поздравляю тебя, Алибей!

- С чем это?

- Твоя покусанная старушка с повозкой, оказывается, стоят тех же денег, что ты предложил Фаруху за всю его землю.

Эта фраза старосты многих здорово рассмешила.

- Пять! Пять, Алибей! Ты с аренды этой лошадки уже семь шкур снял с этой семьи. Да смотри, чтоб повозка качественной была. Я лично проверю.

На этом джамаат закончил свою работу. Проходя мимо Карима, Амирбек оскалится, но эмоции подавили его возможности что-либо сказать.

Через полтора месяца, утром, после того как проводили свой скот на пастбища, многие геокчайцы пришли ко двору Беньягу для прощания с семьей покойного Мустафы. Фарух с помощью Карима и других добрых людей смог договориться с владельцами направляющегося из Дербента в Индию торгового каравана, что он с семьей присоединится к ним в пути. Вокруг и во дворе дома Беньягу собрались все – и мужчины, и женщины, и дети. Кто-то плакал, кто-то просил прощения и старался чем-то помочь.

Всего скарба семьи Мустафы не хватило, чтобы загрузить подогнанную Алибеем повозку с запряженной в нее Айной. Для сидельцев в повозке были предусмотрительно установлены широкие лавочки. Девушки и Фарух уже уселись, Санайя все еще прощалась с неожиданно большим количеством своих подруг. Лошадь, не привыкшая к стольким провожающим, стала медленно и несколько нервозно набирать ход.

Карим пообещал Санайе побеспокоиться о сохранности дома Беньягу до возвращения его хозяев. Однако, к слову сказать, уже через год означенный дом разрушился. Поначалу в нем играли в разбойников поселковые дети, потом и случающаяся иногда непогода внесла свою лепту в разрушение дома.

Через месяц семья покойного Мустафы была встречена многочисленной родней. Им подыскали подходящий дом, в который вскоре вошла молодая невестка. Близняшки, дочери Мустафы, за счет их более светлой кожи считались в Гуджарате писаными красавицами. Сразу же по приезду они попали в среду десятка заинтересованных в близком родстве с ними женщин, матерей потенциальных женихов.

Санайя всю оставшуюся жизнь провела в воспоминаниях о любимом муже. И если бы Вы, уважаемый читатель, могли бы ее спросить, поехала бы она снова, если бы представился такой шанс, с семнадцатилетним Мустафой в далекий от родни и привычного уклада жизни поселок Геокчай, ответ был бы утвердительным.

Глава 34. Самооборона

Через три дня после прибытия в аул Мамраш Беньягу, поблагодарив Хануко за радушный прием, который тот оказал и ему самому, и его дочери, переехал в переданный ему общиной аула дом покойного пастуха Шомоила.

Шомоил, переселившийся сюда из села Карчаг после женитьбы тринадцать лет назад, ни по образованности, ни по каким-то умениям с неба звезд не хватал, был обычным тружеником. Пять лет назад его назначили пастухом, так как Шомоил тяготел к этой профессии. За свои тридцать три года жизни он успел построить один этаж каменного дома из двух комнат, планируя в конечном счете нарастить изолированный второй этаж, о чем говорил заранее пристроенный им лестничный пролет, поднимающийся на уровень второго этажа прямо со двора. Вторым этажом он построить не успел, однако поспособствовал рождению на свет семерых детей, оставшихся теперь без отца. Два старших брата Шомоила, живущих в Карчаге, хотели забрать детей у его вдовы и воспитать их как своих. Однако мать семерых детей, заручившись поддержкой ковхо Исроила, детей не отдала. Община аула поступила гуманно, передав вдове добротный каменный дом погибшего Гюршума, который по воле судьбы потерял за последние годы при разных трагических обстоятельствах всех своих близких родственников. Также вдову обеспечили несложной работой и оказывали ей всяческую помощь.

Вселившись в дом Шомоила, Беньягу и Мозолут наконец-то стали приходить в себя от пережитого и обустраивать быт. Следы бурной жизни бывших домочадцев, детей Шомоила, проявлялись как внутри дома, так и снаружи него. Почти вся оставшаяся немногочисленная мебель была сломана, стены изобиловали нарисованными углями, рисунками-каракулями, везде — во дворе и в доме — были разбросаны поделки, видимо служившие ребятам игрушками.

Пока Беньягу составлял план защиты и обороны жителей аула Мамраш, Мозолут с удовольствием наводила порядок в их новом доме. Страшные события недавних дней замещались грезами девушки по Рамбому. Были ли у нее на такое счастье достаточные основания? Думаю, что нет. Но она каким-то внутренним чутьем, свойственным только женщинам, что-то про это уже понимала. К тому же мозг девушки категорически не желал возвращать генерируемые им мысли к мрачным образам прошлого — хотелось тепла и света.

С каждым днем стараниями Мозолут новое жилище обретало ухоженный вид. Дворик был вычищен и вымыт. На крохотном участке возле дома засеяна зелень, высажены саженцы цветов. Последний день Нисону *27 апреля 1905 года*ⁱ Беньягу и Мозолут проводили за праздничным семейным обедом.

В оговоренный с Исроилом день, через неделю после первой встречи, Беньягу в новых бардовом бешмете, черной

ⁱ 27 апреля 1905 года – соответствует 22 дню месяца нисана 5665 года по еврейскому календарю – прим.

черкеске, штанах и кожаных ичигах, на лошади, способствовавшей его спасению из тюрьмы, появился у избы-управления Исроила. Рядом с ним находился уже постоянно его сопровождающий молодой нукер Симхо на своей трехлетней кобыле.

- Добрый день, Исроил! – заходя в дом и протягивая ему руку, поприветствовал ковхо Беньягу,

Симхо, последовавший за своим свеженазначенным начальством, также тепло поздоровался со старостой.

Исроил пригласил мужчин за стол.

- Ну, что там у вас? – спросил он.

- План обороны аула Мамраш с расположением постов и караулов и расчет необходимого постоянного состава отряда самообороны, - ответил Беньягу.

- Так! Звучит многообещающе. Показывайте, – крайне заинтересованно произнес Исроил.

Беньягу достал, нарисованный им на бумаге план местности и стал пояснять диспозицию.

- Необходимо оборудование двух одиночных стационарных наблюдательных постов в светлое время суток по обе стороны пересекающей аул дороги: со стороны въезда в аул и со стороны нееврейской части аула. Для реализации этой части плана предлагаю установить две наблюдательных вышки на моем участке и участке Ирмиё. Кстати, с участка Ирмиё хорошо просматривается и дом нашего уважаемого ковхо Исроила, – пошутил Беньягу и продолжил, – в ночное время, вместо указанных постов, предлагаю два выдвинутых вперед постоянно меняющих местоположение караульных поста. Далее необходим круглосуточный сторожевой пост у нумаза: для этого вдоль

всей внутренней стороны ее забора предлагаю установить легкие строительные леса. Кстати, отсюда также легко просматривается настоящая изба–управление нашего ковхо Исроила.

- Ладно! Ладно! Хорошо тебе, Беньягу. Может сложиться впечатление, что все это задумано для моей личной защиты, – заметил Исроил. – Но все что ты сейчас предложил, мне нравится. Продолжай.

- Круглосуточный конный дозор вдоль берега реки Чирагчай. Исходя из вышеуказанного в состав отряда должно входить десять человек.

Исроил задумался, что-то просчитывая в голове.

- Это не считая начальника отряда и главнокомандующего, – с серьезным видом продолжил Беньягу.

- Ясно, – проронил Исроил, продолжая слушать.

- Это еще не все. В случае нападения двух-трех бандитов достаточно мобилизовать отряд, включая тех, кто будет в это время отдыхать. В случае нападения банды в количестве четырех человек и больше, необходима мобилизация всего, отвечающего физическим требованиям, населения поселка. Необходимо провести учет всех боеспособных лиц аула. По нашим с Симхо расчетам, мы сможем легко мобилизовать еще сорок мужчин. Итого расширенный отряд самообороны аула Мамраш может составить пятьдесят человек.

- Неплохо, – заметил Исроил. – Пожалуй отряд из десяти человек мы сможем обеспечить. Важно, чтобы ваша служба была эффективной, и аульчане почувствовали разницу. Завтра же, с раннего утра, организуем сход мужского населения для отбора основной и расширенной

частей отряда. Оценим наличие оружия, обмундирования, лошадей. Беньягу, подготовь соответствующие инструкции для членов отряда. Завтра представлю тебя народу, примешь командование. Также предоставьте мне список необходимых материалов для обустройства всех обозначенных постов. Вопросы есть?

- Нет. Вроде все понятно, – ответил Беньягу.

- Дай поручение Симхо предупредить всех мужчин об утреннем сходе. Все. Идите. Худо Кумек!

- Худо Кумек! – повторил Беньягу и вместе с Симхо покинул приемную ковхо.

На следующий день отряд самообороны аула Мамраш под начальством Беньягу был сформирован. Ему было передано все необходимое для выполнения назначенных функций. Для новоиспеченного начальника отряда было открытием, что еврейская община поселка давно готовилась к самообороне и имела целый арсенал оружия и патронов.

Все члены отряда имели собственных лошадей и упряжь, были хорошими наездниками, владели стрелковым и холодным оружием. Было назначено денежное жалование из фонда общины, выданы авансы на закупку новой одежды и обуви, фуража для лошадей.

Затраты были значительными, однако еврейская община аула готова была идти на этот шаг, так как всем надоело ждать и бояться нападений бандитов.

Глава 35. Первая победа

Новый дом Беньягу и Мозолут стоял в начале дороги, пересекающей Мамраш с запада на восток, практически у въезда в аул. Вместо второго этажа, который планировался покойным Шомоилом, Беньягу обустроил здесь вышку – наблюдательный пост в виде крохотной беседки, возвышающейся над первым этажом на шесть метров. Этого было достаточно, чтобы обозревать помимо въезда в аул еще и значительную часть пересекающей село дороги. Также были обустроены все запланированные Беньягу посты самообороны.

Уже через несколько дней польза и своевременность создания отряда самообороны подтвердились. Банда во главе с абреком Нурали, убаюканная безнаказанностью предыдущего успешного для них налета на соседнее село Ханджал-Кала, где напуганная их действиями еврейская община согласилась выплачивать дань, с улюлюканьем ворвались в Мамраш и остановились у знакомой нам деревянной избы.

Сразу же несколько сдвоенных сигнальных выстрелов прозвучало с нескольких постов самообороны. Это означало крайнюю серьезность происходящего и сбор всех сил аула для отпора бандитам.

Нурали с дюжиной своих бандитов, гарцуя на прекрасном сером арабском скакуне, в парадной черкеске и папахе особого кроя, величавый и самодовольный окрикнул находящегося на своем рабочем месте ковхо Исроила:

- Эй, Исроил, выходи! Пора принять решение.

Исроил медлил, ожидая срабатывания плана, предложенного Беньягу.

Прошло около минуты, однако ничего не происходило.

- Исроил, мне долго ждать. Просто поджать хвост и опустить голову в песок сейчас не получится. Выходи. Или ты не мужчина, а девушка, страшаясь своей брачной ночи.

Такое оскорбление Исроил не мог оставить без ответа. Со скрипом открылась деревянная дверь. С ружьем в руках, опоясанный кожаным ремнем, на котором висел внушительных размеров кинжал в дорогих черненых серебряных ножнах Исроил вышел из помещения управления.

- Я здесь Нурали! – громко произнес Исроил, глядя с небольшого крыльца прямо в лицо самодовольному бандиту. – Придержи свой паршивый язык!

- А ты сегодня чрезмерно грозен, – демонстративно обеспокоенно произнес перед своими бандитами Нурали.

Бандиты стали издевательски посмеиваться и свистеть.

В это время с обратной стороны избы с показной неторопливостью подъехал Беньягу. Приблизившись к Исроилу, он подал ему руку и, прикрыв от бандитов корпусом своей лошади, помог безопасно взобраться на привязанного здесь же скакуна.

Это вызвало некоторое удивление у Нурали. Он оценивающе глядел на Беньягу, который развернул свою лошадь в направлении абрека и спокойно наблюдал за ним и его бандитами.

- Кто это еще, Исроил? – спросил он. – Раньше я его не видел здесь.

Исроил ничего не ответил и также встал на своем скакуне напротив банды, чего-то ожидая.

- Исроил, на этот раз я не отступлю и возьму то, что мне полагается, – предупредил абрек, – или ты думаешь, что вдвоем с этим красавцем ты сможешь одолеть моих нукеров?

- Не нукеры они, Нурали! Бандиты! – послышался уверенный голос Беньягу. – И ты бандит. Убийца стариков, женщин и детей.

Мужчина смачно сплюнул в сторону бандитов.

Те, хохотавшие до этого, притихли, ожидая реакции своего хозяина на нанесенное ему оскорбление.

- Ты кто такой? – произнес, взбешенный наглостью неизвестного мужчины, Нурали.

- Я Беньягу, сын нукера Ильзира, из рода настоящих нукеров!

- Еврей нукер, – ухмыльнулся Нурали. – Ну, что же, посмотрим какого цвета у тебя кровь.

Неожиданно для Нурали к двум, стоящим напротив него, всадникам стали присоединяться другие, готовые по всей видимости, дать ему бой.

Это его ужасно рассмешило. Рассмешило и расположившихся возле него полукругом всадников. Все разом перестали смеяться, когда обратили внимание, что за их спинами с обеих сторон дороги стали приближаться всадники, образуя вокруг них кольцо. Бандиты, постоянно оглядываясь и удивляясь количеству неожиданно появившихся вооруженных бойцов, посматривали на Нурали, оценивая, что тот предпримет.

- Я смотрю, вы тут хорошо подготовились, Исроил! – произнес Нурали. – Ну что ж, хвалю! Но, поверь мне, ты

упустил хороший шанс договориться и защитить свой аул от большой крови.

- Хватит болтать, как сладкоголосая потаскушка, Нурали. Прими бой, – произнес Беньягу.

- Ты пожалеешь о своих словах, жидовский нукер, – сквозь зубы произнес Нурали, и, посмотрев на своих несколько растерявшихся бандитов, скомандовал:

- Коридор!

Бандиты организовали подвижный коридор для отступления по правую и левую руку своего хозяина. Нурали резко развернул своего коня и, вынув из ножен саблю, поскакал прямо на сомкнувшиеся в тылу его банды ряды всадников-аульчан.

- Пропустить! – громко скомандовал Беньягу.

Аульчане, приготовившиеся было к атаке на собравшихся вырваться из окружения бандитов, услышав приказ начальника, отвели своих коней, давая всадникам возможность бежать.

Кто-то из аульчан решился улюлюкать вслед беглецам, за ним второй, третий. Вот уже полсотни улюлюкающих аульчан провожали позорно-бегущих прочь бандитов.

Это противостояние, а, главное, победа в нем, вселила радость и уверенность в еврейскую общину аула Мамраш. Если и оставалось до этого случая какое-то количество людей, ропщущих о бесполезности и высокой цене отряда самообороны, то теперь никаких сомнений в его необходимости уже не возникало.

Вечером того же дня, а это был вечер открытия Субботы, в ауле был организован грандиозный праздник. Весь день женщины готовили разнообразные блюда, и

несколько больше чем в обычный предшабатный день. Все явства сносили во двор нубохундэ. Чего только не увидели на расставленных во дворе столах вернувшиеся с вечерней молитвы мужчины. Все евреи аула жестко соблюдали кашрут, поэтому сомнений в соответствующей чистоте посуды, хлеба, продуктов и вина ни у кого не возникало. На праздниках присутствовали и многие из нееврейской части аула, в большинстве своем симпатизирующей своим соседям евреям. Однако, несмотря на обоюдную веротерпимость разных этносов, уважение и даже дружбу, сидели они за разными столами, а посуда, из которой ели неевреи, не приносилась из домов евреев, а хранилась отдельно, специально для таких случаев, в избушке ковхо.

Народ искренне радовался этой локальной победе над бандой Нурали. Возносили хвалебные речи Богу, замечательной идее ковхо Исроила и профессионализму начальника нового, первого отряда самообороны Беньягу бен Ильизира.

На этот раз в празднестве участвовали и молодые музыканты. В тот день в ауле, в доме своего кунака, гостили два брата из семьи карчагских ашугов, Пенуил и Гъомиил. Их попросили остаться на *Шаббат*ⁱ, присоединиться к празднованию и доставить удовольствие жителям аула своим пением и умениями игры на сазе и кяманче. Эти ребята двадцати пяти и девятнадцати лет прекрасно справились со своей задачей. Аульчане были в восторге от

ⁱ Шаббат – седьмой день недели в еврейском календаре, начинающийся с вечера пятницы и завершающийся вечером субботы, с которым связаны определенные религиозные предписания и ограничения.

их игры и пения. Однако, не зная того сами, радуясь и веселясь вместе со всеми в чужом селе, эти парни не могли и предположить, что этот вечер окажется самым печальным в их жизни.

После случившегося в ауле Мамраш, Нурали направил свою банду в село Карчаг, выходцами из которого в разные годы были большинство теперешних мамрашцев. Здесь уязвленные позорным бегством из Мамраша Нурали и его банда несколько остудили свой пыл, зарубив нескольких попавшихся им под руку жителей села – евреев, среди которых были и родители упомянутых мной молодых ашугов Пенуила и Гъомиила. Их звали Рахмил и Лиё.

Это были, уважаемый читатель, мои прапрадед и прапрабабушка. Об их жизни и судьбе нескольких поколений их потомков, Вы узнаете из последующих книг серии.

Глава 36. Асэльтэ

Прошел месяц после бегства банды Нурали из Мамраша. Криминальная ситуация в ауле коренным образом изменилась. Одиночные нападения бандитов продолжались до тех пор, пока они не уяснили, что аул охраняется вооруженным отрядом и не стоит испытывать судьбу, пытаясь на ком-нибудь нажиться ценою собственной жизни.

Новости об успешности мамрашского опыта самообороны дошли до всех ближайших поселений с преобладающим еврейским населением. Сюда приезжали за советом представители еврейских общин из Ханджал-Калы, Карчага, Ашага-Арага, Ньюди, Аглоби, Хош-Мензиля, Джарага и других поселений.

Беньягу был счастлив от того, что занимался настоящим мужским делом, схожим с делом отца и деда. Несмотря на то что работать приходилось много и времени, оставалось только на недолгий сон, его лицо все чаще посещала улыбка. Розыск сына казался делом ближайшего будущего: лишь только найти в семитысячном поселке Лахидж дом Уста-Курбана или посетить дорогого друга Мустафу в родном Геокчае, чтобы тот пояснил, как найти дом мастера. Это были самые счастливые дни в жизни Беньягу после рождения сына четырнадцать лет назад. Дочь тоже пребывала в некотором воодушевлении, будто совершенно оправилась от случившегося с ней потрясения. Однако встречались дочь с отцом не так часто, как им хотелось бы — только тогда, когда последний заезжал

поесть. Он все собирался взять выходной и посидеть с дочерью дома, поговорить, наконец, по душам, устроить семейный праздник. И этот день настал. Это был еврейский праздничный день *Асэльтэ*ⁱ – день Дарения Торы.

В Геокчае семья Беньягу, так же как и семья его отца Ильизира, не была настолько религиозна, как им всегда хотелось. Зная обо всех важных датах еврейского календаря, Беньягу не очень-то соблюдал соответствующие им ритуалы и обычаи, не соблюдал в должной мере и кашрут. Здесь же, в Мамраше, желание вернуться к истокам было настолько сильно, как если бы это было простой ежедневной необходимостью. Ортодоксальность местных евреев в вопросах веры вполне способствовала этому. Радовалась возможности соблюдать еврейские предписания и Мозолут. Еще находясь в доме Хануко, она поняла, насколько это важно для каждой еврейской женщины.

Сегодня зная, что отец взял выходной, Мозолут в соответствии с обычаем решила приготовить молочный завтрак, предписанный этому праздничному дню — сделать отцу *пертешо*ⁱⁱ в карамельном меде и творожные сырники со сметаной.

Когда они сидели вдвоем во дворе, наслаждаясь прекрасным июньским солнечным утром и вкусным завтраком, в ворота постучали.

- Кто там? – крикнул Беньягу, и, на всякий случай, взялся за кинжал.

ⁱ Асэльтэ – горско-еврейское название праздника Шавуот в иудаизме, отмечаемого в честь дарования евреям Торы на горе Синай при Исходе из Египта.

ⁱⁱ Пертешо – молочные треугольные лепешки с рисом.

- Это я! Рамбом! – ответил голос.

Беньягу с удивлением посмотрел на Мозолут. Сердце девушки заколотилось от услышанного имени, и на ее щеках вспыхнул румянец. Это не осталось без внимания отца. Девушка бросилась в дом. Беньягу пошел открывать. За воротами стоял Рамбом, одетый в костюм горца, такой же, как и у хозяина дома, но несколько побогаче. Парень, спешившись с великолепного красавца-коня, будто рвавшегося во двор без разрешения хозяина, держал в руках какой-то ящик с большими круглыми дырами. Одернув скакуна, Рамбом поздоровался:

- Здравствуйте, Беньягу! С праздником Вас, Асэльтэ!

- Спасибо, Рамбом! И тебя с праздником!

Парень несколько замялся. Однако мужчина, правильно поняв это замешательство, принял от него уздцы и движением головы пригласил войти.

Он привязал коня у яслей и пригласил Рамбома позавтракать.

- Проходи, Рамбом! Позавтракай с нами!

- О, какие должно быть вкусные лепешки, – произнес Рамбом, глядя на накрытый стол.

- Да, попробуй, – предложил Беньягу. – Мозолут с утра наколдовала.

Взявшись за чайник, он крикнул:

- Дочка, принеси еще один стакан и тарелку. У нас гости.

Из дома вышла Мозолут в новой косынке, переодевшаяся в другое платье. В руках у нее был стакан армуды с блюдцем, тарелка с ножом и вилкой для Рамбома и нож с вилкой для отца. До этого момента они с отцом ели лепешки руками.

- Здравствуйте! – поздоровалась девушка, умудряясь прикрывать лицо косынкой.

- Здравствуйте, Мозолут! Как Ваше здоровье? – спросил Рамбом, осторожно рассматривая девушку.

- Хорошо! Все хорошо! Спасибо Вам за спасение отца, – произнесла она и собралась уходить в дом.

- Мозолут, я привез Вам подарок, – произнес Рамбом и взялся за ящик, который прежде положил к своим ногам. Открыв крышку ящика, он показал его содержимое заинтересовавшейся подарком девушке. Там находился белоснежный пузатенький щенок кавказской овчарки.

- Надеюсь, Вы его примете, – продолжил Рамбом улыбаясь.

Разливая чай по стаканам, Беньягу внимательно и с интересом наблюдал за Рамбомом и Мозолут. Постепенно для него стало многое проясняться.

Мозолут по-детски кинулась к коробке, радуясь щенку, как какой-нибудь невиданной зверушке. Косынка упала с ее головы. Прекрасные черные волосы окутали ее плечи, лицо засияло улыбкой.

- Как его зовут, – не подымая головы и не глядя на Рамбома спросила девушка.

- Пока никак. Назовете его сами как захотите, – произнес несколько ошеломленный красотой девушки молодой человек.

«Она будто стала еще краше, чем раньше, – думал Рамбом, глядя, как Мозолут с восторгом достает щенка из ящика. – От ожога осталось только небольшое розовое пятнышко на шее».

- Папа, смотри какой хорошенький, – показала она щенка отцу.

- А разве можно держать дома собаку? – спросил Беньягу у Рамбома.

- Дома вроде бы нельзя. Но во дворе можно, если заниматься ею, учить и воспитывать, – ответил Рамбом.

- Я займусь ею, – с почти детским восторгом произнесла Мозолут.

Увидев неодобрительный взгляд отца, девушка осеклась, положила щенка обратно в ящик, и, накинув косынку, не глядя в глаза Рамбому, поблагодарила его:

- Спасибо, хороший подарок. С праздником Асэльтэ Вас!

- И Вас, Мозолут, с праздником! – ответил молодой человек, немного раздосадованный ее уходом.

Девушка вошла в дом.

Рамбом, не глядя в сторону ее отца, понимая, что тот его внимательно изучает, спросил:

- Можно помыть руки?

- Да, конечно! Там мыло и умывальник, – произнес Беньягу, указывая рукой на угол двора.

Рамбом помыл руки под струями из умывальника, воспользовавшись кусочком мыла. Тут же рядом оказалась Мозолут с полотенцем. Вытерев руки полотенцем и вернув его девушке, Рамбом сел за стол. Обеими руками он взялся за молочную лепешку и, обмакнув в сироп, с удовольствием съел ее и отпил чаю.

- Как вкусно! Спасибо, Беньягу! Очень вкусно! – отметил молодой человек. – Появится Мозолут, обязательно ей об этом скажу.

Рамбом с сожалением посмотрел на закрытую дверь дома, за которой исчезла девушка.

На самом деле Мозолут никуда не исчезала, а, прижавши с обратной стороны к двери стакан армуды, а к нему свое ушко, слушала все, о чем говорили мужчины.

- Как там наш Геокчай?

- Все по-прежнему, кроме того, что арестовали Хаджи-Ахмеда, и скоро я засажу убийцу моих родителей надолго.

- Как? Хаджи-Ахмед? У него же, помнится, алиби было.

- Да, было. Но он и не был непосредственным исполнителем убийства. Ими были абреки Черный Кунак и Махмуд. А этот был организатором.

- Вот подлец! – возмутился Беньягу.

- Мой дед Яагу был с самого начала уверен в виновности Хаджи-Ахмеда и уже было подобрался к нему по линии подкупа полицейской стражи. Однако, Вы знаете, был убит какими-то негодьями.

- Да, помню. В конце января, кажется, – припомнил Беньягу. – Еще раз соболезнаю твоей утрате, Рамбом.

- Спасибо! – поблагодарил Рамбом, и неожиданно раскашлялся в платок.

Мужчине стало неудобно перед молодым человеком за причиненный ущерб его здоровью, но прямо извиниться он не решился.

- Как ты? – спросил он, когда кашель отпустил молодого человека.

- Ничего. Жить буду, – ответил Рамбом, отводя взгляд. Молодой человек отпил немного чаю и замешкался.

- А как там мой сосед Мустафа? – поинтересовался Беньягу.

- Кстати, Мустафа с Фарухом как раз и помогли с расследованием.

- Правда? А как? – удивился услышанному Беньягу.

- Они предоставили следователям свидетельства, доказательства и улики по делу. Мустафа и Фарух в день убийства, в мае 1898 года, едва не столкнулись с Черным Кунаком и Махмудом, когда были на соколиной охоте в горах и были свидетелями разговора и последующего убийства Черным Кунаком своего напарника Махмуда. Среди прочего, они предоставили следствию прихваченные из отцовского дома убийцами украшения моей матери.

- Надо же, а мне ничего не рассказал. Не хотел, должно быть, вмешивать мою семью в это дело, – предположил Беньягу. – А кто теперь стал старостой?

- Карим Мирзоев. На мой взгляд, лучшая кандидатура на эту должность. Умный, образованный, прогрессивный. Владелец второго по оборотам шелкового производства в поселке после моего.

- Тебе все вернули? Поздравляю! – искренне поздравил молодого человека Беньягу, пожав ему руку и похлопав по плечу. – Молодец!

- Ну, еще не все права восстановлены. Но это дело времени, – улыбнулся Рамбом. – Мустафа, как я знаю, смотрит за Вашим домом. Вроде бы там все в порядке.

- Я туда не вернусь, – вслух размышлял Беньягу. – Здесь в Мамраше, благодаря тебе, твоему дяде Исроилу и Хануко я обрел новый смысл жизни.

- Да, наслышан о Ваших успехах. Но это исключительно Ваша заслуга, Беньягу, – заметил Рамбом.

Мужчины еще немного поели, напились чаю и, казалось, просто наслаждались прекрасным летним утром.

- Я тоже хочу переехать сюда. В сущности, этот вопрос я для себя уже решил. Надо найти покупателя на мое производство или партнера на его существенную долю. И в этом уже есть кое-какие подвижки, – поделился своими намерениями Рамбом. – Хочется уже пожить в безопасной среде в обществе своих единомышленников, соблюдать предписанное нашим Господом.

- Зрело мыслишь, Рамбом! А чем будешь заниматься здесь?

- Пока не решил окончательно. Может быть приглашу хороших специалистов и займусь выделкой кожи.

Мужчины немного помолчали, после чего Рамбом, глядя на закрытую дверь дома и неохотно вставая, с сожалением произнес:

- Ладно, пойду. Я еще не был у дяди Исроила. Надо бы и его поздравить с праздником!

- Хорошо! – сказал Беньягу и встал, чтобы проводить гостя. – Спасибо за подарок. Похоже, Мозолут он очень понравился.

Уже за воротами, теребя в руках конскую упряжь, Рамбом, стараясь быть тверже, неуверенным голосом спросил:

- Можно я буду приходить к вам в гости?

Беньягу впервые за все утро посмотрел на Рамбома предосудительно.

- Зачем это? Не надо Рамбом, – жестко ответил мужчина, потом несколько мягче добавил, – Мозолут только начала

приходить в себя от того кошмара, который едва не стоил ей жизни.

- Мне она нравится! Я женюсь на ней! – твердо произнес Рамбом!

- Что, возьмешь на себя ее позор? – нахмурился Беньягу.

- Какой еще позор. Она ни в чем не виновата, – настаивал молодой человек.

- Для людей это ее позор. Для твоего дяди это ее позор.

- Как Вы можете говорить так о своей дочери? – возмутился, в свою очередь, Рамбом.

- Я? – произнес Беньягу, грозно глядя молодому человеку прямо в глаза, почти как в то злополучное утро, – Я могу! А сейчас езжай отсюда, и чтобы я тебя здесь больше никогда не видел.

Рамбом взобрался на коня и в сердцах произнес:

- Я не отступлюсь, Беньягу! Так и знай! Какое мне дело до мнения других, когда я люблю ее.

Подстегнув коня так, что тот привстал на дыбы, молодой разгоряченный всадник рванул прочь.

Когда отец вернулся и сел за стол, Мозолут не произнесла ни слова. Она убрала со стола, и, взяв с собой в дом коробку со щенком, весь оставшийся день провела, наблюдая за этим белым голопузым существом, подарком любимого ею человека. Беньягу, планировавший как-то сблизиться с дочерью в этот долгожданный выходной, провел его остаток в раздумьях, а вечером отправился на работу, заменив подчиненного на одном из постов.

Глава 37. Свадьба

В августе этого же 1905 года Рамбом построил дом в центре аула Мамраш, недалеко от нумаза, выкупив ранее участок у одного из почтенных членов общины уехавшего в Эрец-Исраэль со всей семьей.

В сентябре скромный дом Беньягу неожиданно посетили Рамбом и Хануко, который совершенно легко, весело и непринужденно сыграл возложенную на него роль свата. Не было Исроила, но причина была совершенно понятна – он держал траур по погибшему отцу. Неумное желание Рамбома жениться несмотря на то что, с момента гибели деда не прошло и года, и нервное признание дочери в любви к этому молодому человеку не оставляли отцу выбора — он согласился отдать Мозолут замуж.

Через неделю в дом Беньягу нагрянула шумная компания, сопровождающая свой приход пением частушек, танцами, радостным смехом и улюлюканьем. Помимо Рамбома там были Хануко с женой и их мальчиками, жена Исроила с детьми и Симхо с женой. Гости гурьбой нагрянули во двор с красивыми подносами на руках. На подносах несли подарки для невесты — *табахо*ⁱ — женскую одежду, нижнее белье и обувь, ювелирные украшения, печеные сладости и халву. Это мероприятие у горских евреев обычно предшествует свадьбе и называется

ⁱ Табахо – украшенный подарками поднос, который, согласно традиции, сторона жениха приносит невесте за несколько недель до свадьбы. Традиция называется худушпенду.

*худушпенду*ⁱ. В этот день жених имеет возможность, пока новые родственники общаются, отлучиться совсем ненадолго с будущей невестой и поговорить с ней наедине.

Гостей необходимо было достойно принять и, конечно, Мозолут заранее знала о дне прихода гостей и привела в порядок весь дом, побелив его стены. Она приготовила и угощения для гостей. Так как Мозолут была хозяйкой и невестой в одном лице, гости сами распорядились в ее доме, дав возможность молодым пообщаться в беседке, расположенной на крыше.

На *Суккот*ⁱⁱ сыграли свадьбу, где присутствовали почти все жители аула и карчагские родственники жениха.

Лишь одно обстоятельство не позволило Беньягу полностью предаться радости на торжестве его единственной дочери. Посланный им в поселок Геокчай человек для приглашения на торжество его единственного друга Мустафы, вернулся с крайне печальными известиями о его смерти и об отъезде его семьи в Гуджарат. К тому же, приехавший на торжество своего нового партнера по шелковому бизнесу геокчайский староста Карим, сообщил Беньягу подробности смерти Мустафы, рассказанные ему его вдовой Санайей. Он рассказал, что, спасая Рахамима, погибли и его мастер-воспитатель Уста-Курбан, и его супруга.

ⁱ Худушпенду – мероприятие за одну-две недели перед свадьбой, когда сторона жениха приносит невесте подарки (Табахо).

ⁱⁱ Суккот – семидневный праздник, начинающийся в 15-й день осеннего месяца тишрей в память о кущах, в которых жили израильтяне в пустыне после исхода из Египта.

Беньягу чувствовал себя в неоплатном долгу перед Мустафой и его семьей, перед незнакомым ему ремесленником и его супругой. Они всем пожертвовали ради его сына. А что сделал он? Что все эти шесть лет он считал важнее самого близкого для себя человека — сына, первенца? Что сейчас с его Рахамимом, где он? Этими вопросами была забита его голова и в само торжество, и всю первую неделю после него, когда его Мозолут жила уже в доме своего мужа Рамбома. По еврейским обычаям, он, как и любые родственники невесты, если бы они у нее были, могли увидеть свою дочь и родственницу не ранее чем через неделю после свадьбы.

Убедившись, что у молодоженов все хорошо, Беньягу, захватив документы погибшего пастуха Шомоила, направился в Лахидж на поиски сына. Доехав до места и увидев вместо дома Уста-Курбана пепелище, несчастный отец пришел в уныние. Он опросил людей в соседских домах и многих из тех, кто по их мнению мог что-то знать. Никакой информации, кроме слухов о том, что Уста-Курбан и его семья неожиданно для жителей поселка оказались иудеями, и что их уцелевшие дети уехали в Эрец-Исраэль получить не удалось. Несмотря на риск быть задержанным, Беньягу обратился в отделение местной полицейской стражи. Бесполезно. Никаких записей, кроме обнаружения на пожарище трупов хозяев дома и банды Сиражутдина.

Глава 38. Маджалис

Это были страшные дни для двух совершенно юных Рахамима и Динары. При том что их охватило абсолютно неожиданное и страшное горе, оставившее их обоих, как они считали, сиротами и без жилья, приходилось отвечать на многочисленные вопросы дознавателей.

К счастью, прибывший после полицейских пожарный расчет успел локализовать пожар. Хотя сгорели и дом, и мастерская Уста-Курбана, амбар и птичник, спасены были три постройки — два каменных складских помещения под материалы и готовую продукцию и дощатая уборная, расположенная практически у ворот. Огонь не распространился на чужие постройки, так как соседи, обеспокоенные стрельбой и криками, с самого начала пожара принялись спасать свои дома, используя ведра с водой и лопаты с песком и грунтом.

В отличие от Фаруха, хоронившего своего отца несколько экзотическим для этих мест способом, местные таты-огнепоклонники хоронили своих соплеменников на кладбище в каменных герметичных склепах или саркофагах. Этим, как они считали, соблюдалась норма их верования, что тлен не должен касаться ни земли, ни воздуха, ни огня. Соплеменники Уста-Курбана, которые в Лахидже составляли второй по количеству этнос после преобладающего основного — татов-мусульман шиитского толка — надо отдать им должное, сняли с молодых Рахамима и Динары заботы о захоронении их близких. На четвертый день после похорон Рахамим с Динарой привели

с собой на кладбище каменотеса и попросили его выбить на стенке саркофага Малики шестиконечную звезду. Каменотес с успехом выполнил поставленную задачу, но при этом у саркофага треснуло днище. На это немало удивленный каменотес заметил молодым, что, видимо, на то воля Всевышнего и ничего выправлять не надо. Получив достойную оплату, каменотес удалился.

Помимо денег, сгоревших в доме, Уста-Курбан хранил небольшую сумму и в одном из складов в большой чаше для питья воды, что немного помогло молодым погорельцам. Старшая сестра Динары, Фатима, приезжавшая на похороны родителей с новой родней и мужем, с удивлением узнав о страстях, что кипели в ее отцовском доме, и о благословлении, которое дали ее родители, всячески подбадривала молодых. А молодые, несмотря на то что они остались одни, и их сильно тянуло друг к другу общее горе, решили потерпеть до того времени, когда рабби проведет полагающуюся в этом случае службу под *хупой*ⁱ.

Так как никто не гарантировал, что убийцы не нагрянут сюда вновь, Рахамим и Динара решили как можно скорее оставить Лахидж и направиться жить в село Маджалис — столицу Кайтаго-Табасаранского округа Дагестанской области, к родственникам матери Динары. Если поможет Господь, они обоснуются там и заключат брачный союз.

Сгоревший участок, остаток материалов и готовой продукции на складах купил один из приятелей Уста-Курбана, Гусейн, с детства входящий в его семью. Как

ⁱ Хупа – название еврейской свадьбы, обряда бракосочетания и балдахина, под которым происходит обряд.

утверждал сам покупатель, он дает за все честные полцены. Все равно это были невиданные для молодых людей деньжищи. К тому же Гусейн купил им билеты на железнодорожный поезд. Также с Гусейна было взято слово, что никому и ни за какие деньги он не расскажет, куда направились Рахамим и Динара, а если кто-нибудь будет чрезмерно любопытен, пустит слух, что они уехали в Эрец-Исраэль.

В один из теплых августовских дней молодые сели в дилижанс, имея на руках два купленных на этот случай чемодана. Поздним вечером на станции Хачмас они уже садились в вагон пассажирского поезда, идущего по маршруту Баку – Порт-Петровск. Паровоз на всех парах повез их в новую жизнь.

Через пять часов за окном своего купе они увидели сказочно-красивое будто бы пряничное здание вокзала города Дербент, а на следующей остановке, станции Мамед-Кала, сошли с поезда.

Светало. Как и посоветовал им в Лахидже Гусейн, они сели на бричку с русским кучером в форменном картузе. Кучер, очевидно, попытался взвинтить цену, однако Рахамим со свойственной ему невозмутимостью предложил ему дожидаться другого поезда, в котором может быть и найдутся дураки, готовые столько заплатить.

- Мы знаем цену, уважаемый. Рубль. Это хорошая цена. Другая цена нас не устроит, – деловито продолжил Рахамим, – чем вызвал тихий восторг своей юной пассии.

- Ладно! Ладно! Багаж у вас небольшой. Да и вы поди не крупные. Доедем с ветерком! – произнес кучер, и ребята, счастливые, но немного обеспокоенные ожидающей их

неизвестностью, обдуваемые теплым приморским ветерком, поехали в село Маджалис.

Через полтора часа бричка подъехала к уже проснувшемуся селу.

- Вам куда? – спросил кучер.

- К Пинхасу бен Ошир?

- Вы что, евреи? – оглядываясь на молодых пассажиров спросил с удивлением кучер.

- Да, евреи, – почти хором ответила молодежь.

- Так бы и сказали. Тогда вам в слободку, на Тубенаул.

- А далеко это? – забеспокоился Рахамим.

- Нет, рядом, – ответил кучер, повернув бричку направо по грунтовой дороге.

Спросив у остановившейся, и еще издали наблюдавшей за приближающейся бричкой пожилой женщины, где необходимый им дом, кучер направил свою лошадь в указанном направлении. Женщина оставалась на месте как вкопанная, продолжая наблюдать за удаляющейся повозкой. Свернув в переулок, бричка проехала в узком проходе между саманными стенами домов, кустами ежевики — ограждениями местных садов и огородов, вдоль речки и небольшой поливной канавы и вскоре остановилась возле деревянных ворот, ограниченных с одной стороны плетнем, а с другой – стеной, заставленной поленницей дров.

Рахамим слез с брички и помог это сделать Динаре. Они подошли к воротам. Юноша постучал. На стук вышел крепкий мужчина лет тридцати-тридцати пяти и вопросительно посмотрел на юношу с девушкой и выглядывающего из-за их спин любопытствующего кучера.

- *Сабах ишму э хайр бу!* – произнес Рахамим. – *Иму эдейм гешде Пинхас бен Ошир. У инжо зигьисде?*ⁱ

- *Эри, зигьисдебу эвелден. Мьурди*ⁱⁱ. – ответил мужчина.

- Умер? – неожиданно вмешалась в диалог Динара.

- Да. А кто вы?

- Я его внучка.

- Как это, внучка? – улыбнулся мужчина.

Возле ворот стали появляться любопытствующие, среди которых была и пожилая женщина, встреченная молодыми на дороге, заинтересованно выспрашивая окружающих:

- *Кини угьо?*ⁱⁱⁱ

Даже кучер не торопился уезжать, заинтересовавшись разговором своих пассажиров, видимо, с хозяином дома.

«А вдруг, назад придется везти», – резонно размышлял он.

- Я дочь Малики, дочери Пинхаса.

- Малики? – начал что-то припоминать мужчина. –

Проходите, пожалуйста в дом.

- Позвольте, мы возьмем свои вещи? – спросил Рахамим?

- Хорошо, – согласился мужчина и открыл ворота.

- Кучер помог молодым пассажирам снять багаж и сам занес его во двор.

ⁱ Сабах ишму э хайр бу! Иму эдейм гешде Пинхас бен Ошир. У инжо зигьисде? – Добрый вечер! Мы ищем Пинхаса бен Ошир. Он здесь проживает? – перевод с джуури.

ⁱⁱ Эри, зигьисдебу эвелден. Мьурди. – Да, проживал раньше. Умер. – перевод с джуури.

ⁱⁱⁱ Кини угьо? – Кто они? -- перевод с джуури.

- Рахамим достал из кармана заготовленный кредитный билет и передал кучеру.

- Надо бы добавить, – недовольно произнес кучер.

- Договаривались по рублю, – невозмутимо произнес Рахамим и направился к воротам.

Вслед Рахамим услышал «скороговорку» русским матом, но это его ничуть не тронуло.

Предполагаемый хозяин дома посадил приехавших во дворе на лавочку у стола и задал вопрос, обращаясь к девушке.

- Как здоровье Вашей матери?

- Она умерла около месяца назад.

- А сколько ей было лет?

- Тридцать пять.

- Мелке... Это моя сестра Мелке, – произнес мужчина, скрывая блеснувшую у глаза слезу.

- А бабушка жива? – спросила Динара.

- Жива, только болеет сейчас.

Во дворе появилась вышедшая из саманного дома светловолосая женщина лет тридцати и с интересом посмотрела на гостей. Она поздоровалась и, протянув руку, представилась:

- Циля, супруга Манашира.

- Да, я не представился, – заторопился собеседник молодой пары, – меня зовут Манашир. – Получается, девушка, что я Ваш родной дядя.

- Я – Динара. А он, – робко указала девушка на сидевшего рядом юношу, – мой жених Рахамим.

Циля с Манаширом переглянулись.

- Как это жених?

- Мама с папой благословили нас... перед смертью, – заметила Динара и опустила глаза.

- Мы планируем заключить брак. У вас в селе есть рабби?
– вступил в разговор Рахамим.

- Есть и рабби, рабби Юсуф, и нумаз есть, – ответил Манашир.

- Циля, приведи маму, – попросил мужчина.

Женщина ушла в дом, и через пару минут во двор вышла седовласая пожилая женщина в галошах, надетых на *джурабы*ⁱ и в шерстяной стеганой телогрейке, наброшенной поверх бешмета. Женщина шла, сопровождаемая невесткой, держась за прочную ореховую палку. Усевшись на лавочку напротив молодой пары и напрягая остатки зрения, глядя на девушку, она спросила:

- Девочка моя, ты чья дочка?

- Я дочка Малики, – ответила Динара.

- Кого? – переспросила женщина, беспомощно глядя в сторону сына.

- Дочь Мельке, – произнес Манашир.

- А зовут тебя как?

- Динара!

- Динара? – повторила женщина и горько заплакала.

Она плакала, качаясь всем телом, и легко била себя правой ладонью по лицу, пока Циля не обняла ее сзади и не успокоила. Когда пожилая женщина вновь была способна говорить, она произнесла:

ⁱ Джурабы – толстые вязаные носки из шерсти у народов Кавказа, Передней и Средней Азии.

- Мой ребенок, моя Мельке, своей дочке имя мое дала. Имя мое, Динор, дала своему ребенку.

Женщина продолжила плакать.

- Мама, мама, хватит плакать! – пытался успокоить ее и сын.

Резко прекратив плакать, Динор с надеждой спросила свою внучку:

- Живая? Живая мама?

- Умерла.

- Умерла?

Женщина снова заплакала.

- Пинхас! Пинхас! Почему ты не простил свою дочь? Почему отворотил ее от дома, от семьи? Теперь и ты в могиле, и моя Мельке в могиле, только я, старая дура, никак не умру. Зачем? Зачем я живу, Пинхас? – говорила она, рыдая.

Ее успокаивали все. Только Рахамим, не зная как помочь, сидел на месте и молчал. Наконец, выбившись из сил, женщина спросила у внучки, кивая в сторону Рахамима:

- Этот парень кто? Еврей?

- Мой жених, – ответила Динара, и предвидя недоуменный взгляд бабушки, продолжила, – мы просто не успели пожениться из-за смерти моих родителей. Да, он горский еврей.

- Отец твой тоже умер? – спросила бабушка.

- Да? – ответила Динара.

Далее бабушка произнесла длинную речь с пожеланиями покоя в верхних чертогах Господа ее дочке и зятю, затем пожелала молодым счастья, восхваляя Бога за

то, что он объединяет этих двоих молодых для создания новой еврейской семьи.

В течение долгого времени, за чаем, поданным Цилей с вареньем и сахаром, бабушка Динор делилась своими переживаниями и болячками. Сначала она рассказала о любимом муже, обманувшем ее и ушедшем раньше нее в другой мир. Потом о втором, младшем сыне, связавшимся в Петровске с какой-то проституткой и безвинно осужденном на десять лет каторги, после чего жена его сбежала вместе с ее внуком. Говорила она и о полном одиночестве, в котором она находится, когда старший сын Манашир уезжает с невесткой в Дербент, где они проживают.

Выговорившись, бабушка спросила:

- А вы у кого остановились, дети мои?

Молодые переглянулись, и Динара робко произнесла:

- Мы приехали к Вам, бабушка! Навсегда!

- Совсем ума я лишилась, – всплеснула бабушка руками, ничего не соображаю уже, глупая бабка.

- Добро пожаловать, дети мои! – опять расплакавшись, но уже от радости, заголосила бабушка, целуя молодых! – Не зря во сне ко мне приходил мой Пинхас. Улыбался мне, будто заигрывал, как в молодости. Думала: «Все Динор, пора настала, пришел за тобой муженек. Видно и там без меня ему не придется».

Узнав, что молодые, Рахамим и Динор, решили остаться в Маджалисе с бабушкой, Манашир на радостях обещал им ускорить долгожданную хупу и провести обряд сразу после снятия месячного траура. Манашир и Циля Пинхасовы работали в Дербенте учителями в светском

образовательном учреждении — *реальном училище*ⁱ, и частые болезни, а иной раз и капризы бабушки Динор, заставляли их поочередно, а то и вместе срываться в Маджалис, что было не очень хорошо для их карьеры.

Еще до конца своего отпуска, как и планировали Машашир и Циля, а именно 25 августа 1905 года, ими были организованы долгожданные для молодых обряд под хупой и соответствующая регистрации брака в местном нумазе. Обряд проводил известный в годы своего служения в Маджалисе умением сплачивать и укреплять еврейскую общину рабби Юсуф Ашуров. В тот же вечер состоялась и свадьба молодых, Рахамим и Динор.

На свадьбе гулял весь полутысячный Тубенаул – еврейская слободка Маджалиса, многочисленные приглашенные из самого села и других поселений, друзья и родственники, вновь обретенной молодой невестой семьи. Со стороны Рахамима никого не было, но кажется, его это волновало меньше, чем многочисленных любопытствующих, пытавшихся понять, из чьей же он семьи.

ⁱ Реальное училище – общеобразовательное учебное заведение – открыто в городе Дербенте в 1902 году. Выпускники училища могли поступать в университеты.

Глава 39. Революция и репатриация

Прежде чем продолжить, считаю важным напомнить уважаемому читателю о политической и экономической ситуации в Российской империи в период 1905–1907 годов. Это необходимо для понимания исторического, и, что не менее важно, этноисторического контекста повествования как нескольких предыдущих глав, так и ряда последующих.

Эхо первой революции в России, начавшейся 9 января 1905 года с расстрела мирной демонстрации рабочих в Санкт-Петербурге, дошло и до крестьянства, которое составляло 77% населения империи, а в ее южных губерниях и областях еще более существенную его часть. Постоянное снижение размеров земельных наделов из-за демографического прироста населения привело к тому, что общим лозунгом российского крестьянства в революции было требование перераспределения в пользу крестьянских общин частновладельческой земли. Излишки сельскохозяйственной продукции внутри страны привели к снижению цен, а на внешних рынках, куда многие десятилетия Российская империя осуществляла ее экспорт, появились серьезные откровенно занижающие цены американские конкуренты. Крестьянам стало сложно выживать, обрабатывая свои небольшие участки земли. Народ был недоволен и властями, и землевладельцами, и, как несложно догадаться из предыдущих уроков истории, евреями.

Вслед за всероссийским голодом на селе 1899 года революция дала новый толчок к миграции горских евреев в города и крупные поселения с большим уровнем

безопасности и защиты, под крыло представителей власти и полиции.

Нельзя не учитывать и глубоко укоренившееся в традициях и обрядах горских евреев на Кавказе стремление переселиться в Эрец-Исраэль. В эти годы оно реализовалось не в единичную, как ранее, а в реально-ощутимую репатриацию людей большей частью глубоко религиозных. Это происходило несмотря на то, что информация о положении представителей общины, получаемая от немалого количества *посланников*ⁱ и паломников, возвращающихся из Святой земли, была не очень позитивна.

Имели место многочисленные *еврейские погромы*ⁱⁱ.

ⁱ Посланники – направлялись из Эрец-Исраэль в еврейские общины стран Востока и Кавказа для сбора средств многие десятки и сотни лет. Пожертвования предназначались общинам так называемых «Четырех святых земель» – Иерусалима, Хеврона, Тиберии и Цфата. Приезжающие не ограничивали себя сбором пожертвований, но и считали своим долгом наставлять евреев на правильное соблюдение заповедей. Горских евреев всегда отличала щедрость и готовность жертвовать деньги беднякам, проживающим в Эрец-Исраэль.

ⁱⁱ Еврейские погромы – Вслед за погромами весны-лета 1905 года в Мелитополе, Симферополе, Житомире, после опубликования царского манифеста 17 октября 1905 года, даровавшего гражданские свободы на началах неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов, и учредившего Парламент, состоящий из Государственного Совета и Государственной Думы, еврейские погромы еще более участились. Столкновения революционных и патриотических демонстраций с присоединившимися к ним люмпенами перерастали в обычный грабеж еврейского имущества. Жестокие погромы имели место в Одессе (погибло свыше 400 евреев), в Ростове-на-Дону (свыше 150), Екатеринославе (67), Минске (54), Симферополе (свыше 40) и Орше (свыше 100). Также в этот период имели место убийства горских евреев в поселениях на юге Дагестанской области и в Бакинской губернии.

Возросло и количество *политических убийств*ⁱ. Помимо политических убийств и еврейских погромов, в российских губерниях Закавказья, а именно, Елизаветпольской, Эриванской и Бакинской, вспыхивали армянские и тюркские погромы, подогреваемые, набравшими силу, националистическими движениями. Под жестокой рукой погромщиков и с той, и с другой стороны нередко погибали еврейские семьи.

В то же время многие годы не прерывалось и паломничество раввинов, а также и других видных членов горско-еврейской общины на Святую землю, в том числе с благотворительными целями.

Репатриация горских евреев в *Палестину*ⁱⁱ в начале двадцатого века была отчасти подготовлена и появившимися в конце девятнадцатого века в Европе и на

ⁱ Политические убийства – По данным полиции, только с февраля 1905 года по май 1906 года в Российской империи было убито: восемь генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, пять вице-губернаторов и советников губернских правлений, двадцать девять полицеймейстеров, уездных начальников, исправников и жандармских офицеров, одиннадцать генералов и офицеров (строевых), семьдесят девять приставов и их помощников, сто двадцать пять околоточных надзирателей, триста сорок шесть городских, пятьдесят семь урядников, двести пятьдесят семь стражников, пятьдесят пять жандармских нижних чинов, восемнадцать агентов охраны, восемьдесят пять гражданских чинов, двенадцать духовных лиц, пятьдесят два представителя сельских властей, пятьдесят один землевладелец, пятьдесят четыре фабриканта и старших служащих на фабриках, двадцать девять банкиров и крупных торговцев.

ⁱⁱ Палестина – официальное название территории на которые осуществлялась репатриация и паломничество лиц, направляющихся в Эрец-Исраэль, до 1918 года находилась под управлением Османской империи.

Кавказе сионистскими организациями с регулярно-проводимыми ими съездами представителей.

В нашем повествовании мы затронем переселение в Эрец-Исраэль в 1907 году двадцати пяти представителей горско-еврейской общины Дагестанской области Российской империи во главе с выдающимся человеком, рабби Яковом бен Ицхак Ицхаки (рабби Янгиль), который еще в 1868 году в возрасте 22 лет был признан главным *даяном*ⁱ и главным раввином Дагестанской области. Он много ездил, добирался до самых отдаленных еврейских поселений на Кавказе, обучал евреев ивриту и *Галахе*ⁱⁱ и сам изучал местные обычаи, народные сказания и песни.

Как и его отец, рабби Ицхаки, рабби Янгиль искал пути к мирному решению этнических вопросов на Кавказе. От имени «Общества помощи дербентским беднякам» он заходил в дома бедных мусульман, давал им деньги на еду. Рабби также организовал помощь евреям разных стран еврейам Персии, когда им угрожала голодная смерть.

Евреи Кавказа любили его, мусульмане и русские уважали. Он был настоящим государственным человеком, что приводило его даже к разногласиям в собственной семье со старшими сыновьями, так же являющимися раввинами. В 1907 году рабби Янгиль стал членом Комиссии по выборам в Государственную Думу России. Но ни почет, ни

ⁱ Даян – судья в раввинском суде.

ⁱⁱ Галаха – традиционное иудейское право, совокупность законов и установлений иудаизма, регламентирующих религиозную, семейную и общественную жизнь верующих евреев.

благополучная жизнь не удержали его от давнего стремления совершить *алию*¹.

Дважды, в 1876 и 1887 годах, рабби Яангиль совершал паломничества в Эрец-Исраэль, где поддерживал горско-еврейскую общину.

В 1884 году в Иерусалиме, вне стен Старого города, неподалеку от Дамасских ворот, на одном из многочисленных пустырей был заложен краеугольный камень синагоги «Бет-Шмуэль у-Зехария». Вокруг синагоги построили несколько домов, где поселились горские евреи. Со временем это место получило название «Предместье Бет-Шмуэль кавказцев».

Экономическое положение горских евреев в Иерусалиме было весьма тяжелым. Но несмотря на это, а также под влиянием паломников и посланников из Эрец-Исраэль, число горско-еврейских переселенцев в городе росло. В итоге, в начале 1890-х годов здесь проживало уже около семидесяти человек. Однако кризис, который постиг сферы торговли табаком и мареной, привел к обнищанию некоторых состоятельных горских евреев на Кавказе, от чего сократилась и поддержка, которую получали «кавказцы» в Эрец-Исраэль. Бывало, что за неуплату аренды у горских евреев изымали молельные дома, а Свитки Торы передавали до лучших времен в другие синагоги. Были случаи, когда горские евреи умирали от недостатка хлеба. Тем не менее постоянно ухудшающееся экономическое положение в Российской империи, наряду с

¹ Алия – переселение евреев в Эрец-Исраэль. Данное понятие применительно к репатриации евреев в Эрец-Исраэль возникло в эпоху возвращения из вавилонского плена.

новыми сионистскими идеями настраивали горских евреев к переселению в Эрец-Исраэль.

В 1900 году в городе Дербенте было организовано объединение «Бней Цион»ⁱ, поставившее перед собой несколько целей. Им предстояло заниматься изучением Священного писания, Традиции и новой еврейской литературы; говорить между собой на языке иврит; собирать пожертвования для переселения в Эрец-Исраэль. Руководителем объединения был рабби Меир Ицхаки, сын рабби Яангиля. В «Бней Цион» входили около сорока человек.

Для подчеркивания универсальности сионистского движения и привлечения внимания к горско-еврейским общинам Кавказа на Четвертый сионистский конгресс в 1900 году в Лондон были приглашены их представители. Появление двух горских евреев в традиционных костюмах было восторженно встречено большинством присутствующих. Сбор средств в пользу направляющихся на жительство в Эрец-Исраэль усилился. С начала двадцатого века и вплоть до Первой мировой войны осуществлялась алия горских евреев в Эрец-Исраэль. Переселенцы этого периода, в отличие от предыдущих, стремились не просто жить на Святой земле, а заниматься ее обустройством, поиском решения проблемы своего бедственного положения.

ⁱ «Бней Цион» – «Сыновья Сиона» – перевод с иврита.

В начале двадцатого века в результате приобретения *Одесским комитетом*ⁱ земли в городе Яффа в районе Рамлы у немецких колонистов-*тамплиеров*ⁱⁱ, стала возможной реализация планов группы рабби Яангиля и других, готовящихся к репатриации, групп горских евреев о поселении и обустройстве переданных им наделов.

Идеолог еврейского заселения Эрец-Исраэль, один из лидеров Одесского комитета Монахам Усышкин, был весьма заинтересован в том, чтобы горские евреи освоили земли, поскольку видел в них опытных земледельцев, которые относительно легко могли приспособиться к новым условиям. Поэтому он решил, что приблизительно половина из приобретенных 2000 *дунамов*ⁱⁱⁱ земель, а именно 1060 дунамов, должна быть отведена переселенцам с Кавказа. *Остальные земли были проданы уже проживавшим в Эрец-Исраэль представителям диаспоры ашкенази*^{iv}. Итак, в 1907 году на проданных евреям землях

ⁱ Одесский комитет – «Общество вспомоществования евреям земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине», или «Одесское палестинское общество» — легальная организация пропалестинского движения в России. Первое собрание общества состоялось в Одессе в апреле 1890 года.

ⁱⁱ Тамплиеры – духовно-рыцарский орден, основанный на Святой земле в 1119 году небольшой группой рыцарей после Первого крестового похода.

ⁱⁱⁱ Дунам – ед. изм. площади земельных участков в Османской империи и в ранние годы британского мандата (до февраля 1928 года) в Израиле, Иордании, Ливане, Сирии и Турции, равная 919.3 м2.

^{iv} Ашкенази – этноконфессиональная группа евреев, сформировавшаяся в Центральной Европе. Употребление этого названия для данной культурной общности зафиксировано источниками, относящимися к XIV веку.

тамплиеров (место называлось Бир-Салим) появляются поселенцы – горские евреи. Это девять семей, среди которых — рабби Янгиль с женой и двумя младшими сыновьями – Даниэлем (с семьей) и шестнадцатилетним Ицхаком. Горские евреи составляли около трети переселенцев. После того, как переселенцы осели на новом месте, его переименовали в Беер-Яаков, в честь рабби Янгилы и расположенного здесь древнего колодца. Это было первым поселением в Эрец-Исраэль, которое горские евреи считали своим.

Глава 40. Разбой

Ноябрь 1905 года.

Вернувшись домой после безрезультатных поисков сына, Беньягу полностью отдался работе. Эйфория от первых побед над бандитами перешла в напряжение тяжелых ратных буден.

Бандиты, понимая, что, действуя нахрапом в отношении аульчан, ничего не добьешься, стали много жестче и изощреннее в своих вылазках, постоянно меняли тактику. В какой-то момент стало очевидно, что в нееврейской части аула имеются потенциальные предатели, шпионившие в пользу бандитов.

Грабить стали на подступах к аулу, буквально в нескольких верстах прямо на дороге. Разграблению подвергались повозки с перевозимыми продуктами: зерновыми, бобовыми, бахчевыми, овощами, фруктами, виноградом, направляющимися из аула в сторону рынков

Кубы и Дербента. Каким-то образом бандиты владели информацией о времени прибытия повозок с доставляемыми аульчанами домой хозяйственными товарами, рыбой, картофелем, крупами и прочими продуктами. При этом, заставляя снимать с себя всю верхнюю одежду и обувь, бандиты всегда отпускали седоков живыми с условием передачи приветов Исроилу и Беньягу от Нурали. Это было ужасным оскорблением для аульчан.

Беньягу увеличил свой отряд самообороны на четыре бойца сопровождения. Он стал организовывать исключительно совместные выезды повозок с товаром из аула, т.е. обозов. Два дозорных засылались вперед до пяти верст от обоза. Осмотрев дорогу, они возвращались обратно, и далее сопровождали его до безопасного участка пути. То же самое происходило и с прибывающими повозками, которые организовывали коллективный выезд в определенное время, например с Дербентского рынка. Отряд из двух-трех бойцов встречал эти повозки в оговоренное заранее время на определенном участке пути.

В целом же, аульчанам рекомендовалось не выезжать за пределы аула, а продавать и приобретать необходимые продукты и другие товары на внутренней территории. Этой цели способствовал открытый Рамбомом в 1906 году первый в ауле магазин, в котором продавалось практически все, что могло понадобиться людям. При этом все, что продавалось в этом магазине, завозилось продавцами самостоятельно.

Тем не менее, все предусмотренные меры нередко давали сбой. Бандиты по-прежнему грабили аульчан на

дорогах. Они будто заранее были осведомлены об их перемещениях. Появились жертвы среди бойцов отряда самообороны Беньягу. Отряд не всегда поспевал на подмогу, услышав подаваемые бойцами сигналы стрельбою в воздух. А после того, как нападению подверглись возвращающиеся из Геокчая в Мамраш для завершения одной из сделок Рамбом со своими геокчайским партнером Каримом и счетоводом Костасом, организация отряда самообороны подверглась коренному изменению.

Дело обстояло так. Фаэтон с тремя пассажирами и двумя лошадьми в упряжи, с кучером и парой верховых нукеров охраны проехал по мосту через реку Самур и остановился у поста, разделяющего границу между Бакинской губернией и Дагестанской областью — регионами Российской империи. Два господина в европейских костюмах предоставили документы подошедшему к фаэтону полицейскому чину. Третий человек в традиционной черкеске, сидящий в фаэтоне спереди, задом наперед, предъявил документы немного погодя. Полицейский внимательно посмотрел на господ, счетовода, верховых и отдал под козырек.

Фаэтон двинулся дальше. В нескольких верстах от поста на него напали бандиты. Раздались беспорядочные выстрелы. У господ, Карима и Рамбома, в руках оказались пистолеты, у сидящего напротив Костаса — длинный кинжал, «турецкий ятаган». Пуля, очевидно, попала в кучера, так как лошади съехали с дороги и уже мчались по какой-то узкой аллейке между деревьями акаций. В конце концов, кто-то из разбойников схватился за упряжь и легкий фаэтон, наклонившись на бок и едва не перевернувшись,

грохнулся двумя повисшими колесами оземь. Все трое сидевших в фаэтоне мужчин выпрыгнули из него и, оказавшись на поляне, пытались спрятаться за редкие молодые деревца. Так или иначе у всех троих были пистолеты, и они приготoвились к бою. В беспорядочном топоте копыт послышалась команда:

- Не стрелять!

Вокруг Рамбома, Карима и Костаса, беря их в кольцо, не спешиваясь, распределялись всадники. Ни кучера, ни двух своих нукеров мужчины не видели. Неимоверно расшумелись всполошенные цикады. Встав друг к другу спиной, готовые стрелять и драться, трое мужчин смотрели на полтора десятка разбойников, восседающих вокруг них на своих скакунах.

- Не стрелять! – повторил тот же голос.

Разбойники расступились, пропуская своего «Али-Бабу».

- Вы кто такие? – обратился он к троице.

Мужчины напряженно молчали.

Тотчас к главному подскочил один из разбойников, ковырявшийся до этого в фаэтоне, и бросил к его ногам два саквояжа и папку с бумагами.

- Что там? – спросил хозяин у того же разбойника.

Тот вскрыл оба саквояжа и папку, и вытряхнул их содержимое на землю. Из ценного на землю выпало портмоне с пачкой кредитных билетов, мешочек с золотыми николаевками и немного мелочи. Бандиты, очевидно, не разбирали письма, поэтому написанные от руки расписки и прочие бумаги их не заинтересовали. Вот если бы это были типографские казенные бланки, тогда другое дело.

- Не густо, – продолжил главарь бандитов и повторил вопрос, дав знак одному из бандитов спешиться. – Кто вы такие?

Окруженные мужчины молчали. Рамбом закашлялся и спешившийся бандит, выстрелив в воздух, а затем направив ружье в сторону Рамбома, приказал всем троим бросить оружие.

Все оружие было сброшено на землю, и сейчас же подобрано спешившимся бандитом.

- Раздевайтесь! Ну, же! - продолжал командовать он.

Мужчины сняли с себя все до сапог и нижнего белья

- И сапоги, – продолжал командовать бандит.

Сапоги были сняты. Бандит осмотрел одежду одного из мужчин и, найдя в ней какие-то документы, передал вожаку.

- Здесь написано, что вы из Геокчая, и зовут Вас Карим, – обратился вожак, оглядывая мужчину, в одежде которого были обнаружены документы.

Мужчина молчал.

- Отвечать, когда вас спрашивают, – прикрикнул один из всадников и взмахнул плетью над головами раздетых мужчин.

- Да, я – Карим! – резко ответил Карим. – Сын своего достойного отца Анвара из Геокчая. А вы что за банда? Никак земля наша не избавится от вас, шакалов.

Вожак, которому на вид было не более двадцати восьми лет, немногим больше, чем Рамбому, с интересом посмотрел на дерзко говорившего почти голого мужчину, находящегося в окружении полутора дюжины сабель, и расхохотался. Вслед за ним стали хохотать и остальные.

- Это моя земля! Это земля моего народа! Здесь все знают это, и ты должен знать. Моя земля – от самого Дербента до Хачмаса, а совсем скоро будет от Петровска до Баку. Мне лишнего не надо. А свое я обязательно возьму. А зовут меня Нурали! Нурали Курахский! – твердо и громко произнес абрек.

- Нурали! Нурали Курахский! – повторяли, как девиз, бандиты, беспорядочно стреляя в воздух.

- Вы все, проживающие на моей земле, получающие немалые выгоды от нее, должны платить мне за порядок, который я устанавливаю на ней и за свою безопасность. И эти двое тоже, – продолжил Нурали, указывая на Рамбома с Костасом. – Кстати, кто они, Карим?

- Это мой партнер и счетовод.

Нурали внимательно оглядел Рамбома и Костаса.

- Этот, очевидно, еврей, – произнес Нурали, указывая плетью на Рамбома. – Где-то я уже видел такой же дерзкий взгляд. Взгляд зажавшего еврейского богача.

- Он мусульманин. Как и я, геокчаец.

Нурали с недоверием посмотрел на Карима.

- Надо бы к вам заехать, договор подписать.

- Какой еще договор? – возмутился Карим.

- За успех вашего дела! – невозмутимо произнес Нурали, поглаживая старинные ножны своего кинжала. – У меня со многими такие договора. И с русскими тоже.

- Как видите, прошло полчаса, выстрелы были слышны далеко за постом, через который вы проехали, но никаких полицейских на горизонте нет. Так и по всему Прикаспию будет. Обещаю! – продолжил он.

Довольный своим монологом, Нурали посмотрел на третьего мужчину.

- Что за гусь ощипанный? – спросил было Нурали, однако, сразу же потерял к Костасу какой-либо интерес.

Реплику Костаса — «Сам ты гусь?» — Нурали или не слышал, или просто не отреагировал на нее. Абрек приказал оставить этим троим их фаэтон с лошадьми, одежду и сапоги, и, отъезжая вместе со своей бандой, заметил:

- Ждите в гости, Карим!

Одевшись и подобрав своих мертвых, двух нукеров и кучера, все трое мужчин направились в Мамраш.

В ауле Мамраш после передачи погибших их родственникам в помещении управления аула собрали совет самообороны. В него вошли сам ковхо, его счетовод Костас, Рамбом с нукером Наби, переехавшим из Геокчая, Беньягу с его адъютантом Симхо, и рабби мамрашского нумаза Бинсион.

Начал заседание Рамбом, уязвленный перипетиями последнего дня, возросшим количеством жертв среди местных аульчан-нукеров в последнее время. Он признал работу руководителя отряда самообороны в изменившихся условиях, неудовлетворительной.

- Если схема постов и караулов, предложенная Беньягу показала себя с самого начала великолепно, нынешняя система сопровождения никуда не годится. В итоге мы теряем и поклажу, и людей. А главное, не просматривается, каким образом и когда сложившуюся ситуация изменится в лучшую сторону, – выпалил Рамбом.

– Сегодня мне показалось, что те бандиты, что поиздевались над нами, убили и моего деда Ягу. А их

главарь, известный вам абрек Нурали, считает себя хозяином земли. И правда, полицейские сегодня будто прячутся в своих участках и в разбой и нападения на людей предпочитают не встречать. И эту трусость полицейских властей в принципе можно понять – сколько их погибло уже от рук бандитов. Впрочем, понятно и то, что помощи от властей нам ожидать не приходится, продолжил Рамбом.

Все внимательно слушали Рамбома. Он фактически был свежей, постоянно генерирующей новые идеи, силой в ауле, и это уже многие смогли оценить. Перед ними был уже не тот полноватый напуганный парень, что около полутора лет назад сдал своего приятеля под напором Беньягу. Это был мужчина, принимающий решения без оглядки, убежденный в своей правоте. И на этот раз весь совет самообороны превратился в его монолог, итогом которого было его же решение, сформулированное им следующим образом:

- Первое – отряд, сформированный моим тестем Беньягу, расформировать; второе – создать новый отряд, состоящий из трех групп, а именно караульной, группы сопровождения и специальной упреждающей группы — командование новым отрядом временно принимаю на себя; третье – командирами новых групп назначаются: караульной — Беньягу, сопровождения — Наби, специальной — временно возлагаю на себя; четвертое, бюджет первой группы, как прежде, формируется из средств общины, бюджет второй и третьей группы формируется из прибыли моих предприятий. Вопросы есть?

- А что такое эта третья группа? – спросил потрясенный масштабом планируемых мероприятий Исроил.

- Мы должны сами показывать зубы. Не сидеть и ждать, пока на нас нападут. Использовать информацию от лояльных нам людей из мест проживания бандитов, заставить их врасплох там, у них дома. Мы должны наказать лично каждого, кто убьет кого-либо из наших людей, придя к нему прямо домой. Я хочу определить конкретные имена и уничтожить убийц моего деда Яагу. Для руководства этой группой и отрядом в целом, я найму профессионала из числа отставных военных разведчиков. К тому же, я не хочу больше попадать в ситуацию, подобную сегодняшней.

Глава 41. Аника

Что касается тринадцатилетней Мозолут, то, как может судить читатель, она получила все, о чем мечтала: большой дом, в котором она была полновластной хозяйкой; новых родственников, что ее очень радовало; великолепного, подаренного ей будущим мужем преданного и устрашающих размеров пса Батю; а главное — красивого умного и любящего мужа Рамбома, которого она любила всей душой. Все это способствовало благополучному течению ее первой беременности.

Чем же живет Беньягу? Только ли своей работой? Заняты ли его мысли исключительно поисками сына? Предается ли радости только от ожидания рождения внука или внучки?

Два брака не принесли ему облегчения, не привели к семейным счастью и гармонии, поэтому мысли о том, что в

свои тридцать четыре года он мог бы еще вполне удачно жениться, даже не приходили ему в голову. Между тем он вполне мог оценить красоту женщины и возжелать ее в душе и мыслях, не торопя развития отношений.

Через полгода после того, как дочь Беньягу вышла замуж и, покинув отцовское жилище, переехала в свой новый с Рамбомом дом, его мысли стала занимать двадцатипятилетняя замужняя соседка.

Цепкие взгляды Аники, так звали небольшого роста плотную обворожительную пышноволосяную брюнетку, мужчина заметил в первую же их случайную встречу. Она посмотрела на него с открытой доброжелательной улыбкой, от которой у нашего героя затревожились и сердце, и многие, особо подчиненные этому органу участки тела, уже долгое время не испытывавшие женского участия.

По последующему признанию Аники, в момент их первой встречи она сразу же потеряла голову от восхищенного взгляда нового соседа, и заведомо полагала, что это их общение не закончится просто случайными дружескими беседами, и рано или поздно, скорее совсем скоро, они окажутся в объятиях друг друга. В глазах соседа она увидела неведомую ей ранее неумную дикую притягательную мужскую силу.

Беньягу же сам не мог оценить, с каким восторгом он смотрел на эту молодую женщину с пытливыми, казавшимися оливками глазами в их первую встречу. Он предполагал, что сдерживал свои чувства, и в следующий раз сможет пройти мимо нее хладнокровно. Ему так казалось, в то время как всякий раз при встрече он просто

пожирал ее глазами, словно изголодавшийся, готовый к броску хищник.

Кровь Беньягу вскипала от солнечной, поющей, цветущей нежными красками и пряно-пахнущей весны, отогревая его истерзанное тело и сжавшееся в затянувшемся скорбном уединении сердце. Их тянуло друг к другу с первой встречи, и все чаще они, не сговариваясь, встречались, чтобы поболтать у общего между их дворами забора в виде невысокого штакетника из пиленых досок. Слова в этом общении не значили ничего. В эти минуты пространство между Беньягу и Аникой заряжалось энергией, готовой немедленно взорваться и поглотить обоих.

Одно обстоятельство смущало мужчину и не позволяло ему форсировать близость с этой прелестной женщиной. Она была замужем за счетоводом ковхо Исроила, Костасом Павлидисом.

Костасу было около сорок пяти лет, и он на двадцать лет был старше супруги. Женаты они были уже более восьми лет, однако детей у них не было и, по всей видимости, быть не могло. Пока Павлидис работал, обеспечивая семью, Аника возилась по хозяйству. У них был добротный двухэтажный каменный дом, богатое хозяйство, которому необходимы были женские руки.

Беньягу приходил со службы, как правило очень поздно. И вот в один из таких майских вечеров он застал молодую женщину в своей холостяцкой кровати, которая, на этот раз, была выстелена накрахмаленной простыней с двумя покрывающими ее благоухающими подушками и одеялом. Аника ожидала его в шелковом розовом пеньюаре. Увидев

выглядывающее из-под одеяла, улыбающееся, зовущее лицо женщины Беньягу пошатнулся, не веря в свое счастье. К удивлению женщины, он тотчас же выбежал из дома и бросился к умывальнику. Сняв с себя всю одежду, он вылил на себя ведро холодной, набранной еще утром из родника, воды и, обтершись полотенцем, в чем мать родила, ринулся в нежнейший ароматный всепоглощающий омут.

Аника оказалась искусной любовницей. Они вытворяли все, что могут придумать два изголодавшихся по любви человека. Это было таким счастьем, весомость которого Беньягу ранее даже не осознавал.

Горячие свидания случались как в дни длительного отсутствия Костаса по работе, так и в моменты, когда риск оказаться застигнутыми врасплох был велик. Это продолжалось около года, со временем превратившись в приятную, но все более размеренную рутину. Беньягу одаривал Анику небольшими ювелирными украшениями, которые она хранила и одевала только в его доме. Но как известно, если постоянно не соблюдать должную бдительность, все когда-нибудь заканчивается. Закончилась и эта греховная связь.

Проснувшись утром в сладких объятьях Аники, Беньягу увидел в проеме двери своей спальни Костаса с наведенным на него ружьем. Легким движением локтя он разбудил любовницу, которая также увидела мужчину. Если Вы когда-нибудь слышали кудахтанье несущки после того, как из нее изверглось яичко, то приблизительно так, но значительно интенсивнее можно охарактеризовать причитания и взывания к мужу, произносимые на греческом языке пойманной на измене молодой женщины. Она быстро

встала и подбежала к мужу, бросившись к его ногам. Прелестная, греховная, в таком же грешном как и она сама пеньюаре, откуда-то в обилии набежавшими слезами омывала выглаженные ею же утром, но уже изрядно измятые и пропитанные запахами мужа штаны и рубаху. Так продолжалось более минуты, после чего Костас поднял свою жену с колен и, глядя в ее рыдающие глаза, красным воспаленным, но твердым взглядом, произнес:

- *Сто спити, пигайн спити, соу Аника!*¹

Аника, виновато глядя на мужа, а затем не менее виновато на любовникуа, выбежала из соседского дома!

Костас же продолжал смотреть на Беньягу, направив на него ружье. Его лицо и лысина приобрели красный оттенок, а волосы торчали беспорядочными клочьями.

С кажущимся холодным спокойствием Костас произнес:

- Убить что ли тебя, Беньягу?

Беньягу потянулся за штанами. Прогремел выстрел. В штанах образовалась огромная пылающая щель.

- Так я тебя спрашиваю, уважаемый, убить тебя?

- Делай, что решил, – огрызнулся мужчина.

- Откуда тебе знать, что я решил. Я бы мог сейчас пробить твою дурную башку, Беньягу! Отнять у тебя жизнь, как ты отнял ее у Сафара, – продолжил Костас, поднимая голос. – Чем твоя боль больше моей, вонючий ты абрек!

Костас при этих словах взревел, как истерзанный муками зверь, навел ружье на голову любовника своей жены и прицелился. Беньягу опустил глаза, но не

¹ Сто спити, пигайн спити, соу Аника!¹ – Домой, иди домой, Аника!
– перевод с греческого.

отвернулся. Прогремел выстрел. Очередная пуля попала в рамку с фотографией, стоящую на табурете у изголовья Беньягу, и разбила ее. На остатках фото уже невозможно было разглядеть лиц счастливой свадебной пары, Рамбома и Мозолут. Пуля пробила фотографию в самой ее середине.

Взглянув еще раз на лежащего и наблюдающего за его действиями любовника своей жены, Костас сильно ударил стопой по кровати и, сплюнув, медленно вышел.

С этого дня Беньягу и Аника практически не общались, избегая даже случайных встреч.

Через несколько месяцев у них все же состоялся разговор. Аника сказала, что муж ее простил, потому что очень любит ее, что у них в семье все наладилось, и, именно, изменившиеся между ними отношения привели к тому, что она сейчас наконец то беременна.

Впоследствии Беньягу не раз видел счастливую улыбающуюся Анику в компании мужа, но эта хорошо знакомая ему улыбка, в отличие от той, прежней, предназначалась не ему, а ставшему вмиг любимым и родным мужу и уже проявляющему характер, но еще не родившемуся на свет ребенку.

Беньягу, несмотря на испортившиеся отношения с Костасом, не сожалел о том, что в его жизни была такая женщина. Сейчас, глядя на эту счастливую пару, ждущую первенца, он думал о них как несчастных людях, не подозревающих об очевидном, а именно, что это не их ребенок. Всегда контролируя свой последний порыв, пытаясь избежать чужого семейного скандала, мужчина, именно в их с Аникой последнюю ночь провел, как в забытьи, забыв о предосторожности. Аника же всегда

полагалась в этом ответственном деле на любовника, благодаря чему длительное время им удавалось избежать нежелательной в таком случае беременности.

Беньягу не раз представлялось, каким будет его с Аникой ребенок, и некоторые мечты и мысли в отношении этого ребенка щекотали его самолюбие: он планировал незаметно встречаться с ним, делать ему подарки, учить всему, что знает сам.

Но случилось неожиданное и неприятное – неприятное для всех. Видимо Богу не было угодно рождение этого ребенка. На пятом месяце беременности у Аники случился выкидыш.

Глава 42. План сопровождения

Когда нет достоверной информации, то и слухи могут быть поводом для действий.

Узнав в апреле 1907 года от мамрашского рабби Бинсиона о намерении группы глубокоуважаемого рабби Янгиля репатриироваться в Палестину, Беньягу попросил его замолвить за себя словечко. Он предложил бесплатную помощь в сопровождении группы до места назначения в Эрец–Израэль. Через две недели после этой просьбы Беньягу пригласили в Дербент для переговоров.

К недоумению Беньягу с ним говорил по поводу поездки не сам рабби Янгиль, а отставной русский интеллигентного вида офицер в звании подполковника, ожидавший его в своем кабинете в полицейском участке.

- Меня зовут Эмиль Федорович Орликов, – протянул он руку Беньягу, – я заместитель начальника полиции Дербента.

- Сами можете не представляться, – Эмиль Федорович поспешил упредить собеседника от лжи, – будет неправильным, начинать знакомство с обмана.

Беньягу с интересом рассматривал подполковника и гадал, о чем будет речь.

- Я знаю, что Вас зовут Беньягу. Знаю про грамотную организацию самообороны горских евреев в ауле Мамраш. Знаю, что Вы потомственный нукер. Знаю, что в городе у Вас есть сводный брат, с которым Вы никогда не виделись, и знаю, что Вы уже два года ищите подаренного в тяжелые годы другой семье сына. Верно? – продолжал полицейский.

- Верно! Только сына я не дарил, господин подполковник. Временно передал на воспитание.

- Знали бы Вы, Беньягу, сколько в Дербенте таких, как Ваш, «брошенных» ребят. Некоторых из них так и называют «Шендеи»¹.

- А Вы, господин подполковник, может быть что-нибудь знаете о моем сыне?

- Как Вам сказать, рабби Янгиль, через свое уполномоченное лицо, попросил меня помочь Вам в поисках.

- А Вы можете помочь?

- Разумеется, Беньягу, я ведь полицейский. Если ваш сын проживает в Дербенте или в нашем округе, то вполне можно найти.

¹ Шендеи – брошенный – перевод с джуури.

- Пожалуйста, – только и мог произнести взволнованный, – найдите его.

- Но Вы ведь собрались искать его в Палестине, – заметил офицер. – Какие у Вас для этого основания?

- Дом, где проживал мой Рахамим, находился в поселке Лахидж Бакинской губернии. Его хотели убить нанятые бандиты из-за меня, понимаете? Нашли, где он проживает, убили хозяев и подожгли их дом. Однако бандиты получили отпор от хозяина дома и моих друзей, все были убиты. Остались в живых мой сын и младшая дочь хозяина дома. По словам соседей, сбежавшие дети, опасаясь очередной банды убийц, которые вернутся за ними, уехали в Эрец-Исраэль.

- А сколько лет Вашему сыну?

- Тогда было четырнадцать лет, сейчас должно быть шестнадцать.

- А девушке?

- По словам соседей, она на год-полтора младше Рахамима, а зовут ее Динара. А отца ее звали Уста-Курбан.

- А Вы не думали, Беньягу, что эти дети, как Вы их называете, все придумали про Святую землю, чтобы запутать убийц?

- Возможно, но другой информации у меня нет.

- А деньги у них были?

- Со слов соседей, им удалось кое-что продать.

- Ладно, Беньягу, я помогу Вам. Во всяком случае, если Ваш сын остановился где-то у нас, в Дербенте или в нашем округе.

Далее подполковник пригласил мужчину подойти к карте, разложенной на соседнем столе.

- С картами умеете работать?

- Да. Отец еще обучал. С Мустафой часто работали с картами. Это друг мой. Он погиб, защищая моего сына в доме Уста-Курбана.

Мужчины подошли к карте.

- Вернемся к той теме, из-за которой мы сегодня встречаемся. Итак, группа из двадцати пяти гражданских человек, девяти семей горских-евреев во главе с уважаемым рабби Яангилом, его двумя сыновьями, *Даниэлем и Ицхаком*¹, репатрируется в Палестину. То есть, для многих интересующихся очевидно, что практически все нажитое ими имущество следует с ними. Ведь для того, чтобы начать жизнь на новом месте, необходимо приобрести надел земли и построить на нем жилье. А это требует немалых вложений, – пояснял диспозицию Эмиль Федорович.

- Как если бы на то была Ваша воля, Вы решили бы задачу перемещения группы от Дербента до Рамлы? – задал подполковник прямой вопрос. – Не стесняйтесь, говорите прямо. Называйте меня запросто Эмиль Федорович.

Беньягу чуть нахмутив в раздумьях брови, неожиданно для собеседника выдал ему совершенно благоразумный и в то же время дерзкий план, заставив его поверить в способности туземного нукера и вместе с тем глубоко уверовать в большое значение наследственной преемственности в любом деле.

- Я бы, уважаемый Эмиль Федорович, прежде чем отправляться в такой небезопасный путь, дезинформировал

¹ Два других сына рабби Меир бен Яков и рабби Нафтали бен Яков остались в Дербенте – прим.

бы общество о составе, количестве, месте и дате отъезда группы, ведь репатрирующимися наверняка интересуются не только те, кому следует об этом что-то знать, но и бандиты, – начал Беньягу.

- Так, так. Дальше, – приободрил нукера собеседник.

- Попытался бы распространить слух, что группа отправляется на поезде до Баку, далее до Тифлиса и Поты. А выехали бы неожиданно под утро на повозках сухопутным путем. Это позволит пару дней передвигаться без опасения подготовленной атаки.

- А не проще было бы все же на поезде? В нем все же есть своя государственная служба охраны.

- Думаю, что нет, – ответил Беньягу. Что будете делать, если на железнодорожных путях, где-нибудь между двух склонов, неожиданно образуется какая-нибудь непреодолимая преграда?

Подполковник молчал, продолжая внимательно и с изумлением слушать этого темного, на первый взгляд, но глубоко знающего свое дело самоучку.

- А сколько раз поезд будет останавливаться на небольших захолустных станциях? А сколько придется пересаживаться с поезда на поезд, отдыхая, как водится, в местных гостевых домах?

- Что поездом нельзя ехать, я был уверен. Да и дороговато слишком и без дополнительных вагонов не обошлось бы, – вставил свою ремарку подполковник, – но Вы, Беньягу, вселили в меня дополнительную уверенность в этом.

- Хочу, также, Вам заметить – желаемой конспирации в этом деле не будет, – продолжил полицейский чин, –

слишком уж значительна для государства фигура нашего рабби, и многие люди будут присутствовать при его отъезде. Исходя из его заслуг перед Российской империей, мне лично поручено доставить его группу репатриантов до одного из портов черноморского побережья. Далее маршрут выглядит относительно безопасным – морским судном через порты Босфор и Дарданеллы с оплатой необходимых пошлин, выход в Средиземное море и причаливание в порту Яффы.

- Ясно, – произнес Беньягу, ожидая еще каких-нибудь сведений о предстоящей поездке.

- А каким маршрутом Вы направили бы группу? – продолжил дознаваться подполковник.

- То, что Вы будете сопровождать группу до черноморского побережья, избавит нас от предвзятого общения с представителями властей. Это половина успеха дела, если не больше, – впервые улыбнулся Беньягу и обратился к карте, правой ладонью указывая предполагаемый маршрут. – По какому бы маршруту мы не направились, я бы не исключал возможные столкновения между нашим обозом и бандами наиболее одиозных абреков Чечни, Ингушетии и южного Дагестана. Я предложил бы веками проверенный южный маршрут, по транскавказской ветви Великого шелкового пути: через Шемаху, Габалу, Щеки, Лагодехи, Мцхета, Гори, Самтредиа, и тут уже Поты и Батум.

- Наши поплывут через Батум, – заметил Эмиль Федорович. – Ориентировочно двадцать повозок.

- Двадцать повозок. Около 1100 верст по пересеченной горной местности, – сделал замеры курвиметром, предложенным подполковником, Беньягу. – Если выедем

под утро, учитывая, что здесь и жены, и дети, делая по 250 верст в сутки, к вечеру пятого дня будем в Батум. Остановки на ночлег исключительно в крупных городах. То есть судно в Батум должно отходить на шестое утро после отъезда обоза из Дербента.

- А людей в сопровождении сколько планируете?

- А с Вами сколько будет?

- Я, мой помощник и караульный? – ответил подполковник.

- Маловато. А кроме меня они еще привлекают кого-нибудь из нукеров.

- Нукеров — нет, но будет несколько, может быть пять человек, из сопровождающих до Батума родственников на своих лошадях. Однако они, очевидно, не вояки. Итого восемь, – ответил подполковник.

- Ну и со мной будет трое.

- Итого двенадцать. Достаточно, я думаю, – предположил Эмиль Федорович.

- Достаточно? От банды абрека Нурали, который наиболее опасен для нас при вероятном набеге меньше двадцати сабель не ждите. Двенадцатью сопровождающими, половина которых не вояки, как Вы сказали, мы просто провалим дело и погубим людей, – убедительно произнес Беньягу.

- И сколько же нужно людей, по-Вашему?

- Не людей, уважаемый господин подполковник, а вооружения.

Подполковник с недоумением посмотрел на зарвавшегося, как ему казалось, собеседника.

- Пулемет, – сделав небольшую паузу, произнес Беньягу,
– пулемет «Максим»!

- Пулемет?

- Вот именно, пулемет.

- Но у полиции нет пулеметов, – пытаюсь трезво размышлять, заметил Эмиль Федорович.

- Они есть у военных, – произнес Беньягу, глядя в глаза подполковнику. – Прошу Вас договориться с военными. Это очень важно. На последней повозке должен ехать «Максим», – убедительно заявил потомственный нукер.

Подполковник задумался, но последовавшая после этого улыбка говорила о том, что идея ему понравилась.

- Пожалуй, действительно это неплохой ход, – признал подполковник, – и, думаю, я смогу договориться о кратковременном пользовании. Надеюсь, мои связи пока еще позволяют это сделать.

Далее мужчины обсудили еще кое-какие тактические моменты поездки. После чего Эмиль Федорович спросил:

- А если в течение ближайших дней я найду Вам сына, Вы поедете в сопровождении?

- Конечно, Эмиль Федорович, поеду. Но из Батума я вернусь вместе с Вами.

- Скажите, Беньягу, а вы не хотели бы встретиться с братом, – внезапно предложил Эмиль Федорович, улыбаясь и потирая руки, – душевная могла бы быть встреча.

- Нет, господин подполковник! Извините, если что. Но нет, не хочу, – твердо ответил, Беньягу.

- Ну, тогда до встречи, – произнес полицейский чин, провожая мужчину до двери кабинета.

Глава 43. Обоз

Прошло около десяти дней, когда конный курьер от Эмиля Федоровича сообщил Беньягу о дате и времени отправления обоза. Сбор был назначен у молельного дома на улице 2-я Комендантскаяⁱ. В начале XX века в Дербенте было семь нумазов и молельных домов, однако именно этот, называемый *Мидраш Ильягу*ⁱⁱ негласно являлся центром религиозной жизни города.

Пара десятков запряженных повозок с поклажей, дюжина фаэтонов и бричек ожидали команды об отъезде, расположившись в направлении крепости. Были здесь и собравшиеся в несколько кругов общения вооруженные мужчины в черкесках и несколько молодых русских солдат-артиллеристов, по-видимому, привезших сюда уложенный в специальной повозке пулемет «Максим», прилагающийся к нему арсенал и еще несколько единиц оружия.

Горско-еврейская диаспора уже несколько дней провожала своего мудрейшего рабби. Оставляя в последний раз Дербент, рабби Яаков назначил на должность раввина своего второго сына Меира, но остался главным почитаемым здесь служителем и ревнителем Бога. Об этом говорило большое количество провожающих его раввинов,

ⁱ улица 2-я Комендантская – ныне улица Тоги-Заде .

ⁱⁱ Мидраш Ильягу - молельный дом, открытый в 1850 году в память о рабби Ильягу умершем за два года до этого. Известно, что рабби Ильягу (Илогью Бен Мушоил) обладал обширными знаниями, с 1835 по 1845 годы был главным раввином Дербента. Благодаря его деятельности Дербент стал религиозной столицей горских евреев.

в том числе ашкенази с разных уголков Российской империи.

К отбытию группы пришлось срочно снаряжать еще несколько повозок, так как от провожающих поступило множество всевозможных подарков — от ковров до ювелирных ценностей из золота, серебра и драгоценных камней.

Несколько дней община молилась во славу Господа и тому, чтобы путь отъезжающих на Святую землю был светлым и легким, чтобы Эрец-Исраэль благодушно приняла малую часть своих праведных сынов и дочерей, отрезавших свое прошлое во имя новой жизни на новом месте жительства.

В это время, несмотря на бесчисленные уговоры и слезы дочери, Беньягу попрощался со всеми близкими и направился в Дербент. Все домочадцы безусловно понимали, что он не отступится в поисках своего сына, где бы его не носила земля. С безопасностью в ауле царило временное затишье, поэтому Рамбом не возражал, чтобы тесть немного развеялся, побывав на Святой земле.

И вот Беньягу со своим помощником Симхо и двумя недавно переселившимися в Мамраш ребятами, братьями из Карчага, прискакали в Дербент в середине дня предыдущего выезда. Каким-то образом необходимо было законспирировать отъезд группы. Но куда там. Весь город был взбудоражен предстоящим отъездом. Была скуплена большая часть продуктового рынка: все бычки, овцы и птица, пригодные для приготовления кошерных блюд, вина и даже коньяк. Волны торжествующих возгласов раздавались в разных концах города до самого отъезда.

Настал час прощания.

- По коням! – скомандовал гордо восседающий в походном кителе и форменной фуражке на сером скакуне подполковник. Сапоги его блестели, так же, как и орден офицерского георгиевского креста на груди.

Торжество стало перемежаться с женским плачем. Толпы любопытствующих горожан подпирали охранявших обоз нукеров и полицейских сверху и снизу по 2-й Комендантской улице, будто по иронии называемой горскими евреями «Келе-куче»ⁱ. Процессия тронулась. Вместе с провожающими и любопытствующими она растянулась на несколько километров до самого еврейского кладбища, далее процессия стала постепенно редеть. Как было оговорено заранее, обоз совершил первую остановку у поворота, ведущего в табасаранское село Хучни в десяти километрах южнее города для переклички.

Начало светать. После проведенной переклички, управляющий движением обоза подполковник Эмиль Федорович Орликов пригласил всех возниц, кучеров, нукеров, полицейских и провожающих всадников для разъяснений правил движения в пути: о необходимости строгой последовательности перемещения, о расстояниях между экипажами и повозками, о санитарных остановках, о сигналах и знаках при передвижении, функциях передовых и замыкающих обоз дозорных, об очередности при дежурстве.

Около пяти часов утра обоз двинулся в путь. Дабы не останавливать обоз лишний раз, дозорные информировали

ⁱ «Келе-куче» – Большая улица – перевод с джуури.

подполковника о возможных задержках впереди, связанных с предполагаемым досмотром его полицейскими, либо иными людьми, считающими это для себя допустимым. Все вопросы в этих случаях решались еще до того, как обоз подъезжал к месту возможного досмотра.

Беньягу и Эмиль Федорович не раз сближались в своем передвижении и переговаривались. Говорили они и по поводу деталей порученного им дела, и просто по душам. Во время одного из таких разговоров подполковник сообщил Беньягу, что ему удалось получить кое-какую информацию по поводу нахождения, вернее, отсутствия его сына в Дагестанской области.

- По Кайтаго-Табасаранскому округу, куда формально входит и Дербентское градоначальство, полной ответственной информации получить не удалось, – сообщил подполковник. – Известно только, что в самом Дербенте ваших ребят нет. Впрочем есть точная информация по другим трем из девяти округов области, Аварскому, Даргинскому и самом большому, Темир-Хан-Шуринскому. Дело в том, что и там они не проживают. То есть, можете быть уверены, что на трети территории Дагестанской области Вашего сына нет.

Подполковник попытался разглядеть лицо Беньягу, чтобы понять, как на него подействовала полученная информация, пока не услышал ответ в его реплике.

- Спасибо, Эмиль Федорович! Значит, мне осталось проверить всего лишь половину дагестанских поселений, – грустно произнес он. – Но я все же надеюсь, что еду в правильном направлении. И встречу моего мальчика на Святой земле.

- Худо Кумек! – произнес подполковник на джуури.

- И Вам Худо Кумек, Эмиль Федорович! – ответил тем же пожеланием Беньягу.

К десяти часам утра обоз уже пересек границу Бакинской губернии и был остановлен на дороге у Еврейской слободы религиозными лидерами местной горско-еврейской общины. Те предложили проехать в слободу и позавтракать перед дальнейшей дорогой. Однако, учитывая то обстоятельство, что обоз был только в начале своего длинного пути, встреча ограничилась совместными молитвами и передачей местными соплеменниками, *гъубегьо¹*, заготовленных специально для обоза кошерных продуктов. Также рабби Яангилю были вручены пожертвования, как его группе, так и для передачи двум ранее репатриировавшимся на Святую землю группам из местной общины.

Глава 44. Банда Нурали

После того, как обоз выехал из Еврейской слободы, в пятнадцати верстах от нее, дорогу перекрыли около двух десятков вооруженных всадников. Дозорные сообщили об этом подполковнику, который выехал навстречу со своим помощником и несколькими конными из числа провожающих мужчин. Обоз продолжал движение и через

¹ Гъубегьо – диаспора горских евреев уроженцев Еврейской слободы города Кубы и отчасти севера Бакинской губернии (современного Азербайджана).

десять минут остановился на расстоянии ста пятидесяти саженной от переговорщиков. Распознав в перекрывшей дорогу банде знакомое лицо, Беньягу, наблюдавший издали за переговорщиками, позвал своих бойцов, Симхо, братьев Пенуила и Гьомиила, и скомандовал:

- Срочно перегнать вперед повозку с оружием и пулеметом и развернуть ее для стрельбы по бандитам. Прошу наличие пулемета пока не выдавать. Пенуил – ты за станок, Гьомиил – помогаешь ему с пулеметной лентой. Стрелять в воздух, если я подниму правую руку; по бандитам, если левую. Еще раз подниму – стрельбу прекратить. Симхо, предупреди всех мужчин, чтобы готовили свое оружие к бою и прятались за повозки. У кого из мужчин огнестрельное оружие отсутствует, пусть возьмут его из повозки с пулеметом.

Нукеры Беньягу бросились выполнять поручение. К тому времени, когда они его выполнили, вернулись переговорщики. Эмиль Федорович спешился и предложил сделать то же самое Беньягу. Затем отозвал его в сторону настолько, чтобы их разговор никто не услышал.

- Это банда Нурали. По моим подсчетом двадцать два бандита, – встревоженно объявил он. – Говорит, что он на этой земле хозяин. Все знает о нашем обозе. Знает, что в составе едут состоятельные евреи с большими деньгами для выкупа земли в Палестине. Что они уезжают навсегда, забрав с собой все свое имущество. Он требует пятую часть всех ценностей, что имеются в обозе, за защиту до самого Батума. Или 2000 червонцев за проезд.

- И что Вы думаете на этот счет? – спокойно спросил Беньягу.

- Думаю пока. Вот с Вами советуюсь.

- Что тут думать, надо принимать бой!

- Вы понимаете масштаб человека, которого мы сопровождаем, – возмутился подполковник. – При этом, я ответственен за его жизнь, да и жизнь всех этих людей.

Подполковник бросил взгляд в сторону обоза.

- Эта тварь, Нурали, сказал, что будет резать каждого из этих, по его словам, зажавшихся за счет других, евреев столько, сколько понадобится, пока ему не отдадут все. – продолжил подполковник. – И никто не придет на помощь, так как он, мол, здесь хозяин. И полиция тоже у него, якобы, на крючке.

- Эмиль Федорович, а ведь мы это обсуждали, – с непониманием в голосе произнес Беньягу.

- Нет, я попробую торговаться.

- Отставить! – неожиданно раздраженно отреагировал Беньягу. – Отставить, подполковник!

Он властно и прямо в упор посмотрел в глаза подполковника. Тот несколько растерялся от напора туземного нукера.

«Еще подумает, что я, отставной боевой офицер, струсил», – подумал он.

- Что предлагаете Вы, Беньягу? – грубо произнес он, делая акцент на отсутствие какого-либо звания у нукера, позволившего себе такой тон в его адрес.

- Поручите операцию мне, подполковник, и ни одна душа не погибнет.

- Что происходит, Эмиль Федорович? – спросил, подошедший к мужчинам, рабби Янгиль в традиционном одеянии горца, лихо закидывая ружье за плечо.

Подполковник с нукером переглянулись.

«Выглядит не хуже какого-нибудь славного нукера, – подумал Беньягу, – если не знать, кто этот достойный человек на самом деле».

- Там банда Нурали, – начал было подполковник.

- Но мы с ними справимся, – добавил Беньягу.

- И чего они хотят от нас? – спросил рабби.

- Убить нас хотят! – опередил подполковника Беньягу.

- Как это? Убить, – вопросительно глядя то на одного, то на другого мужчину, произнес растерявшийся рабби.

- Все будет хорошо, уважаемый рабби, обещаю. Я знаю этого Нурали. Никто не пострадает, поверьте. Только, уважаемый рабби, позвольте мне дальше вести переговоры.

Рабби вопросительно посмотрел на подполковника. Тот сухо произнес:

- Пусть попробует. А вы, уважаемый рабби, пересядьте в мою бричку, там имеются бронированные элементы. И прилягте на всякий случай по всей длине сидения, пока мы не закончим с этим.

Рабби Яангиль, выслушав своих охранителей, двинулся в середину обоза, где его заждались обеспокоенные коллеги и главы семейств.

- Подполковник, сколько у нас времени? – спросил Беньягу.

Эмиль Федорович вынул из кармашка галифе серебряный кружок на цепочке, нажав на боковую заводную кнопку, открыл крышку часов и посмотрел на циферблат.

- Еще пятнадцать минут.

- Прошу Вас, подполковник, дать поручение своим людям обойти весь обоз, успокоить женщин и детей, сказать им, что скоро мы продолжим путь, и предупредить их, чтобы на всякий случай укрылись за повозками. Мужчин же, между прочим, предупредите, чтобы были готовы, если это понадобится, вступить в бой.

- Хорошо! А мне что делать прикажете?

- А за Вами руководство операцией, если что пойдет не так с моим планом, – произнес Беньягу, и, протягивая подполковнику ладонь для рукопожатия, улыбаясь, добавил, – Мы победим этих шакалов! Будьте уверены! Мы же с Вами все правильно посчитали.

Подполковник пожал протянутую нукером руку и направился раздавать поручения. Беньягу же подошел к стоящей впереди обоза, развернувшейся в обратную сторону повозке.

- Ребята, вы готовы!

- Да, готовы! – ответили братья.

Пенуил крепко держался за рукоятки на затыльнике пулемета. Гьомиил развернул патронные ленты.

- Все помните, что надо делать? Или повторить?

- Все четко поняли! – пошутил Гьомиил, произнеся фразу на русском языке, где ему, очевидно, нравилось слово «четко».

- Отлично! Симхо, ты здесь? – окрикнул Беньягу своего адъютанта.

- Здесь, – ответил Симхо, выглядывая из-за морды лошади, запряженной в повозку, где улеглись, приготовившиеся стрелять из пулемета братья.

Беньягу подвел к Симхо своего коня и приладил под ремнями седла свое ружье.

- Держи его за уздцы. Как свистну, отпускай. Понял?

- Понял, Беньягу! – ответил Симхо, принимая коня, после чего спрятался между его крупом и мордой лошади, запряженной в повернутую повозку с пулеметчиками.

Было около двух часов прекрасного летнего дня. Дорога уже значительно прогрелась и пылила.

«Подумать только, еще двенадцать часов назад все эти люди были в безопасности и не думали, что такое возможно уже в первый день их поездки, – думал Беньягу, – я обязательно спасу их, я не имею право разрушить их надежды».

Посчитав, что время вышло, он в своей любимой походной черкеске, подпоясанный кожаным ремнем со знавшим виды кинжалом прошел тридцать шагов вперед по пылящей дороге и остановился, давая понять бандитам о готовности к переговорам. Заметив это, бандиты, окружив веером своего вожака, стали медленно приближаться к обозу и стоящему впереди него человеку.

Когда до Беньягу оставалось около двадцати саженей, банда во главе с Нурали остановилась. Нурали демонстративно всматриваясь в стоящего на земле мужчину, произнес:

- Никак это наш старый приятель, Беньягу! Помню, помню, как ты меня тогда перехитрил, подлец. Видишь, хотя и прошло два года, я ничего не забыл, и долги придется отдавать.

В тот же момент прозвучал выстрел. Пуля попала в землю у самых ног Беньягу. Однако он не шелохнулся.

Расставив ноги и глядя в лицо врагу, он ждал, пока Нурали не выговорится.

- Ты что, не боишься смерти?

- Только дурак ничего не боится, Нурали, и мне ли тебе об этом говорить.

Прозвучало еще пару выстрелов. Одна из пуль сбила папаху с головы Беньягу. После чего Нурали поднял руку, давая этим команду, без его приказа не стрелять.

Из первой повозки выпрыгнул Гьомиил и, подбежав к Беньягу, поднял сбитую папаху, отдал ее владельцу и убежал обратно.

- Спасибо, Гьомиил! – произнес тот, и водрузил сбитую папаху обратно себе на голову.

- Я стою перед тобой, шайтан, чтобы предложить тебе идти подобру-поздорову отсюда и больше мне не попадаться, – громко произнес Беньягу.

Бандиты рассмеялись.

- Как ты смеешь, еврейский ублюдок, дерзить мне. Что ты можешь с этой дюжиной калек против моих *аждаха*¹.

- Ты не учел, Нурали, что здесь каждый мужчина — горец, и, защищая свою семью, каждый из них будет ничуть не слабее твоих, так любящих червонцы, бандитов.

- Хватит болтать, – с нетерпением вскрикнул Нурали и сам решил застрелить наглеца, вскинув ружье и направив его на нукера.

- Подожди, Нурали. Есть еще один сюрприз для тебя, может ты тогда одумаешься и уступишь дорогу, – сказав

¹ Аждаха – змей или дракон в мифологии иранских, тюркоязычных и южнославянских народов.

это, Беньягу поднял правую руку.

В то же мгновение с обоза, стоящего в десяти саженьях позади него, было скинуто покрывало, и пули из внезапно заявившего о себе красавца-пулемета «Максим» посыпались на бандитов, как из ведра. От неожиданности и неготовности к такому развитию событий бандиты замешкались.

А конь Нурали, получив несколько пуль, упал на передние колени, едва не сбросив всадника, которого успели прикрыть, и тот, взобравшись на другую лошадь, поспешил отступить со всеми остатками банды.

Пригнувшись от неожиданности на землю, Беньягу наблюдал за тающей на глазах конницей бандитов. Когда пулемет внезапно прекратил стрельбу, он присвистнул. Стремительно оседлав подбежавшего скакуна, он скомандовал.

- В атаку, *аилгьой джуур*¹! В атаку!

Почти дюжина разгоряченных победой всадников помчались вдогонку за бандитами. Особо преуспели в этом подполковник, его помощник, двое всадников из числа провожающих обоз близких, Беньягу, и двое его новых бойцов, Пенуил и Гьомиил. Последние двое, оседлав лошадей убитых бандитов, рьяно бросились в погоню. Они не боялись оставлять нагоняемых ими бандитов за спинами, делая лишь пару рубящих движений. Их, очевидно, больше интересовал главарь банды, Нурали, находящийся в авангарде отступающих. Но увы, им не удалось обогнать дорогих арабских скаковых коней лидеров банды.

¹ аилгьой джуур – ребята евреи – дословный перевод с джуури.

После битвы на предгорье, на прибрежной равнине близ Сиазани осталась лежать более половины банды Нурали. В обозе же никто не пострадал. Несколько слабых лошадок, сдерживавших движение обоза, заменили на крепких трофейных.

Возвращающихся с погони всадников обоз встречал аплодисментами. Перед продолжением поездки вся процессия более часа восхваляла Господа за произошедшее спасение. Беньягу, а также братья Пенуил и Гьомиил стали главными героями всех последующих восторженных разговоров и шуток, так как стало известно, что ребята перепутали значение поданного им сигнала: вместо того, чтобы стрелять в воздух по поднятию правой руки, они стреляли непосредственно в бандитов, что соответствовало сигналу левой руки. Но эта путаница, как в итоге оказалось, была благословенна для тех, кто был в обозе.

Только Беньягу и Симхо знали в чем причина геройства и самопожертвования эти двух братьев. Два года назад, когда в ауле Мамраш евреи отмечали свою первую и очень важную для своего духа победу над бандитами, раздосадованный этим своим поражением Нурали напал тем же вечером вместе с бандой на соседнее село Карчаг и совершенно немотивированно, между делом, убил родителей Пенуила и Гьомиила. Самое обидное для душ этих ребят, что они не могли защитить их тогда, так как по просьбе мамрашцев выступали на их празднике – веселились, пели и музицировали.

К счастью, в дальнейшем с обозом ничего существенного не происходило. Замыслы попадавшихся далее на дороге бандитов разбивались об уверенность

перемещающихся в обозе мужчин. Грамотно расставленные караулы и правильно выбранные гостевые дворы позволили обозу без потерь добраться до Батума.

Далее на нанятом Одесским комитетом специально для группы рабби Яангиля судне, репатрианты отправились по Черному морю через османские проливы к средиземноморью и через две недели добрались до Святой земли, причалив к палестинскому городу-порту Яффа. По дороге ими было совершено несколько остановок в портах Османской империи.

Сопровождавшие же обоз нукеры и родственники во главе с Эмилем Федоровичем, проводив репатриантов, организованно, по уже знакомому маршруту с пустыми повозками, успешно вернулись в Дербент.

Глава 45. Эрец-Исраэль

На набережной порта Яффа было крайне тесно из-за обилия необычного вида встречающих – мужчин в папахах, сапогах и черкесках, обилия повозок и экипажей для приезжающих и их многочисленной поклажи.

По прибытии, прямо в гавани, рабби Яангилем совместно с местными раввинами была проведена служба с произнесением молитв и песнопениями. Далее многочисленные прибывшие, пройдя таможню, выехали в дом одного из раввинов общины, любясь по дороге окрестностями города.

В первую ночь на Святой земле никому из прибывших не хотелось спать, сказывалось невероятное воодушевление,

в том числе от радушного приема, выказанного хозяином дома, и доброго общения с многочисленными ранее переселившимися сюда людьми разных этнических групп евреев. Тем не менее из-за ранних сумерек все заснуло еще задолго до полуночи, успев и помолиться, и торжественно пообедать, и вдоволь наговориться.

На третий день после прибытия вся мужская часть горских евреев вместе с представителем Одесского комитета и двумя раввинами-ашкенази, представлявшими вторую часть собственников земли, прибыли на выкупленную ими землю. Один из горцев, предполагая, что это обязательно пригодится прихватил с собой привезенный из Дербента самодельный деревянный инструмент землемера.

По прибытию на место присутствующим указали на наделы их общин и место скудного водозабора для каждого из наделов. Расположение участков двух соседских еврейских общин обсуждалось последние несколько лет, дабы обе общины не были чем-то ущемлены, их представители несколько раз корректировали их взаимное местоположение еще до покупки земли. Периметр выкупленных наделов был обозначен редкими колышками, зато граница между двумя еврейскими общинами была четко обозначена сеточным проволочным ограждением видимо ранее подъехавшими сюда поселенцами-ашкенази.

Рабби Янгиль заметил своим коллегам раввинам, что негоже братьям, как это было с десятью исчезнувшими коленами Израилевыми и двумя другими, Иудиным и Беньяминовым, соседствуя друг с другом, отделяться забором, в то время как с другими народами таких заборов

нет. Чувство глубокого уважения к рабби Яангилю привело раввинов к некоторому консенсусу. Уже через несколько часов силами живущих здесь в нескольких палатках евреев-ашкенази и прибывших горских евреев с вбитых в землю колышков было снято более версты металлической сетки.

Увидев сожженную зноем полупустыню-полустепь, пытаясь понять жизнеспособность этой земли, просеивая её через пальцы рук, горцы несколько приуныли. Эта земля совершенно не шла в сравнение с той, что была там, откуда они приехали сюда.

В первый же день пребывания на своей земле, в Эрец-Исраэль, мужчины установили здесь две палатки и начали строительные работы. Далее в течение нескольких недель наняли дюжину работников из числа населения соседских поселений для строительства жилья.

Беньягу считал себя несколько обязанным этим людям, героически начинавшим новую жизнь на этой, пока не ставшей для них хлебосольной, земле. Он помогал им в строительстве их жилья, а также в случаях столкновений и склок между соседями, представителями двух еврейских общин, помогал им выйти из ситуации без потерь.

В день прибытия репатриантов в Яффу рабби Яангиль познакомил Беньягу с несколькими известными раввинами, горскими евреями и ашкеназами по происхождению, проживающими на Святой земле. Он представил Беньягу как человека, своим опытом и знанием дела практически спасшего всю его группу переселенцев от гибели в пути. Рабби рассказал коллегам о причине приезда Беньягу на Святую землю. Раввины и не только обещали помочь Беньягу, приглашали его погостить и уверяли, что как

только он подъедет, они займутся его делом и присоединятся к поискам. Между тем на вскидку никто из них не припомнил, чтобы молодая пара с такими именами появлялась в их поле зрения.

В те же первые дни пребывания на Святой земле, когда дом раввина общины, принявший репатриантов во главе с рабби Яангилом, постоянно посещали все новые и новые гости, Беньягу познакомился со своим молодым соплеменником, уроженцем Темир-Хан-Шуры двадцатидесятилетним Хизгилом (Иехезкелем) Нисановым. Несмотря на молодость, Хизгил был весьма образован, являлся в своем родном городе активистом социал-демократического движения, а, переехав в Баку, присоединился к партии эсеров и участвовал в проводимых ими мероприятиях. Далее переехал в Севастополь, где работал и участвовал в отряде еврейской самообороны. Через некоторое время молодой человек сблизился с движением «Поалей Сион»¹ и принял решение о выезде в Эрец-Исраэль. По прибытии в сюда год назад, в 1906 году, Хизгил и его единомышленники задумали создать первый в Палестине отряд еврейской самообороны.

Наслышанный о Беньягу, как руководителе одного из успешных отрядов еврейской самообороны в Дагестанской области, и о его прибытии в Палестину вместе с группой репатриантов, возглавляемой рабби Яангилом, Хизгил посчитал необходимым прибыть к нему на встречу. Молодой человек убеждал Беньягу на ряду с ним войти в

¹ Поалей Сион – Рабочие Сиона – перевод с идиш – политическая партия в России, выступавшая под лозунгами сионизма и социализма.

число учредителей создаваемой организации еврейской самообороны, что его опыт нукера бесценен, в том числе и тот, о котором Хизгил узнал от новых переселенцев. Однако Беньягу отказал ему, объяснив это тем, что в ауле Мамраш у него остались дочь и внук, а также работа, которую он бросил ненадолго для того, чтобы найти пропавшего сына. Как не пытался Хизгил со свойственным молодым людям идейным напором убеждать соплеменника в значимости дела самообороны еврейских поселений в Палестине, какие бы доводы не приводил, указывая на примеры гибели и неуважения евреев, все чего ему удалось добиться, это обещания Беньягу подумать.

После быстрого строительства легких зданий по местной технологии из местных материалов переселенцы обрели жилье. Беньягу все это время помогал переселенцам устроиться на новом месте, строил дома, убирал мусор и возделывал худую почву. Первый дом был построен для семьи рабби Яангиля, однако рабби не пожил в нем ни одного дня, оставив его семье своего сына рабби Даниэля. Сам же рабби Яангиль остался жить в Иерусалиме недалеко от горско-еврейской синагоги, в квартале построенном бухарскими евреями. Здесь он стал раввином общины, давал уроки и писал книгу, которую назвал *«Охалей Яаков»*¹. Самый младший сын Ицхак на следующий год пошел служить по призыву в османскую армию и в собственном доме на то время не нуждался. Один из домов предполагалось построить для Беньягу, однако он отказался

¹ «Охалей Яаков» – «Голос Яакова» – перевод с иврита.

от дома, продолжая проживать до последнего времени в тканевой палатке.

В одну из холодных зимних ночей начала 1908 года Беньягу пробудил ото сна вой какого-то местного животного, похожий на завывание геокчайского волка. В тот же момент он принял давно уже назревшее решение покинуть уже обосновавшихся переселенцев.

В помещении только что выстроенного молитвенного дома, после утренней службы, мужчина тепло попрощался со всеми переселенцами. Рабби Даниэль бен Яаков, сын рабби Яангиль, в окружении присутствующих поселенцев прочел молитву за здравие Беньягу и его потерявшегося сына. Затем, достав из одного из закрытых шкафов обшитую бархатом сумку, протянул его мужчине.

- Мы знали, что этот день наступит, Беньягу, и поэтому в благодарность за все, что Вы сделали для нас, собрали тут что могли от сердца своего, – торжественно произнес рабби Даниэль. – Ничего особенного: *сидур*ⁱ, *кипа*ⁱⁱ, *талит*ⁱⁱⁱ, *тфилин*^{iv} и деньги. Спасибо Вам, уважаемый друг! Худо Кумек!

ⁱ Сидур – традиционный еврейский молитвенник (слово «сидур» означает «порядок», поскольку в молитвеннике все молитвы приводятся в надлежащем и фиксированном порядке).

ⁱⁱ Кипа – традиц. еврейский головной убор, символизирующий скромность, смирение и благоговение перед Всевышним.

ⁱⁱⁱ Талит – одеяние благочестивого еврея в виде четырехугольного платка из шерстяной материи с кистями (цицит) по углам.

^{iv} Тфилин – элемент молитвенного облачения иудея: пара коробочек из выкрашенной чёрной краской кожи, содержащие написанные на пергаменте отрывки из Торы, повязываемые на лоб и руку.

Горец в национальном костюме на скакуне, подпоясанный кожаным ремнем, кинжалом и пистолетом крайне экзотически смотрелся среди местных, одетых в белое или черное одеяние. Все с интересом рассматривали его.

Побывав в Иерусалиме и его окрестностях, где проживало максимальное число его соотечественников, затем объехав весь Юг, там, где могли проживать горские евреи, погостив у нескольких пригласивших его людей, побывав в кочевьях бедуинов, поселениях друзов и прочих жителей Святой земли, Беньягу добрался до Севера Эрец-Исраэль, районов Самарии и Галилеи. Здесь, в отличие от Юга, было неспокойно. Многолетняя междоусобица терзала эти два региона Святой земли — несколько этнических племен не могли поделить между собой эти земли.

Беньягу не забывал о просьбе Хизгила Нисанова поучаствовать в организации первого отряда еврейской самообороны. Много раз он наблюдал бесправие евреев даже перед нанятыми ими же охранниками арабами, непрофессионализм и халатное отношение которых выглядели просто издевательством. Это вызывало в нем возмущение. Также он знал, что организация, о которой говорил Хизгил уже создана, называлась «Бар-Гиора», и что она сталкивается с некоторыми трудностями. Это последнее обстоятельство, желание помочь единоверцам, стремление к справедливости и профессиональный интерес, привели к тому, что он принял решение об участии в этой организации еврейской самообороны.

«Похоже, я не найду здесь сына. Но, возможно, в составе отряда еврейской самообороны мне удастся

быстрее проникнуть в северные поселения или получить необходимую информацию от своих сослуживцев, которым повезет туда попасть на охранение, а может и случай поможет мне, – размышлял Беньягу. – Полгода-год и я хотя бы уеду успокоенный тем, что в Израиле моего Рахамима нет».

Глава 46. Охрана поселений

Эта глава расскажет читателю об истории зарождения отрядов самообороны еврейских поселений в Эрец-Исраэль, и их первых шагах, к чему некоторое время окажется причастным наш герой Беньягу, а также о лицах и об организациях, поддерживавших жизнь еврейского народонаселения на рубеже XIX – XX веков.

Барон *Эдмон де Ротшильд*ⁱ — французский филантроп еврейского происхождения, организатор и вдохновитель еврейского поселенческого движения в Палестине в конце XIX – начале XX века, сделал очень много для заселения и освоения Святой земли, но чем больше он тратил денег, тем меньше энтузиазма оставалось у тех, кого он опекал. Собственно говоря, поселенцам незачем было стараться: даже в неурожайные годы они безбедно существовали на баронские субсидии. Управляющие Ротшильда выживали из поселений энергичных и независимых людей, которые не желали принимать их опеку. Эти «бунтовщики»

ⁱ Эдмон де Ротшильд – при рождении Авраам Биньямин Джеймс де Ротшильд

возглавляли в прошлом защиту поселений, которая понесла урон после их исчезновения. Сначала этого не почувствовали, потому что управляющие добивались безопасности иными путями, и, если случался конфликт с арабами, они не позволяли поселенцам предпринимать ответные меры.

Современник писал: "В начале года администрация Ротшильда давала правительственным служащим соответствующий подарок, и когда возникал спорный вопрос, он разрешался при помощи небольшой взятки. Бывали случаи, когда служащие барона смещали губернаторов султана и окружных чиновников с их должностей, если те становились чересчур вредными для евреев". Арабы знали о том, что турецкие чиновники придут на помощь евреям, и старались с ними не связываться.

Практически все еврейские поселения охраняли арабы, бедуины, негры и черкесы. В Петах–Тикве руководил охраной еврей, но сторожей нанимали в окрестных арабских деревнях. В Экроне сторожили две арабские семьи, в Иесуд га–Маале – сторожа из племени «муграби», которое пришло из Алжира, в Ришон ле–Ционе евреи патрулировали по улицам поселения, а их поля и виноградники охраняли арабы. Таким способом сохранялось еврейское имущество, но одновременно с этим падал престиж поселенцев, завоеванный в прежние времена храбростью первых сторожей–евреев. Все знали вокруг, что только деньги Ротшильда спасали еврейские поселения, и это не добавляло уважения к их жителям в том мире, где всё определялось кулаком, ножом и винтовкой. Даже турецкие

чиновники, с удовольствием получая бакшиш, презирали тех, кто его давал, так как считали, что деньги дают им из страха.

В 1900 году барон Ротшильд отказался от управления поселениями, упразднил старую администрацию и передал все дела в ведение Еврейского колонизационного общества, которое было создано в сентябре 1891 года в Лондоне с целью помощи евреям в эмиграции.

Уменьшился поток денег из Парижа для переселенцев на Святую землю, наступили перемены; арабы решили, что барон перестал покровительствовать поселениям, а потому можно присваивать чужое добро. Поселенцы попытались продолжить старые методы – давали взятки чиновникам, подкупали головорезов из окрестных деревень, но они не могли платить так щедро, как это делалось раньше, да и арабские сторожа, оставшиеся с прежних времен, теперь уже никого не боялись. Они получали зарплату, ничего практически не делая, не мешали другим воровать, да и сами расхищали урожай, собранный в поселениях.

Наступили беспокойные времена. В Метуле и Зихрон–Яакове поселенцы выплачивали налог местным шейхам. В Иесуд га–Маале черкесы и арабы дрались за право охранять поселение, и жители сдавались тому, кто побеждал и диктовал им цены. В Рош–Пине евреи забросили плантации миндаля и виноградники, а в Хадере уже не обрабатывали отдаленные поля, потому что не надеялись сохранить собранный урожай. Крохотное хозяйство Саджера в Нижней Галилее было окружено арабскими деревнями: к югу от них жили в своих шатрах отъявленные разбойники, к востоку – воинственные ливийские арабы. Саджеру надо

было охранять постоянно, днем и ночью; та же проблема стояла перед всеми еврейскими поселениями, – таково было положение на этой земле в первые годы двадцатого века, когда началась вторая волна репатриации, ставшая отчасти следствием погромов в Российской империи.

Первые группы еврейской самообороны в российских городах черты оседлости стали появляться после кишиневского погрома. В Гомеле молодые люди разработали план действий на случай погрома, закупили оружие, разделили еврейские улицы города на кварталы самообороны, и когда первого сентября 1903 года огромная толпа вышла из железнодорожных мастерских и стала громить еврейские дома и синагоги, на площади их встретил подготовленный вооруженный отряд. Это было первое организованное сопротивление евреев в России, и, если бы им не помешали, они наверняка бы справились с погромщиками. Но появились солдаты и дали залп в сторону отряда: были убитые и были раненые. Погром в Гомеле продолжался два дня; евреи защищали свои кварталы, а солдаты разгоняли их или арестовывали. Там произошло удивительное и неслыханное по тем временам событие: наперекор распространенному убеждению, что евреев можно безнаказанно грабить и убивать, погромщики неожиданно столкнулись с организованной защитой.

В декабре 1903 года на Святую землю приехали четырнадцать человек из Гомеля, бойцы еврейской самообороны, которым удалось избежать ареста. Следом за ними появились участники самообороны из Одессы, Бессарабии и других районов черты оседлости. Эти молодые люди с оружием в руках, встававшие на пути

погромщиков, ехали в надежде на достойную, свободную жизнь, и прежде всего их поразило состояние еврейских поселений на Святой земле.

Молодежь из этой алии поразила беспомощность поселенцев, их полная зависимость от сторожей–арабов и от турецких чиновников. Что–то следовало предпринять, чтобы восстановить утраченное положение и предпринять немедленно.

Весной 1904 года приехал восемнадцатилетний юноша Исраэль Шохат, сын состоятельных родителей, один из организаторов еврейской самообороны в Гродно: смелый, энергичный, с жадной великих дел и подвигов. Он ожидал встретить здесь таких же идеалистов, как он и его товарищи, но был разочарован. Серьезнее всего было то, что евреев, как правило, на работу не брали. На полях и в виноградниках работали арабы, сторожами тоже были арабы, и лишь во время уборки урожая туда приходили сезонные рабочие–евреи. Исраэль Шохат и его друзья обсуждали по вечерам один и тот же вопрос: как изменить положение, чтобы евреи работали на полях и сами себя защищали? Однажды ему рассказали про черкесов с Кавказа, смелых и выносливых людей, прекрасных стрелков и отличных наездников. Их было немного посреди арабского окружения, но даже самые отъявленные разбойники их побаивались и уважали. Еврейские поселенцы тоже жили среди арабов, однако их презирали, считая слабыми, беспомощными, беззащитными «детьми смерти». Шохат говорил: «Черкесы составляют незначительное меньшинство среди океана арабов, и тем не менее, завоевали почет, прочно закрепились на этой земле,

создали свои деревни. Так может и для нас еще не всё потеряно? Быть может, и нам не поздно доказать свою силу, утвердиться на этой земле, заставить соседей относиться к нам с уважением? Но для этого необходимы отвага и стойкость».

Шохат ездил по еврейским поселениям и повсюду упрашивал, чтобы ему и его товарищам доверили охрану. Но никто не желал слушать этих «интеллигентов», которые не знали арабского языка и обычаев, не были знакомы с окрестными местами, ничем не доказали свое умение. Помог случай.

Летом 1906 года владельцы виноградников Зихрон–Якова поссорились с арабскими сторожами и стали искать замену. Израэль Шохат и его друзья приехали в Зихрон–Яков и начали его охранять. Прежние сторожа, потерявшие работу, подговорили местных бандитов; те устроили ночную засаду, напали на еврейскую охрану, жестоко избили некоторых охранников. Жители Зихрон–Якова перепугались, опасаясь мести арабов, и немедленно уволили еврейских сторожей. Так закончилась их первая попытка, которая показала, что прежде надо подготовиться к сторожевой службе, изучить арабский язык и научиться владеть оружием.

Двадцать девятого сентября 1907 года на апельсиновой плантации возле Яффы, в маленькой комнате под крышей, где жил будущий президент Израиля Ицхак Бен–Цви, было основано тайное общество Бар–Гиора — по имени Шимона Бар–Гиоры, одного из руководителей восстания против римлян в первом веке новой эры. Три задачи они поставили перед собой: взять на себя охрану еврейских поселений,

чтобы «восстановить честь евреев в глазах соседей», перейти с русского языка на иврит и жить вместе коммуной. Ицхак Бен-Цви писал о той ночи в Яффе: «Мы чувствовали себя так, будто стояли перед горой Синай в момент вручения Торы, и каждый из нас был готов пожертвовать свою жизнь». Руководителем Бар-Гиоры выбрали Израэля Шохата.

В тайное общество вошли двенадцать мужчин, в том числе горский еврей Хизгил Нисанов. Они решили переселиться в Нижнюю Галилею, в отдаленный район Эрец-Исраэль, где на большой территории были раскиданы нищие арабские деревни, бродили разбойничьи бедуинские племена и где среди враждебного окружения стояло несколько еврейских поселений на пару десятков домов. Каждое из них было построено как укрепленный форт: каменные дома ставили один возле другого и окружали единой стеной; к вечеру ворота поселений запирали, и сторожа с оружием, арабы и черкесы, всю ночь ходили вдоль стены. Эти люди были фактически хозяевами положения, порой их боялись больше, чем тех, от кого они должны были охранять.

Основатели Бар-Гиоры пришли в маленькое поселение Саджера, где располагалась учебная ферма под управлением агронома Элиягу Краузе. Эту ферму построило Еврейское колонизационное общество, чтобы подготавливать рабочих к освоению земель в Нижней Галилее. Восемнадцать юношей и девушек образовали в Саджере нечто вроде коммуны: они называли ее «квуца»¹.

¹ Квуца – группа, коллектив.

Агроном Краузе подписал с ними годовой контракт на выполнение работ на ферме. Девушки настояли на том, чтобы работать наравне с мужчинами: они сшили себе рабочую одежду, коротко остриглись и вышли в поле. Не все молодые люди входили в Бар–Гиору и некоторые из них даже не подозревали о ее существовании.

Саджеру охраняли черкесы из соседней деревни, и Краузе ни в коем случае не соглашался их заменить. Уговорить его не было никакой возможности, а потому пришлось пойти на хитрость. Сторож фермы частенько оставлял свой пост и уходил ночью в соседнюю деревню; молодые люди воспользовались его отсутствием, увели из конюшни лошадь Краузе, а затем разбудили агронома и рассказали о пропаже. Тот выскочил на улицу, засвистел в свисток, призывая сторожа, но при проверке оказалось, что сторож спокойно спал в деревне. Наутро Краузе прогнал сторожа и назначил на его место одного из рабочих фермы. Ждали нападения, и все мужчины поспали, не раздеваясь, во дворе, чтобы прийти на помощь товарищу. В одну из ночей черкесы начали стрелять ферме, выбили несколько стекол, но на помощь сторожу прибежала вся группа с оружием в руках. Больше черкесы их не беспокоили, и это произвело большое впечатление на окружающих. Совет поселения подписал контракт с Израэлем Шохатом, чтобы каждую ночь высылал двух сторожей на охрану Саджеры.

*Давид Бен–Гурион*ⁱ вспоминал: «Не успев вернуться домой после дневной работы, распрячь лошадей и волов,

ⁱ Давид Бен–Гурионⁱ – крупный деятель сионизма, лидер еврейского рабочего движения в Палестине, первый премьер-министр Израиля.

мы бежали к своим ружьям и не выпускали их из рук, пока нас не одолевал сон. Мы не расставались с винтовками ни на минуту – ели, гуляли, мылись, читали, разговаривали с ружьем в руках или за спиной... Большая комната, где жило большинство рабочих, вдруг превратилась в разбойничий вертеп... Два десятка парней сидели на кроватях с оружием в руках! Кто чистил ствол, кто заряжал или разряжал ружье, кто смазывал, кто сравнивал свое ружье с ружьем товарища... Повесив оружие на стену, его тут же снова снимали и начинали упражняться – до тех пор, пока подойдет время сна».

Так это началось, а затем наступили будни и были стычки, ранения и смерти, потому что свое право на присутствие надо было доказывать кулаком и оружием.

Глава 47. Берта

В ноябре 1908 года, после тщетных поисков своего сына к бойцам тайного общества Бар-Гиора примкнул наш герой Беньягу бен Ильизир. Он поселился на сельскохозяйственной ферме Саджера по соседству со своим соплеменником и руководителем одной из групп Хизгилом Нисановым.

Боевым крещением мужчины в обществе Бар-Гиора стал конфликт с арабами-сторожами в соседнем с Саджерой поселении Месха. Арабы стали нападать на поселенцев во время работы, и жители Месхи обратились к соседям за помощью. Первыми на выручку пришли Беньягу и еще шестеро рабочих из Саджеры; по ночам они охраняли поселение, а днем молодые люди учились владеть оружием, в том числе холодным, ходили в походы. Арабы из соседних деревень с изумлением разглядывали это невиданное «войско». Условием по договору между жителями Месхи и руководителями Бар-Гиоры было записано: дозорные соглашались защищать поселение лишь до тех пор, пока все работы в Месхе будут выполнять евреи. Только евреи – и никого больше.

Далее было немало различных поселений, привлекавших Бар-Гиору для своей защиты, в которых Беньягу проявлял свои боевые способности, явившись практически живым учебным пособием для молодых сослуживцев. Предпочитая работать в седле в своей горской одежде, он стал колоритным узнаваемым персонажем как в кругу своих

коллег и охраняемых ими поселян, так и среди недругов и бандитов.

Не раз в конный дозор с Беньягу назначалась худая высокая и неразговорчивая женщина. Ее одежда не отличалась от той, что носили другие работающие в Саджере женщины. Впрочем, головной убор у нее был оригинальным. Одним черным платком она так перехватывала свои длинные темно-русые волосы, что получалось некоторое подобие черной шляпки, будто перетянутой на лбу такого же цвета обрубом.

Ее звали Берта Пенкин, ей было около тридцати, она была вдовой одной из первых жертв из числа стражей общества Бар-Гиора в Саджере. Детей у них с погибшим мужем, по-видимому, не было. Прекрасно стреляя из винтовки, Берта практически не владела холодным оружием, поэтому предпочитала не сблизиться с противником.

Беньягу несколько раз пытался заговорить с ней, однако Берта не считала необходимым быть любезной, и могла просто не отвечать на заданный вопрос. Многих мужчин из Бар-Гиора даже манила эта ее манера. Их стремление добиться ее расположения, разбивалось о грубое отторжение, вплоть до нанесения травм – она могла и лопатой приложиться. Все свыклись с этой ее манерой, и, в принципе, дорожа ее вкладом в общее дело, не лезли к ней с чувствами. В конце концов и Беньягу решил воспринимать ее лишь как слегка неадекватного боевого партнера. Тем не менее, в силу своей природы он всегда оберегал ее от прямого столкновения с врагом, выезжая

вперед, рискуя попасть под пулю. Так в конце концов и произошло.

В феврале 1909 года Беньягу был ранен в бедро. Своих раненных общество Бар-Гиора исцеляло в палестинских больницах за свой счет, сколько бы не стоило лечение. Выйдя из больницы через месяц с костылем, он находился еще некоторое время на реабилитации у себя в холостяцкой хибарке в Саджере. Иногда пешком выходил в поле и помогал чем мог работающим поселенцам. В один из дней посреди наступившего праздника *Песах*¹, когда вся молодежь Саджеры с радостью и весельем отмечала первые свадьбы между поселенцами, проводившиеся совместно прежде всего в целях экономии, случилось следующее.

В двери Беньягу постучались. Открыв дверь, он увидел Берту. Она была в черном рабочем комбинезоне с проглядывающей из-под него темно-синей фуфайкой. Такая же, как и всегда, ни тени улыбки на исхудалом белом лице. Попросившись войти, она спросила не надо ли ему чем-то помочь, может быть постирать или приготовить еду. Мужчина был явно удивлен никак не вяжущемуся с ее образом вопросу.

- Спасибо, Берта, я все делаю сам.

Женщина медленно прошла по хибарке, рассматривая ее скудное убранство, и остановилась у стола, на краю которого лежал снятый Беньягу поясной ремень с кинжалом в ножнах.

- Можно посмотреть? – спросила она, глядя на красивое старинное оружие.

¹ Песах – то же, что и Нисону – см. ранее.

- Смотри, Берта. Только осторожно. – мужчина отстегнул кинжал от кожаного пояса и протянул ей. Берта присела на застеленную тахту и стала с любопытством рассматривать оружие.

Беньягу внимательно разглядывал женщину, глаза которой вдруг вспыхнули неподдельным любопытством.

Берта лизнула булатную сталь кинжала и, немного щурясь, неторопливо произнесла:

- Солёный... А ты много людей убил этим кинжалом?

- Не очень, – ответил Беньягу.

- Научишь меня? – произнесла женщина, взявшись правой рукой за рукоятку и размахивая кинжалом перед собой, выписывая восьмерку.

Затем Берта встала с тахты и, грациозно приблизившись к сидящему на табурете напротив Беньягу, приложила клинок к его сердцу.

- Встать! – спокойно скомандовала женщина.

Беньягу привстал, глядя в прелестные карие с крапчатой зеленцой глаза на прелестном бледно-белом матовом лице женщины. Берта, не отводя глаз, медленно вдавливала острие кинжала в грудь мужчины. Он будто не чувствовал боли. Кровь горящим пламенем устремилась от груди куда-то к нижней части туловища. Молниеносным движением руки мужчина отмахнул кинжал в сторону. Пролетев несколько метров, лезвие кинжала воткнулось в хлипкую стену хибары. В тот же момент две пары губ впились друг в друга с невероятной, будто аккумуляировавшейся долгие годы страстью. Дыхание каждого участилось так, как если бы эти двое долго находились глубоко под водой, и вот, вынырнув наконец из

глубины, жадно глотали воздух, выдавая свою глубокую жажду жизни. Сердца стучали десятками молоточков, уводя мужчину и женщину из текущей реальности в мир не обжигающего пламени неги и блаженства.

Три часа Беньягу не мог ослабить своих объятий, выпустить из рук то, что поглощало его все больше и больше. Длинные вьющиеся чудно-пахнущие волосы Берты, терпкая белая в бесконечных родинках кожа, льнущее к нему всеми участками, извивающееся тело не отпускали Беньягу. Это могло бы продолжаться еще и еще, если бы Берта, улучив момент, резко не приподнялась и не бросилась бы от тахты. Все же кисть ее руки, пойманная в последний момент, все еще оставалась легко стиснутой в губах мужчины.

- Отпусти, Беньягу! – неожиданно грубо попросила женщина. Тонкие брови, к которым он с вожделием касался губами несколько минут назад, сошлись в истерическом негодовании.

Он отпустил.

Он не мог понять такую резкую перемену. Только что женщина, казалось, неподдельно и громко выражала удовлетворение от его объятий и ласк, была зачинательницей, к его удивлению, в некоторые моменты их близости. Как возможно так беспричинно перемениться?

- Что случилось, Берта? – спросил Беньягу с некоторыми обидой и разочарованием, проступающими в голосе. – Что не так?

- Все не так! – Быстро одевая свое немногочисленное одеяние, сухо ответила Берта.

Мгновение и дверь захлопнулась за стремительно ускользнувшей женщиной. Беньягу в этот миг стали глубоко безразличными и Берта, и тысячи других прелестных женщин-ашкенази, на которых он до этого поглядывал с интересом, надеясь найти среди них близкого для себя человека.

Мужчина заснул. Во сне он увидел свою первую жену Сипро. Она была юна. Вместе с двумя другими девушками поселка она стирала белье на камнях у родника, совершая смешные топающие и выжимающие движения ступнями и пальцами ног. У нее с ее тонкими икрами, только вышедшей замуж, это получалось несколько смешно и неуклюже, в отличие от ее более зрелых подруг. Он увидел, как она, несмотря на холод и большой срок беременности, с трудом доносит до дома и снимает со своих хрупких девичьих плеч принесенный с родника кувшин с водой. А он? Что он? Лишний раз проявить заботу о жене, открыто восхититься ее красотой, целовать ей руки и порадовать ее подарком за рождение первого сына — все это он считает слабостью, которая может уронить его статус хозяина семьи. «Дурак! — размышлял он во сне. — Это единственная женщина, которую ты любил... А любил ли?». Он увидел ее серое худенькое лицо после смерти, почувствовал, насколько легко ее тело, которое он с Мустафой переносит на погребальные носилки...

Беньягу резко присел на тахте. Его лицо и шея были мокрыми.

«Что это? — подумал он. — Зачем ты приходила ко мне, Сипро?»

Глава 48. Га-Шомер

Мужчина вышел во двор к умывальнику. Со стороны дома Хизгила Нисанова послышались командные крики, и Беньягу, умывшись и обтершись полотенцем, пошел к дому своего молодого друга и командира. Шеренга из трех всадников и четырех пеших, выстроилась напротив Хизгила и выслушивала его инструктаж. Беньягу подошел поближе, и, не отвлекая его от зачитывания инструктажа, встал в шеренгу рядом с пешими.

Речь велась о том, что из Хайфы вернулось несколько человек, на которых по дороге напали арабы. Защищаясь, один из саджерцев выстрелил из пистолета и ранил грабителя. Было ясно: если раненый араб умрет, его родственники начнут мстить за пролитую кровь и один из наших будет убит. Единственный вопрос – кто? Тем не менее, каждой группе Бар-Гиоры была поставлена задача о защите своих участков вокруг Саджеры. Хизгил не разрешил Беньягу выступать до полного выздоровления.

По-видимому, раненый бандит умер в больнице, так как его родственники пришли ночью в Саджеру и, несмотря на круговую оборону, застрелили одного из сторожей. Поселенцы из Бар-Гиоры бросились искать убийц, но арабы устроили засаду, в которую попали несколько человек. Наутро в Саджере похоронили погибших, и в тот же самый день, двенадцатого апреля 1909 года, в Месхе собрались лидеры из Бар-Гиоры, чтобы взамен маленького тайного

общества создать новое. Так появилась организация под названием *Га-Шомер*¹.

Члены Га-Шомер переняли обычаи бедуинов, их одежду, оружие и приемы борьбы. Ночами они дежурили возле поселений на своих породистых скакунах и не только отбивали нападения разбойников, но гнались за ними десятки километров, порой далеко за Иордан, чтобы вернуть награбленное. Прежде бедуины презирали евреев, которые не умели защищаться; они называли их «дети смерти» или «дети мертвой матери», но теперь стали уважать этих отважных бойцов, которые могли постоять за себя.

В 1910 году Га-Шомер встал на охрану двух поселений Нижней Галилеи – Бейт-Гана и Явнеэля. В следующем году

¹ Га-Шомер (страж – перевод с иврита) – первыми руководителями организации стали три человека, избранный комитет – Израэль Шохат, Израэль Гилады, Мендл Португали. В эту организацию принимали с достаточно серьезным отбором: прежде следовало пройти долгий испытательный срок и получить две трети голосов стражей Га-Шомера. Специальными испытаниями проверяли выносливость будущего дозорного, его способность ориентироваться на местности, принимать быстрые решения в неожиданных обстоятельствах, умение стрелять и держаться в седле, знание арабского языка и обычаев. Два всадника сопровождали принимаемого к месту сбора в лесу, иногда в пещере; при свете факелов он приносил присягу, затем в темноте давали четыре залпа из ружей, все произносили хором: «В крови и огне пала Иудея, в крови и огне она восстанет», – на этом церемония заканчивалась. У стражей Га-Шомера существовали правила, которые следовало соблюдать: «Первое. Прежде всего, будь человеком. Спеси на выручку напарнику, даже если тебе покажется, что ты погибнешь прежде, чем успеешь оказать ему помощь. Второе. Будь мужествен. Как бы ни пугал тебя свист пуль, заставь себя действовать спокойно. Третье. Не отступай перед опасностью. Но при этом будь бдителен и осторожен, избегай ненужного риска, ибо от этого зависит победа».

десять сторожей начали охранять Хадеру. До их появления окрестные арабы почти безнаказанно отбирали урожай, срубали эвкалиптовые деревья, не позволяли засеять отдаленные участки, но с появлением охраны поселенцы распахали и засеяли брошенные поля, а попытки арабов захватить эти земли были отбиты. Все поняли, что в округе появилась новая сила, и поведение окружающего населения сразу стало иным.

«Отрадно смотреть на дозорного, – писал очевидец, – когда он чисто, даже нарядно одетый, гордо восседая на арабском коне с красивым седлом, с ружьем за плечом объезжает еврейские поля, охраняя имущество и честь поселенцев. Добрый конь и героическая внешность необходимы, чтобы произвести впечатление на арабов. Еще нужнее стойкость и бесстрашие. Наши дозорные за короткое время внушили уважение к себе и к еврейскому имени».

Однажды в Реховот явились бедуины из Негева. Их встретил начальник группы Мендл Португали с несколькими ребятами. Бедуины посмотрели на молодых вооруженных парней, слова застыли у них на губах, а на лицах появилось почтительное выражение. Вдруг шейх схватил Португали за руку:

- Кто вы?

- Мы евреи, – ответил Португали.

- Евреев мы знаем. Но кто вы? – не унимался шейх.

- Мы те, кого ты знаешь.

- Нет! – сказал шейх. – Я скажу вам, кто вы. Когда-то здесь жил народ, «сыны Израиля» ... Вы – сыновья этих сынов.

Га-Шомер занимался не только охраной поселений, но и освоением купленных земель: многие участки в Галилее прибрали арабы, и их следовало вернуть владельцам. Возле Месхи был большой участок земли, и дозорных из Га-Шомера попросили начать пахоту с одним непременным условием – не применять огнестрельное оружие. «Израэль Шохат спросил нас, – рассказывал И. Гилады, – достаточно ли мы сильны, чтобы выйти и начать пахоту, и не уйдем ли, если начнется стрельба. К концу собрания мы почувствовали: пока живы, никто не покинет этот участок». Они пришли ночью на поле, начали пахоту, и тут же на ближайших холмах появились вооруженные бедуины. Увидев дозорных с оружием, они остановились; бедуинский шейх подъехал к Шохату и потребовал прекратить работы, иначе прольется кровь. Тот ему ответил: «Моя кровь прольется, но прольется и твоя». Бедуины отступили, жители Месхи стали обрабатывать землю, а слух о победе разнесся по всей стране.

Стражи Га-Шомера занимались опасной, изнурительной работой, получали ранения в стычках с разбойниками и погибали; в начале 1911 года был убит один из учредителей тайного общества Бар-Гиора, горский еврей Хизгил Нисанов. Хизгилу тогда еще не исполнилось и двадцати пяти лет, но он являлся примером целеустремленности, гибкого ума и мужества стражам своей группы. После смерти друга, Хизгила Нисанова, Беньягу задумался о возвращении домой, в аул Мамраш. Между тем было чувство, что необходимо лишь немного дожать, и Га-Шомер возьмет по свой контроль охрану большинства еврейских поселений.

Вскоре подошла очередь Реховота. Тамошние поселенцы колебались сначала, потому что платили сторожам–арабам одиннадцать тысяч франков в год, а Га–Шомер потребовал восемнадцать тысяч. Наконец они поняли, что арабская дешевизна была мнимой: из поселения уводили лошадей и коров, уносили мешки с зерном и дорогостоящий инвентарь, срубали деревья при попустительстве сторожей. С ноября 1911 года пять конных, в том числе и Беньягу, и пятнадцать пеших дозорных Га–Шомера начали охранять Реховот, и грабежи практически прекратились.

Во время сбора винограда и миндаля тридцать еврейских сторожей заменили семьдесят сторожей–арабов, и жители поселения продлили контракт еще на один год. Затем Га–Шомер взял на себя охрану Ришон ле–Циона, Беэр–Яакова и Менахемии; просили о том же жители Нес–Ционы, Гедеры и Метулы, но их просьбу отклонили, потому что не хватало подготовленных сторожей.

Вначале в Га–Шомере насчитывалось несколько десятков человек; в лучшие годы их было не более ста, но роль этой организации в истории заселения и освоения Эрец–Израэль велика не количеством ее участников. Га–Шомер показал всем, что еврейские поселения способны сражаться за право на существование; его дозорные стали легендарными еще при жизни; еврейская молодежь в странах рассеяния читала про них в газетах и слушала рассказы очевидцев; их ловкость и бесстрашие вошли даже в арабский фольклор, обрастая невероятными подробностями и преувеличениями. И сегодня возле Бейт–Шаарим, на холме в Галилее, можно увидеть на постаменте

конную статую: всадник с ружьем всматривается в раскинувшуюся перед ним Израильскую долину, будто продолжает нести дозорную службу.

Практически все лидеры Га-Шомера погибли от рук бандитов и болезней в первые восемь лет существования организации, но благодаря их подвигам, евреи стали спокойно обрабатывать принадлежащие им выкупленные у прежних хозяев земли, перестали быть угнетаемыми, не умеющими защитить себя этническими группами-изгоями на земле Эрец-Исраэль.

Глава 49. История рабби Иляву

Находясь длительное время на службе в Реховоте, Беньягу стал по мере появления такой возможности посещать службу в местной синагоге, где молился во здравие своих детей, внука и об упокоении своего почившего недавно начальника и друга, Хизгила Нисанова. Здесь, на интересе к еврейству, а потом и на какой-то незримой духовной общности, он сблизился с пожилым рабби Иляву, уроженцем табасаранского аула Марага Дагестанской области.

Рабби Иляву был человеком сложной судьбы. Его дед Симанду не был рабби, однако являлся одним из столпов религиозной жизни аула Марага, прекрасно читая религиозные книги и обучая нескольких ребят из еврейских семей аула и своего единственного внука чтению книг и ивриту у себя в сакле. Был ли он самоучка или его научили

этому знающие люди неизвестно, но, по преданию, горско-еврейская община в Мараге существовала с начала XVII века. Маленький Иляву научился от деда правильно и нараспев читать сидур, чем вызывал восторг не только у своей семьи, но и всей небольшой горско-еврейской общины Мараги. Ранняя смерть деда не повлияла на стремление мальчика в дальнейшем самостоятельно читать книги и петь.

Отец рабби Иляву, Асаф, хотя и был из глубоковерующей семьи, не пошел по стопам отца. С детства его интересовал крестьянский труд и охота. Из-за незаурядной физической силы, гибкого ума, смелости и обостренного чувства справедливости, аульчане считали его негласным лидером горско-еврейской общины и искали в нем поддержку в сложных межэтнических отношениях аула. Жизнь горских евреев в ауле Марага была невероятно сложна, и это было связано с нещадным отношением к ним преобладающих общин аула, тюрков и кумыков, принуждавших евреев к выполнению различных работ. Асаф не допускал превращения этой повсеместной для Табасарана повинности евреев в откровенное издевательство земляков-аульчан. Также в ауле проживали таты, отношения которых с горскими евреями были несколько мягче.

Тяжелые условия жизни вынуждали евреев покидать Марагу и поселяться в других селах, таких как Рукель и Хели-Пенджик, но и там за разрешение проживать приходилось исполнять регулярную трудовую повинность. Некоторые из состоятельных евреев Мараги мечтали о репатриации в Эрец-Исраэль, так же как местные тюрки

мечтали переехать в Османскую империю. Две еврейские семьи решились на это и уехали. Мечтала об этом и молодая пара, Асаф и его жена Дестегюль, рисуя себе в воображении радужные картинки Святой земли. Дестегюль была двоюродной сестрой Асафа, ее мама была сестрой Симанду. Молодые жили душа в душу, хотя Господь одарил их пока только единственным сыном.

Черные времена в жизни молодой семьи началась, когда в июне 1860 года соседский восьмилетний мальчик упал с абрикосового дерева на землю небольшого дворика их сакли. Плоды этого дерева, ежегодно поедаемые местной шантрапой, никогда не вызревали до полной зрелости. Упавший мальчишка сломал шею и в последствии умер, что привело к серьезному конфликту, вынудившему Асафа держать оборону своего дома. Несмотря на то, что со слов двух малолетних свидетелей, также в это время вместе с погибшим мальчиком лакомившихся чужими несозревшими абрикосами, хозяев сакли в доме не было, и мальчик перед падением просто поскользнулся, его отец, дядя и еще один мужчина – приятель отца пообещали Асафу, что его семья не избежит подобной же участи.

Доводы приводимые Асафом родственникам несчастного ребенка о невиновности в его смерти своей семьи к спокойствию не привели. То обстоятельство, что возмездие обозленных утратой людей могло перенестись на его сына Иляву, ровесника погибшего мальчика, вынудило Асафа с семьей покинуть аул под покровом ночи.

Через сутки беглецы добрались до своей промежуточной стоянки – меловой пещеры в горах. Это место было известно только старожилам-евреям села

Марага. В начале Кавказской войны многочисленные группы заезжих вооруженных людей подстрекали мужчин табасаранских аулов, в том числе горских евреев, воевать против русских. Зная о предстоящем вторжении таких всадников от информаторов из других сел, мужчины уходили на охоту и возвращались лишь после того, как чужаки покидали аул. Асаф узнал об этом месте от отца и не раз останавливался здесь, отправляясь на длительную охоту из дома. Дед Симанду предполагал, что эта пещера не раз была убежищем евреев в прошлые годы. В пользу этого говорили практически окаменевшая мезуза, прикрепленная справа при входе в пещеру и вырубленная в ее глубине ниша, в которой раньше, на взгляд Симанду, за ярким занавесом *пердэ*¹ находилась Сефер Тора. К тому же, в некотором отдалении от пещеры, на выступе, с которого открывался прекрасный вид на ущелье, находились могилы с провалившимся грунтом и разрушенными природой двумя меловыми надгробными камнями, на одном из которых угадывалось несколько букв на иврите.

Асаф с семьей надеялись отсидеться здесь пару месяцев и затем, когда их наверняка перестанут искать, спуститься с гор и направиться на Святую землю.

Для переселения в Эрец-Исраэль нужны были немалые деньги. Всех денег, накопленных семейной парой за годы жизни, хватило бы лишь для того, чтобы добраться до города Баку. Впрочем это их не смущало. Они были здоровы, молоды, и, затерявшись в большом губерньском городе, надеялись быстро заработать себе на дорогу.

¹ Пердэ – тюркский, занавес.

Так бы, наверное, и произошло, если бы не несчастный случай. Дестегюль с сыном, чуть спустившись по склону ущелья, на небольшой, созданной природой, террасе собирали ягоды и дичку. В это время Асаф пытался что-либо подстрелить на обед. Вдруг перед Иляву появился молодой медведь. Мальчик испугался и побежал к маме. Медведь с ревом устремился за ним. Путь медведю попыталась преградить Дестегюль. Делая вид, что опускается за камнем, так ей ранее удавалось отбиваться в ауле от голодных брошенных хозяевами собак, она сделала шаг навстречу своей смерти. Медведь в несколько движений справился с хрупкой горянкой и погнался за убегающим в страхе мальчиком. Когда до ребенка оставалось пару прыжков, прогремел выстрел. Это, резко выступив из-за дерева, выстрелил Асаф. Перезарядив ружье, он добил раненное в голову животное. Найдя в двадцати сажнях от себя плачущего, дрожащего, держащегося за голову от охватившей его паники мальчика, Асаф попытался его успокоить. Куда там? Асаф и сам был не в себе от одного только предположения, что больше не увидит в живых свою любимую жену.

Вскоре на пригорке рядом со старыми захоронениями появился холмик со свежей землей. Рядом, не скрывая своих слез, плакали Асаф и быстро повзрослевший Иляву.

Через месяц они добрались до Баку. Работу Асаф здесь не нашел, и тогда они переехали в поселок Сураханы, в пятнадцати километрах от губернской столицы, где отец устроился работать разнорабочим на новый нефтеперегонный завод. Через пять лет, в 1865 году, отец и сын выехали в Эрец-Исраэль в группе паломников во главе

с раввином Йегошуа бен рабби Ханука из Темир-Хан-Шуры, который пожертвовал два Свитка Торы *иешивам*ⁱ Иерусалима. Асаф и Иляву поселились в одном из предместий Иерусалима в среде ранее переселившихся сюда горских евреев. Иляву пошел учиться в ешиву, а Асаф зарабатывал деньги на жизнь и образование сына.

В начале 1890-х раввин Иляву с семьей и престарелым отцом переехали в собственный дом в новом поселении Реховот, где Иляву нес службу. Умение читать тексты молитвенных книг с некоторой душевной напевностью сделали раввина Иляву довольно востребованным среди тех, кто его когда-либо слышал. Это дало возможность Иляву и его семье существовать в достатке, а пожилому Асафу безбедно дожить отпущенный ему господом век.

Глава 50. Возвращение

Весной 1913 года Беньягу, добираясь на торговых и пассажирских судах, после нескольких пересадок добрался до порта Поти. Остановившись на несколько дней в Стамбуле, он приобрел подарки для дочери, зятя и внука. Шесть лет скитаний по Святой Земле окончились уверенностью, что евреи займут свое достойное место в Палестине. Их количество и влияние постепенно возрастали

ⁱ Иешива – высшее религиозное учебное заведение у евреев, предназначенное для изучения Устного Закона, главным образом Талмуда.

на этой земле, находящейся на то время во владении Османской империей. Также он был уверен в том, что его сына, Рахамима, в Эрец-Исраэль нет, а значит, искать его надо, как и прежде, на Кавказе.

В багаже Беньягу имелся небольшой мешочек с землей, переданный рабби Иляву. Летом 1912 года умер Асаф, отец рабби Иляву, проживший длинную достойную жизнь. Перед уходом он завещал сыну собрать немного земли с его могилы и отвезти туда, где похоронена Дестегюль, так сильно мечтавшая о Святой земле. Узнав, что Беньягу возвращается в Россию, рабби Иляву попросил друга исполнить волю своего отца, дав ему все необходимые ориентиры для поиска меловой пещеры в горах.

В Поти у одного из местных предпринимателей, по происхождению курда, занимающегося куплей и продажей лошадей, повозок и упряжи, Беньягу приобрел гнедую двухлетнюю лошадь по кличке Грета с очевидной доминирующей примесью арабской породы и седло. Грета сама выбрала себе хозяина. Среди десятка других лошадей она обратила на себя внимание нукера бурным поведением в тесноватом стойле. Цены были (при должном умении торговаться) относительно невысокими. Это было следствием того, что некоторые, отъезжавшие за границу хозяева лошадей, вынуждены были оставлять их из-за высокой стоимости транспортировки и пошлин при пересечении османских проливов. В не меньшей степени этому способствовало обязательство торговца пристроить брошенных ими лошадей к новым хозяевам и ни в коем случае не отправлять их на мясо.

Почти весь путь до аула Мамраш был хорошо знаком Беньягу, поэтому он мог мчаться и днем, и ночью, насколько хватало сил. Всего два раза он переночевал в гостевых дворах, в других случаях он ночевал неподалеку от обочин дорог.

По прибытии в Мамраш он направился прямо к дому дочери. По отсутствующим на первом, а затем и втором посту выстрелам, мужчина предположил, что его узнали. Периодически через паломников, возвращающихся из Святой земли в Дагестанскую область, он направлял дочери весточку о том, что жив, неоднократно просил известных ему раввинов передать информацию о нем через посланников.

Однако более чем за пять с половиной лет отсутствия, сообщения, посланные им, только дважды дошли до адресата, — в последний раз аж три года назад. Поэтому Мозолут была бесконечно счастлива увидеть отца живым. За эти годы у Беньягу родились еще один внук и внучка. Рамбом дал им имена своих отца и матери, Равино и Мегило. При этом самым младшим был двухлетний Равино, Мегило было четыре года, а старшему Яагу шесть лет.

Рад был и огромный пес Батя, неожиданно бросившийся обниматься со старым приятелем.

Рамбом тоже очень тепло встретил тестя.

Беньягу раздал домочадцам привезенные с собой из Стамбула подарки: дочери золотой браслет и жемчужное кольцо, обрамленное золотом, Рамбому противоположный жилет из нескольких слоев буйволиной кожи, армированный металлической сеткой, и мужское кольцо из белого золота; старшему внуку были подарены кожаное

пальто и кожаные брюки. А маленьким раздал оставшиеся у него османские монетки и купленные между прочим золотые кулончики в виде *Скрижалей Завета*ⁱ и Звезды Давида.

К вечеру дом наполнился гостями. Здесь были рабби Бинсион, а также Исроил, Хануко и Симхо со своими семьями.

Всем было интересно, как там на Святой Земле. Беньягу с охотой рассказывал обо всем.

- Симхо, а как там наши герои Пенуил и Гъомиил? – спросил, улыбаясь, Беньягу.

- А они уехали из Мамраша... – начал было отвечать Симхо, но Исроил перебил его громким восклицанием.

- Представляешь, Беньягу, что учудили эти двое артистов? – начал он рассказ. – По возвращении из Батума эти двое отстали от обоза. Вместе с пулеметом. И отправились, как ты думаешь, куда?

- Не знаю. Куда? – заинтересовался мужчина.

- В родовое село Нурали в Курахском округе, – продолжил он, потешаясь над поступком братьев. – Так вот, эти двое остановили повозку посреди села, расстреляли весь остаток боезапаса по дому Нурали и унеслись прочь еще до того, как местные сельчане пришли в себя. Когда местные мужчины собрались в погоню, этих уже и след простыл.

- Молодцы, ребята! Героические парни! – порадовался за братьев Беньягу. – Достали Нурали?

ⁱ Скрижали Завета – две каменные плиты, в которых были вырезаны 10 Заповедей — Десять Речений, заповеданных Всевышним еврейскому народу во время Синайского откровения.

- Да, если бы! Стреляли то они не по дому бандита, а по новому дому местного муллы, обогатившегося за счет подаяний земляка-бандита. Ни муллы, ни его семьи, к счастью, не было дома. Да и Нурали не было на тот момент в селении, – улыбаясь, продолжал Исроил. – От души настрелявшись они приехали к подполковнику в участок. Тот их чуть не застрелил там же. Пулемет-то три тысячи стоит и отдан был ему тайно, под личную ответственность. Хорошо, эти двое додумались ему запиской отписать, что привезут пулемет не позднее следующего по приезду дня.

- И где же сейчас эти братья?

- Я попросил их покинуть аул, – добавил Исроил, – за мальчишество.

- Напрасно! Хорошие были мужики, настоящие! – угрюмо произнес Беньягу, – такие вот люди поднимают восприятие еврейского народа в глазах арабов на Святой земле, именно такие гибнут там десятками. Друг за друга. За идею.

- Э, Беньягу, ты же не все знаешь! – возмутился Исроил, – следующей ночью банда Нурали прибыла сюда с факелами. Хотя самого Нурали с ними не было. Искали этих двоих и тебя. Сожгли дом кунака этих парней, где они проживали. Пожар вынудил их кунака с женой выйти из дома, тут то они и покуражились над ним, изрубив практически в фарш. А эти двое в ту ночь, на свое счастье, задержались в Дербенте. Внезапно нагрянув, бандиты также внезапно умчались, подпалив и твой дом, и еще десяток жилищ. Мы помчались было в погоню, но не стали гнаться уж очень далеко, так как многим нужно было спасать от огня свои дома.

Наступила небольшая пауза. Рамбом предложил выпить за своего тестя, прошедшего в своей жизни путь, достойный многих праведников. После тоста Беньягу снова закидали вопросами, в основном о житие на Святой земле, благодаря чему сгладилась некоторая неловкость после рассказа ковхо Исроила.

Когда речь зашла о нынешнем состоянии дел с обороной, Рамбом решил сам дать пояснения тестю.

- За твое отсутствие, Беньягу, аул подвергался немалым испытаниям, значительно уменьшились доходы от обработки земли, овцеводства, выделки кожи, людям надоело и рисковать жизнью и платить при этом за безопасность. Многие евреи покинули аул, уехали в Дербент, Еврейскую Слободу, есть и те, кто переехал в Аглоби и Ньюди. И они, эти люди, не отдали за бесценок свои дома и участки общине, а продали их людям других национальностей, спустившимся из высокогорных аулов. Так что ты наверно понял, что соседи наши теперь не там, на краю аула, а здесь, здесь и здесь – среди нас, понимаешь? – с раздражением жестикулировал руками Рамбом. – К тому же я закрыл свои дела в Геокчае; бандиты так изувечили моего партнера Карима, что ему сейчас не до производства. А оно, производство шелка, не прощает такого к себе отношения.

- Так что, уважаемый Беньягу, дед двух внуков и внучки, – горько улыбаясь, резюмировал Рамбом, – прежнего войска мы сейчас себе позволить не можем.

После сказанного Рамбом внезапно закашлялся и вышел во двор. Полученное им в прошлом от будущего тестя ранение, последующее воспаление и фиброз легких

никуда не делись, а сопровождали Рамбома всю жизнью. В критические моменты болезни Беньягу казалось, что все присутствующие при этом смотрят на него с укоризной. Через пять минут Рамбом вернулся. И празднование, благодаря шуткам захмелевшего шохета Хануко, продолжилось. Последним право сказать свое слово представилось Симхо, который предпочел вместо тоста пропеть пару куплетов из тех самых мелодий, что они не раз распевали вместе с начальником. Беньягу подхватил распев Симхо, а остальные гости стали похлопывать в такт.

Чэгуьрге э дор нуьшдэ,
У хэгьэргили гэшдэ:
«Бурбунд руй эз пэнджэрэ
Гуш вени магъэний мэрэ!»
Гуш вени, бала, сес мэрэ.

Дуьл мэ нерми, сер хьузуьм –
Мехостигешь, муьдуьздуьм,
Миденуьм э гад сумогъ
Миберуьм туьрэ э догъ.
Муьдуьздуьм, бала, э догъ.

(смысловой перевод с джуури)

Песня саранчи длинна,
Гимн поет любимой:
«Выгляни-ка из окна
И послушай милого!»

Сердцем мягок на беду,
Голова, как дерево —
Не полюбишь — украду,
Чтоб в любовь поверила.

Женщины и дети также праздновали приезд Беньягу со Святой земли, но только в соседней комнате, не забывая вовремя обслуживать мужчин.

На следующий день вновьприбывший нукер вышел на работу. В его полном распоряжении теперь было восемь человек. Бойцы работали по схеме, согласно которой отряд самообороны аула Мамраш начинал свою работу в 1905 году. В случае срочной необходимости аул мог мобилизовать не сорок человек как раньше, а всего двадцать пять всадников. Уже более полутора лет отрядом руководил Симхо. Все предыдущие проекты самообороны, придуманные Рамбомом, не были в должной мере реализованы в связи со сменой его настроем на их поддержку, а также снижения возможностей при наборе отряда из-за продолжающегося отъезда евреев из аула.

Со временем государственная власть укрепила свои позиции в борьбе с бандами на Кавказе. К концу сентября 1913 года были уничтожены практически все одиозные главари бандитских групп, в том числе Нурали Курахский. Тела убитых Нурали и двух членов его банды власти предъявили населению ранее терроризируемых ими поселений — в открытой повозке провезли по центральным улицам. Рассеянные абреки-одиночки и мелкие группы бандитов уже не могли как раньше существенно влиять на жизнь простых людей. Но расслабляться не приходилось,

их место заняли группы националистически-настроенных провокаторов, обвинявших во всех бедах преимущественно евреев.

Летом 1913 года у Дербентского базара Беньягу случайно встретил старого знакомого, отставного подполковника Эмиля Федоровича. Мужчины были крайне рады друг другу. Беньягу рассказал о своем пребывании на Святой земле, о безуспешных поисках сына. Эмиль Федорович говорил о грядущем, давно намеченном ими с супругой, переезде в город Пятигорск Терской области для, как он выразился, «легкого дожития дарованного Господом срока». Вспоминали поездку в Батум, истории, связанные с пулеметом и двумя братьями.

- Как же я был зол на этих парней, – вспоминал Эмиль Федорович, – а как они сейчас?

- Точно не знаю, Симхо сказал, что младший, Гъомиил, женился и проживает здесь в Дербенте, а старший, Пенуил, обосновался в селе Аглоби, завел семью, входит в местный отряд самообороны.

- Не легализовался еще, – понизив голос, спросил отставник, вытащив *газырь*¹ и заглянув в открывшийся пустой нагрудный кармашек на черкеске Беньягу, – а то под своим то именем сподручнее сына искать?

- Знаешь, – продолжил Эмиль Федорович, – я же в том 1907 году получил сведения из всех округов Дагестанской области. И из Бакинской губернии получил отрицательный ответ! Только представляете, единственно от Кайтаго-

¹ Газырь – ружейный заряд, состоявший из отмеренного порохового заряда или бумажного патрона и пули; переносился в сумке-газырице или в нагрудных кармашках одежды.

Табасаранского округа я не получил внятного ответа на свой запрос.

- Спасибо Вам, Эмиль Федорович, что не забыли о моей печали. – Беньягу в знак признательности ухватился левой рукой за рукав подполковника, а правой пожал ему руку. – Спасибо!

- Знаете, что это значит, дорогой друг! – продолжал Эмиль Федорович

- Догадываюсь, – ответил благодарный отец.

- Ваш сын здесь! На территории нашего округа! Если, конечно, он со своей девчонкой не умеет летать.

Тепло попрощавшись, как и в давнюю, первую их встречу, мужчины разошлись теперь уже навсегда.

Попользовавшись гостеприимством зятя и дочери, проживая в роскошной кунацкой комнате, Беньягу счел необходимым продолжить поиски сына Рахамима. Отстраиваться заново на пепелище своего прежнего дома, бывшего дома пастуха Шомоила, он пока не был готов.

Прежде всего мужчина решил исполнить обещание, данное им рабби Иляву, разыскав в горах Табасарана пещеру, о которой тот говорил. Затем, если позволят условия, основав там лагерь, объездить все близлежащие поселения округа, разведать о присутствии в них его мальчика. В феврале 1914 года с первым потеплением он покинул Мамраш.

Здесь мы, уважаемый читатель, возвращаемся к пещере, с которой мы и начали наше повествование. Поиски ее, с Божьей помощью, а также благодаря подробным пояснениям и ориентирам, данным рабби Иляву еще на Святой земле, заняли у Беньягу всего четверо суток.

Глава 51. Встреча в горах

Июль 1915 года.

Как Вы полагаете, уважаемый читатель, что произойдет, если вооруженный абрек, или нелегал, отсиживающийся по какой-то причине в горах, встретит там себе подобного? Вряд ли ответ покажется Вам очевидным.

Одиночные выстрелы из винтовки в нескольких верстах к северу от пещеры не раз беспокоили Беньягу. Быть обнаруженным и застигнутым врасплох ему не хотелось, да и отступать со своей временной, но надежной стоянки он пока не собирался. Поэтому было немаловажно обнаружить стрелка первым. Несколько раз в то время, когда по обыкновению звучали выстрелы, Беньягу устраивал засаду то в зарослях в ущелье, то в кронах деревьев на холме, наблюдал и вслушивался, внюхивался в порывы ветра. Собак он оставлял у пещеры.

Однажды, обнимая набежавшего на него после возвращения из такой засады Батю и потрепывая его по огромной светлой шкуре, мужчина к своему удивлению заметил десятки опарышей, кочующих по шкуре пса.

- Бедный дружок, Батя! Не рановато-ли ты сдался, братец, – произнес опечаленный Беньягу, глядя в глаза преданного друга, – но что я могу сделать для тебя? Видимо время наше потихоньку подходит.

Он хотел попробовать осыпать пса дустом. Но эта идея быстро улетучилась, когда он представил то, какие муки может принести это собаке, видимо, просто гниющей от

неизбежной старости. В итоге он ничего предпринимать не стал.

В одну из своих очередных вылазок Беньягу едва не сцепился с леопардом, который наблюдал за ним, в то время как сам мужчина находился в засаде. Очевидно дикая кошка размером в три с половиной аршина не понимала, что можно ожидать от человека и легко ли он отдаст себя на съеденье. Не увидев и тени страха в глазах вооруженного человека при неожиданном прямом взгляде с расстояния шести-семи саженей, леопард предпочел ретироваться.

В следующий раз, когда выстрел винтовки прозвучал где-то уж очень близко, через пятнадцать минут наблюдения в засаде, Беньягу услышал легкие шаги неподалеку от себя и, осторожно сойдя с дерева, пошел вслед за путником. Увидев впереди себя спину с запрокинутым на нее мешком, Беньягу окриком остановил его:

- Стой! Брось оружие.

Человек в желтой кургузой папахе, одетый в коричневую черкеску, остановился и отбросил ружье. Затем медленно положил мешок и повернулся.

- А, сосед! Давно жду, когда ты решишься со мной познакомиться, – произнес незнакомец, расплывшись в улыбке.

Это был молодой поджарый мужчина лет двадцати семи со светлыми глазами, короткой щетинистой рыжей бородкой, такими же усами и красноватой пористой кожей на щеках. Под короткими штанами виднелись голые ноги, одетые в кожаные чуваки.

- Взять с меня нечего. Да и знаю я, что ты не грабитель, – говорил мужчина. – Все время уезжаешь куда-то, чего-то ищешь, только чего – не пойму. Еврей ты.

- Как зовут тебя? – спросил Беньягу.

- Мамсур! Мамсур я! – ответил мужчина.

- А что не убил меня, Мамсур?

- За что? Я тебя не знаю. Да и не убийца я. Вот охочусь только для своего пропитания. Мамсур указал на мешок. Хочешь, присоединяйся.

- Спасибо, Мамсур! – ответил нукер. – Один?

- Совсем один, – ответил Мамсур, продолжая улыбаться.

Беньягу подошел к Мамсуру и спросил, посмотрев ему в глаза:

- Давно здесь?

Крепкий мужчина не производил впечатления отъявленного убийцы, скорее жертвы.

- Да, здесь недавно, полгода где-то. А в общем уже два года выходит как живу в горах – ответил Мамсур.

- Беньягу! – представился наш герой и протянул руку.

Мамсур сначала растерялся, затем улыбнулся во всю ширь своего, казавшегося добродушным, лица и ответил на рукопожатие.

Собрав все свое оружие и оправившись, Мамсур предложил:

- Раз уж так все хорошо разрешилось, приглашаю тебя на трапезу.

Беньягу, некоторое время раздумывая, ответил:

- С удовольствием!

Он, конечно же, рисковал, направляясь с новым знакомым на званый обед. Но жизнь в полном одиночестве,

без какого-либо общения длительный период, начинала угнетать Беньягу, и он пошел.

Мужчины прошли около двух верст вдоль холма и спустились чуть ниже в ущелье. Здесь, на склоне, практически спрятанная за ветвями кустарника, располагалась старая, построенная некогда из сруба небольшая водяная мельница. Вместо проходившего когда-то рядом горного потока по широкому сухому руслу протекал небольшой ручеек. А вместо воды, текшей ранее по желобу на укрепленные по торцу мельничного барабана лопасти, везде раскинулась добротная сплетенная паутина.

- Неплохо! – произнес Беньягу и вошел в помещение мельницы, повинувшись приглашающему жесту Мамсура.

Было прохладно, пахло древесной смолой и, очевидно, запахом пота хозяина. Помещения можно было условно разделить на две равные части. В одной располагалась нехитрая конструкция с жерновами, лестницей для загрузки зерна, кадушкой на металлическом крюке для приема муки и подполом с мельничным колесом, в другой размещалась жилая часть с тюфяком и матрасом, одеждой, кухонной утварью и оружием хозяина, развешанными на гвоздях.

Мамсур раскрыл мешок, который принес, вытащил оттуда небольшую дрожащую всем телом мокрую косулю-подранка и выложил ее на пол помещения мельницы.

- Видишь, Беньягу, в ногу попал?

- Ну, да!

- Думаешь, промахнулся?

- Наверное, да.

- И ты действительно прав, дорогой мой кунак! Промахнулся! Специально промахнулся!

- Как это?

- Тебя ко мне Аллах послал, ты знаешь это? А ты знаешь, кого я еще немножечко остерегаюсь, кроме своих кровников?

Беньягу заинтригованный, молчал.

- Здесь туда-сюда леопард ходит, да мощный такой, красавец. Все думает, как ко мне подступиться, застать меня или мою лошадь врасплох. И я хочу его опередить. Хочу его шкуру вон туда, – указал он на угол в жилой части мельницы. – Ловушка готова. Две недели яму копал и мастерил колья. А тут и косулю удачно подстрелил, и ты здесь, дорогой кунак. Смотри, с ней почти ничего не случилось, только эту маленькую косточку снесло.

- Аллах Акбар! – подытоживая, возвел руки к небу и свел их на подбородке Мамсур.

Косуля заблелая, чем в очередной раз подняла настроение Мамсуру.

- А пока мы от души пообедаем, – продолжил он, приложив к мордочке косули миску с водой и вышелушенными зернами кукурузы.

Затем из того же мешка Мамсур достал двух тетеревов.

- Ты, брат, осмотришь пока, а я разведу огонь и все сделаю сам как радушный хозяин. Отдыхай! – произнес он.

Пока Беньягу разглядывал близлежащие окрестности: речку с сухим руслом, оставленный кем-то в запустении виноградник, на котором угадывались зеленые гроздья, еще не напитавшегося солнцем винограда и несколько плодовых растений дикой алычи и сливы, Мамсур уже развел огонь в самодельной печи, мастерски ощипал и разделал двух тетеревов, засыпал в котелок пару горстей

риса и несколько щепоток какой-то специи. После этого хозяин мельницы замесил немного муки и накатал пару колобков теста.

- Сестер у меня не было, мать постоянно болела, поэтому мы с отцом не гнушались иногда самостоятельно чего-нибудь такого приготовить, – то ли похвально, то ли извинялся за свое умение стряпать Мамсур. – А когда женился, всем этим, конечно, занималась жена.

- Давай пока готовится, по стаканчику вина выпьем, дорогой Беньягу, - предложил Мамсур, вытащив откуда-то из-под мельницы большую бутылку с вином. - Одна бабушка здесь недалеко живет, золотые ручки, хочу тебе сказать, замечательное у нее вино. Из того винограда, который ты видел за мельницей.

Мамсур разлил вино по стаканам и передал один из них новому приятелю.

- Дай Бог нам здоровья, – коротко произнес Мамсур, и практически залпом осушил стакан.

Беньягу последовал примеру Мамсура. Вино действительно было великолепно и немного ободрило его. Он спросил Мамсура:

- Мамсур, дорогой, а ты откуда сам?

- Хочешь мою голову кровникам продать? – то ли в шутку, то ли всерьез ответил Мамсур. – Не стоит нам этого знать, ни тебе обо мне, ни мне о тебе – поверь мне, дорогой друг.

Беньягу опешил, но мысленно согласился.

- Ладно, если ты так считаешь, Мамсур. Просто хотел разговор поддержать.

- Вот и похлебка наша готова, – порадовался Мамсур, вынимая из бульона сваренных тетеревов и выкладывая их на тарелки. После снятия с печи котелка, Мамсур заложил на ее плоскую металлическую поверхность обваленные в муке заготовки лепешек.

- Пойдем, пока помой руки и садись, – показал Мамсур на матрац в углу мельницы, – все что необходимо я принесу.

Беньягу зашел и присел на матрац в углу мельницы, рядом Мамсур по-хозяйски постелил скатерку, положил тарелки с мясом, котелок с похлебкой и выложил имеющиеся у него в хозяйстве соленья. Через десять минут двое мужчин в черкесках, поджав ноги под себя, молча ели похлебку, закусывая мясом и заедая свежеиспеченными лепешками. Выпили еще по одному стакану. Когда Мамсур стал подливать третий, Беньягу заметил новоиспеченному приятелю:

- У нас же еще дело сегодня. Забыл, Мамсур?

- Точно! Дело у нас! Сделаем дело, потом и выпьем! – сказал Мамсур и, деловито улыбнувшись, поднял указательный палец вверх.

Пообедав, мужчины пошли смотреть ловушку. Осмотрев яму с уже вбитой дюжиной толстых кольев, Беньягу спросил:

- А ты когда-нибудь ловил диких кошек?

- Нет, дорогой, не ловил. Но смотри, как заточены, – показал он, коснувшись острия одного из кольев, забитых в яме.

Кровь не замедлила появиться на его пальце:

– Осталось только вытащить лестницу и воткнуть еще пару заточенных кольев.

Обвязав себя веревкой на уровне груди, Мамсур аккуратно спустился в яму и стал вколачивать тыльной стороной топора оставшиеся два кола. Беньягу оберегал своего нового приятеля от падения, поддерживая его за веревки. Когда все колья были забиты, Мамсур заточил их верхние части своим коротким кинжалом.

- А теперь тащи, – проговорил он, довольный своей работой.

Беньягу вытянул его на край ямы, после чего оттуда также благополучно была вынута деревянная лестница.

Когда сумерки сгустились, мужчины принесли косулю и аккуратно уложили ее между кольев на дно ямы. Косуля поблеивала, не то от боли, не то зовя на помощь. Сверху ловушку аккуратно застелили кустарником.

- А вдруг он сегодня не явится? – засомневался Беньягу.

- С чего это? Явится. Куда денется. Каждую ночь здесь ошивается. У него же нет такого вкусного козьего сыра со свежеиспеченными лепешками, как у нас, – улыбаясь во все рыжее месяцами небритое лицо, ответил Мамсур.

Довольный проделанным, Мамсур вспомнил об отложенном мужчинами стакане вина.

Было уже темно, когда мужчины, голова к голове, легли в углу помещения мельницы. Мамсур, ошастливленный возможностью общения с таким же как и он, в сущности, волею случая ставшим изгоем мужчиной, который к тому же внимательно и участливо выслушивал своего молодого сотоварища, а тот все говорил и говорил, возвращаясь в недавнее прошлое.

Глава 52. Рассказ Мамсура

Я сам родом из крестьянской семьи, в которой я был единственным и долгожданным ребенком, так как моя мать долгое время не могла выносить детей. Мой дядя погиб на русско-японской войне, не успев даже жениться, поэтому весь родовой надел в две десятины пахотной земли и в столько же покосной достался семье моего отца. В семнадцать лет я женился на понравившейся мне девушке из села. Через три года она простудилась и умерла. Хозяйство требовало рук, поэтому отец сразу же засватал мне соседскую девушку, у которой было еще две сестры и пять братьев. Через год после моей женитьбы отец и мать попали под оползень, возвращаясь с ярмарки. Я с молодой женой много работали на своем участке, иногда в особо сложные времена привлекали ее братьев и сестер. Прошло несколько лет. Все было бы хорошо, однако, моя вторая жена не могла родить, и это обстоятельство приводило к семейным ссорам. Не раз она уходила в отчий дом, жалуясь на меня, но всегда непременно возвращалась. Тем не менее мои отношения с шуринами стали несколько прохладными, если не сказать более жестче.

Спусковой крючок враждебности между мной и шуринами был взведен, оставалось только появиться малейшему поводу, чтобы произошел выстрел. И он появился. Наши с родственниками жены участки земли, так же как и дома, были по соседству, и я уже несколько лет примечал, что естественная ограда из кустовой ежевики между нашими наделами постепенно смещается в сторону

моего участка. Поначалу, я не реагировал, полагал, ну что же, если чуть подвинут, вроде, как все равно родственники. Однако это сезонное перемещение кустарников не останавливалось. Уже некоторые плодовые деревья, которые были высажены еще моими предками по периметру надела, перешли на сторону обнаглевшей родни. Полной неожиданностью для меня стало и то, что и другие соседи не так рьяно, но тоже стали передвигать живую ограду по своему желанию. Мое сердце крестьянина не выдержало, и когда мы вдвоем с одним из старших своих шуринов занимались поливом по разные стороны этой окаянной ограды, я заметил:

- Ай, Абдулла, до каких пор ты будешь двигать этот несчастный забор в мою сторону?

- До тех пор, Мамсур, пока ты, ишачий сын, не разродишься, чтобы вообще иметь право голоса, – ответил он.

- Ай, Абдулла, посмотри в канаву, только приблизься лицом поближе, чтобы увидеть в ней настоящего ишака.

- Ты что, выродок, вообще страх потерял. Можешь спросить у своего отца, какой ишак помог ему и твоей матери выродить тебя.

Я в один миг перебрался через ограждение и оказался перед этим шайтаном.

- Рот свой грязный закрой, вор несчастный! – побагровев от ярости крикнул я, схватившись за кинжал.

Мое заявление, насчет воровства, по-видимому, не очень понравилось Абдулле, его лицо перекосило, зубы закрипели, как ржавые петлицы дверей.

- Кто вор? – вынув свой кинжал и сделав замах в мою сторону, закричал он. – Я вор? Сюда иди!

Очередной замах был блокирован моим локтем. Молниеносно приблизившись, я вонзил свой кинжал Абдулле под дых, затем еще пару раз в живот. Шайтан упал, истекая кровью, а все продолжал подзывать меня:

- Сюда иди!

- Ну что? Я здесь! И, что ты сейчас можешь? – произнес я и поспешил домой.

Дома, пока содеянное не открылось, я быстро собрался, взял деньги, что были, оседлал лошадь и был таков.

Полгода скрывался в горах, каждый раз чувствуя за спиной лай этих неугомонных псов, братьев моей супруги, отхвативших все-таки мою землю, мой дом и саму мою жизнь.

Хотел перебраться в Османию, однако, не успел. Начались проблемы между странами, границы стран усилились, а потом, в конце осени прошлого года, турки и вовсе вступили в войну против русских. Прошлую зиму хотел отсидеться в Дербенте, в доме кунака моего нового приятеля, тоже ранее желавшего перебраться за границу. В феврале двое шуринов напали на мой след и нагрянули в дом, где я гостил. Между тем я был предупрежден сыном хозяина дома, который работал на базаре продавцом и разносчиком питьевой воды. Этот парнишка рассказал, что двое незнакомцев ходили по рядам и спрашивали о рыжеволосом мужчине по приметам похожем на меня. Я не стал бежать, а встретил этих шайтанов. Они пришли под утро. Я не спал и встретил одного из них пулей, второго обманул, выбравшись из дома через крышу.

Сейчас везде военные, конные разьезды, поэтому пока перестрелка не привлекла посторонних, я сел на свою лошадь и ускакал в горы. «Дай, – думаю, – поднимусь повыше и подальше от дорог и людских троп». Долго скакал, двое суток. Добрался до небольшого аула, что под той вершиной, в двух-трех верстах отсюда вверх по склону, благо земля еще не потекла и можно было по еле угадываемым тропам взобраться на самый верх. Туман, холодно, безлюдно, разруха, ни одного приличного жилища. Как люди там жили, понять не могу.

Стою я в этом тумане посреди аула и, озираясь по сторонам, кричу: «Есть кто-нибудь живой?». Слышу скрипит что-то, поворачиваюсь в сторону этого самого скрипа – бабушка стоит сухенькая-сухенькая, маленькая, вся укутана в тряпье и говорит что-то, вот точно, как повашему. Подхожу, спрашиваю: «Бабуля, вы что здесь делаете?». Машет рукой не понимает, мол. Я ей руками показываю что-то, она тоже что-то. Пригласила в коморку к себе. Растопила печку. Разогрела чайник. Согрелся, попил чаек на травах и липе. От тепла печи и чаечка разморило меня, и я незаметно уснул прямо на настеленном на глиняном полу худом матраце.

Проснулся я укрытый шерстяным остро-пахнущим чем-то одеялом. Бабка оказалось хлебосольной. Она быстро настелила скатерку прямо на пол передо мной. Через минуту-две на скатерти уже красовались и сухой кусочек кукурузной лепешки, и крынка козьего молока, и кусочек сыра, и соленья, и бутыль домашнего вина, и сахарочек мелко-колотый. Сама же она села у печи, закладывая в нее

еще одно полено и непрестанно разговаривала будто на вашем что-то такое: «*Эунжо рафдем, чу хэбери*»¹ и прочее.

Я немного поел. Ну, того, что выглядело более-менее, и выпил пару стаканов вина. Мне стало хорошо. Оказывается, и в таких местах, как этот брошенный аул, расположенный за облаками, на земле, которая мало на что пригодна, может быть тепло и уютно. И люди настолько приятны, насколько мне стала казаться эта брошенная в селе гостеприимная женщина.

В конце концов, мы стали понимать жесты друг друга, и я узнал о том, что в ауле уже двенадцать лет никто не живет кроме нее, несчастной вдовы. Все жители переселились на низменность в десяти верстах вниз по холму в новый аул с тем же названием. Она не переехала, осталась смотреть за могилой свекра со свекровью, мужа и семи ее умерших детей. Зовут ее Сулима. Есть у нее и домашнее хозяйство: козочка и петушок с двумя курочками, небольшой огородик с насыпанным привезенным черноземом.

Также она рассказала мне, что вино делает из винограда со старой мельницы. Хоть хозяин-мельник и перестал присматривать за своим виноградником, виноград все равно произрастает, но все больше в мелких «одичалых» гроздьях.

Узнав про брошенную мельницу, где, к тому же, растет виноград, и, главное, там, по-видимому, значительно теплее, я в тот же вечер направился на его поиски. Бабушка была очень расстроена, уговаривала остаться, но я обещал скоро

¹ Эунжо рафдем, чу хэбери – абракадабра, т.е. бессмысленный набор слов или фраз на джуури в понимании произнесшего.

навестить ее и привести в порядок ее покосившуюся саклю. И я ее не обманул — приблизительно раз в месяц я бываю у нее в гостях и помогаю по мере своих сил. И конечно же, я ее предупредил, что никому нельзя рассказывать обо мне, так как, если найдут, то убьют.

Старая мельница пришлась мне кстати. Я почти ничего здесь дополнительно не обустроивал. К тому же чистая родниковая вода под боком. Можно было бы налаживать хозяйство. Но вряд ли здесь можно выжить зимой. Пережить зиму под заботой бабушки Сулимы, это не по мне. Хотя ей конечно хотелось бы. Да и всех запасов ее мне на пару зубов.

Наладить здесь, в мельнице, печь, используя подходящий материал из аула? Можно, конечно. Но необходимо немало потрудится, чтобы изолировать мельничный проем, утеплить стены и установить ее здесь.

Во время пауз в монологе Мамсура Беньягу вставлял примеры из своей жизни. Много говорил о потерянном сыне, которого уже много лет безуспешно ищет, рассказывал о своем выдающемся отце, однако, и словом не обмолвился о том, какое преступление совершил.

- Есть еще одна задумка, — делился с ним своими планами Мамсур. — Об этом я слышал в Дербенте. В связи с боевыми потерями на войне, постоянно возникает необходимость в доукомплектовании полков Дикой дивизии. В ее ряды стали принимать добровольцев из числа абреков и иных нелегалов, амнистируя их при этом. Условием амнистии является то, что доброволец не обгагрят свои руки кровью множества убитых им гражданских лиц,

и не обвинялся в убийстве кого-либо из высокопоставленных армейских или гражданских чинов, находящихся на службе Его Императорского Величества. То есть, я прихожу в мобилизационный центр, говорю, так мол и так, убил в драке человека, скрываюсь полтора-два года, опасаясь мести родственников убитого. Если, например, меня запишут добровольцем, то отправят воевать на западный фронт, в Европу. Там, завоевав авторитет в боях, можно попробовать остаться в армии, и затем осесть где-нибудь в России. Или найти на чужой земле более-менее симпатичную хозяйку и, женившись на ней, продолжить свой род.

- Как тебе моя задумка? – поинтересовался Мамсур.

- Не знаю, Мамсур! – ответил Беньягу.

«Строит ли вправду такие планы Мамсур, ставя целью свое выживание, спрятавшись от трех оставшихся кровников-шуринов? Действительно ли, ему не нужна была уже ни та земля, на которой трудились его предки, ни тот дом, в котором он вырос, ни его родное село, ни могилы его предков? Или может быть, говоря об этом, Мамсур хочет проверить на слабину меня, Беньягу?» – размышлял наш герой.

Ответы на эти вопросы он так и не получил, так как в это время какое-то суетливое движение и рев за пределами мельницы вывели их с Мансуром из состояния полудремы.

- Есть! Попался! – резко приподнялся Мамсур снимая ружье с крюка, забитого в бревенчатую стену мельницы. Беньягу тоже встал, поправил пояс на черкеске, и схватил свой пистолет и ружье.

- Быстрей! Быстрей! – торопил Мамсур. – Попался, красавчик.

Он взял заранее заготовленный вечером смоченный керосином факел, и, подпрыгивая от выброшенного в него разом объема адреналина, побежал к ловушке. Далее, мужчины подбирались к ней, замедляя шаги. Мамсур передал факел Беньягу, а сам взялся за ружье и прицелился. Что-то содрогалось внутри ловушки. Подойдя поближе и раздвинув несколько оставшихся на поверхности кустов, наши охотники увидели блеск двух карих кошачьих глаз, смотрящих снизу прямо на них. Казалось, секунда и леопард одним прыжком дотянется до них своими огромными когтями.

Мамсур выстрелил, и кошка сразу же осела, перестав подавать признаки жизни.

- С одного выстрела! Ты видел Беньягу?

Потыкав притихшее животное длинными ветками и убедившись, что оно не двигается, охотники вернулись на мельницу — досыпать. Но как только стало светать они пошли вытаскивать дикую кошку из ловушки. Шкура леопарда была практически не повреждена, кроме дырки от выстрела во лбу и разреза, нанесенного двумя колями вдоль брюха животного. Вдоль по этим порезам Мансур и сделал разрез, когда освеживывал леопарда. Косуля то ли от сердечной слабости, то ли по другой причине погибла и уже не годилась в пищу. Мамсур был на таком подъеме и вне себя от радости, что до позднего утра ходил возбужденным, барабанил себя в грудь.

В таком воодушевленном состоянии Беньягу покинул его, пообещав пригласить к себе на такой же царский обед

после возвращения с поисков сына, ориентировочно через месяц. Перед отъездом Беньягу Мамсур заглянул к нему в пещеру полюбопытствовать о жите-бытье приятеля. Широко улыбаясь и радуясь знакомству, он попросил Беньягу на время отсутствия дать ему кобелька Кабана. Подкормленный чем-то вкусным Кабан, вроде был не особо против, поэтому и был отпущен.

Глава 53. Кровники

После одного из своих длительных выездов по селам Кайтаго-Табасаранского округа в поисках сына Беньягу вернулся в пещеру с ясным пониманием, что далее вести поиски в условиях присутствия на Кавказе такого количества вооруженных людей рискованно. К тому же задумка, высказанная Мамсуром, его очень привлекала тем, что он мог бы таким образом, вызвавшись добровольцем, получить легальный статус и закрыть историю, связанную с убийством Сафара.

Того, что кровники, учитывая возраст Амирбека, могли его разыскивать до сих пор, спустя десять лет после разыгравшейся трагедии, Беньягу даже и не полагал. В пору его житья в ауле Мамраш наемники также никак не проявили себя. Да и отсутствие в стране в течение многих лет должно было охладить пыл любого поисковика.

Однако случившееся в горах подвигло его к тому, чтобы воспользоваться планом Мамсура немедленно. Беньягу долго искал отсутствовавшего на своем обычном

посту Батю. Проходив по окрестностям несколько часов, он обнаружил безжизненное тело пса по тлетворному запаху. Наполовину изъеденный опарышом, с обилием облепивших его мух, иссушённый солнцем труп Бати лежал на небольшом отроге за поворотом тропы, в двадцати пяти саженях от могильного камня Дестегюль, погибшей жены рабби Иляву. Отсюда открывался живописный вид на ущелье. Почему старый пес, который в последнее время не отходил от пещеры больше чем на сто саженей, поднялся сюда, чтобы покинуть этот мир, останется загадкой. Может быть для того, чтобы, приходя сюда и поминая умерших людей, хозяин мог бы вспомнить и о нем. Так или иначе, мужчина похоронил пса ровно на том месте, которое тот сам себе избрал.

Похороны Бати не были последними, в которых Беньягу пришлось непосредственно поучаствовать в этот день.

Он решил посетить Мамсура и отданного ему на присмотр кобелька Кабана. Еще в двухстах саженях до мельницы мужчина почувствовал, что произошло что-то неординарное. Птицы, ранее в изобилии обитавшие здесь, либо исчезли, либо почему-то перестали петь. Беньягу слез с лошади, подвязал ее уздцы к ближайшему деревцу, снял из-за спины ружье и, тихо ступая в своих ичигах, направился вниз по тропе. В тридцати саженях от мельницы, на тропинке, появились следы крови. Очевидно кто-то вытащил окровавленное тело из пролеска, находившегося ниже тропы, и волочил его до мельницы. Так и оказалось, следы волочения вели в мельницу. Беньягу оглянувшись, обошел мельницу со всех сторон и увидел второй

аналогичный след волочения, тянущийся с низины. Лошади Мамсура на месте не было, не было и пса Кабана. Немного пройдя по этому следу в направлении обратном мельнице, Беньягу дошел до построенной Мамсуром недавно в земле ловушки для леопарда. Несколько кольев в ловушке и все дно ямы были обгарены свежими следами крови.

«Что же здесь произошло? Где Мамсур? Где Кабан?», – пытался трезво размышлять Беньягу.

И ответы на эти вопросы не дали себя долго ждать. Когда мужчина осторожно заглянул за дверь мельницы, его охватил ужас. Мельница: ее пол, стены и потолок были обгарены кровью. У жерновов, надетый со спины на уровне груди на крюк для крепления кадушки для сбора муки, висел зверски изуродованный труп. Голова отсутствовала. Только по остаткам одежды можно было догадаться, что это тело Мамсура.

Беньягу, не раз видевшего кровь, убивавшего не одного бандита, затошнило. Он закрыл дверь мельницы и пошел к роднику. Однако и здесь его ждала неприятность. В русле высохшей реки лежало окровавленное тельце Кабана. Убийца выпустил из пса всю кровь, полоснув его в области шеи.

Когда мужчина осмотрел все еще раз, ему четко открылась картина убийств.

Их было двое, наверняка братья-кровники. Откуда они пришли Беньягу не стал разбираться.

«Дай Бог, если не от бабушки Салимы, – подумалось ему».

Мамсур заподозрил приближение убийц, скорее всего по лаю собаки, и, выбежав из мельницы, попытался

скрыться. Один из нападавших побежал за ним и угодил в леопардовую ловушку, на всякий случай оставленную Мамсуром. Второй же убийца нагнал Мамсура, то ли выстрелом, то ли кинжалом нанеся ему тяжелое ранение, притащил к мельнице и, повесив на крюк под жерновами, вдоволь покуражился над его телом, а потом отрубил голову. По обилию крови в яме можно было предположить, что первый нападавший погиб, и его вытащил из ямы и увез с собой второй для дальнейшего погребения на родине.

Несмотря на первоначальное намерение похоронить Мамсура или то, что от него осталось, Беньягу не смог сделать этого. Слишком уж это было тяжело и хлопотно, собирать по кусочкам в гуще крови, внутренностей и экскрементов своего недавнего приятеля. Он принял решение сжечь мельницу, вместе с трупом Мамсура. Свалив с десяток кустарников вокруг мельницы, чтобы избежать пожара, воспользовавшись имеющимся здесь топором и керосином, Беньягу исполнил задуманное. Помолившись в силу своих ритуальных познаний за упокой души убитого, он выказал надежду Господу, что бабушку Салиму эта трагедия не коснулась. Он пожелал ей здравствовать и продолжить приходить сюда на сбор урожая винограда.

Мельница горела до полуночи. Еще при свете, пока она горела, Беньягу похоронил Кабана, зарыл леопардовую ловушку и посыпал все обгаренные кровью участки на тропах землей.

Когда под утро он лег отдохнуть в своей пещере, то уже знал, как ему необходимо поступить дальше.

Через два дня мужчина навсегда покинул пещеру и посетил своих близких в ауле Мамраш. Внуки подросли и проявляли огромный интерес ко своему деду, забрасывая его бесконечными вопросами. Внучка, стесняясь деда, в ответ на его игру – подмигивания, делала то же самое своими большими карими глазами с длинными «кукольными» ресничками. Мозолут же всячески пыталась угодить отцу, готовя ему разнообразные домашние блюда: *хинкал*ⁱ, *ягни*ⁱⁱ, *буглама*ⁱⁱⁱ, *кюрзе*^{iv}. Беньягу все нравилось, однако он не мыслил себя в относительно беззаботном времяпровождении в кругу своей родни и друзей, пока не разыщет своего Рахамима.

Все знали про его упертость в вопросах поиска сына, не одобряли только способ, который он избрал, а именно, сдать властям и добровольно пойти воевать, с целью облегчения поисков после своей легализации.

ⁱ Хинкал – популярное блюдо горско-еврейской кухни, представляет собой вареные в мясном бульоне кусочки теста; подается с бульоном, вареным мясом и соусами.

ⁱⁱ Ягни – мясное блюдо горско-еврейской кухни; готовится из говядины на косточке с добавлением картофеля, моркови и томатной поджарки; употребляется вместе с отдельно подаваемым отварным томленным рисом.

ⁱⁱⁱ Буглама – горячее блюдо горско-еврейской кухни, богатое овощами, бобами, сухофруктами и приправами; по составу продуктов может быть разной, ее готовят из баранины, из рыбы, индюшатины, курицы и говядины.

^{iv} Кюрзе – кавказские пельмени.

Глава 54. Горцы на войне

Прежде чем продолжить повествование о перипетиях нашего героя во время Первой мировой войны, считаю необходимым предварить его данными о ратном вкладе мужественных по своей природе горцев в нескольких внешних войнах Российской империи. Испытанием на преданность и боеспособность послужило участие дагестанских всадников в походах в Среднюю Азию 1870–1879 гг., в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и в русско-японской войне 1904–1905 гг. Успешными боевыми действиями Дагестанские полки проявили свои неординарные боевые качества, которые получили высокую оценку высших военных чинов российской армии, сломили сложившиеся у многих чинов царской администрации стереотипы. Дагестанские всадники, в числе которых были и горские евреи, доказали свою благонадежность и высокие боевые качества.

Дагестанский конный полк участвовал и в войне против имама Шамиля, в том числе и при взятии Гуниба 25 августа 1859 года. Следует отметить, что дагестанские полки, которые создавались во время русско-турецкой и русско-японской войн расформировывались сразу же после окончания военной кампании. Расформированию не подлежал лишь 1-й Дагестанский конный полк, который с 1894 года уже имел статус регулярной части. К началу первой мировой войны он входил в состав 3-ей Кавказской казачьей дивизии. 1-й Дагестанский конный полк послужил

кадровой основой при формировании в 1914 году 2-го Дагестанского конного полка, вошедшего в состав Кавказской туземной конной дивизии, получившей название «Дикая дивизия».

Подразделения из горцев Северного Кавказа воевали на разных участках театра военных действий как в конном, так и в пешем строю. Они не раз попадали в критические ситуации. Но каждый раз выходили из ситуации, покрыв себя «неувядаемой славой».

Примером признания боевых и личных качеств горцев может послужить обращение командующего 8-ой армией А.А. Брусилова, в котором он передает сердечную благодарность дагестанцам со словами: «Поздравляю население Дагестана с геройскими подвигами его сынов, радуюсь, что дагестанцы поддержали славу своих доблестных предков, отвага горцев и их беззаветная храбрость запечатлены массой боевых наград и не раз отмечены в приказах штаба Верховного Главнокомандующего».

При рассмотрении проблемы участия дагестанцев в Первой мировой войне вполне закономерно возникает вопрос: почему же горцы, упорно сопротивлявшиеся царской армии в течение нескольких десятилетий, сами вошли в состав этой ненавистной им ранее армии, да еще проявили чудеса отваги и бесстрашия? Каковы причины, побудившие дагестанцев идти добровольно на «чуждую» им войну?

Во-первых, служба на царя для зажиточной части дагестанского населения представлялась почетным делом, дающим определенные льготы и открывающим

возможности для дальнейшего продвижения. Во-вторых, была выгодна для бедняков в связи с тяжелым экономическим положением. Она позволяла горской бедноте ценой своей жизни зарабатывать приличные по тем временам средства для содержания семьи, да еще иметь и определенные льготы. Итак, военная служба являлась и престижной, и экономически выгодной, особенно в годы Первой мировой войны, когда всадники получали высокое жалование и земельные наделы, а их семьи освобождались от уплаты налогов. В-третьих, определенную роль сыграл и психологический момент. При объявлении набора добровольцев всегда упоминалось, что кроме дагестанцев на войну идут чеченцы, ингуши, осетины и другие народности Северного Кавказа. При этом срабатывало чувство собственного достоинства и гордости за свой народ, ведь в понимании горца добровольно на войну идут только самые смелые и храбрые люди. Поэтому никому не хотелось потерять свое лицо, в данном случае, лицо своего народа.

Героизм всадников, количество наград и благодарностей, заслуженных ими, окончательно сломали недоверие царской администрации к горцам Северного Кавказа. Более того, царское правительство, убедившееся в непревзойденных боевых качествах горцев в составе Кавказской туземной конной дивизии, развернула данную дивизию в корпус. Кроме этого, царское Временное правительство и царские генералы рассматривали «дикую дивизию» как оплот против революционных сил, на нее возлагали они большие надежды в деле подавления Октябрьской революции в Петрограде.

В январе 1916 года в Терской области началось формирование отдельного отряда, целиком состоявшего из амнистированных горцев-абреков, в частности, из ингушей и чеченцев. Предполагалось, что новое подразделение введено в состав именно горской Кавказской Туземной конной дивизии.

Необходимость в создании подобного воинского подразделения, целиком состоящего из кавказских горцев-абреков, неоднократно высказывалось начальником Терской области генералом С. Флейшером перед Наместником Его Императорского Величества на Кавказе, командованием Кавказского военного округа и Военным министерством еще в августе 1914 года в период формирования полков Кавказской Туземной конной дивизии. Впрочем дальше обсуждения этот вопрос более не поднимался вплоть до 1916 года.

Эти действия, предпринимавшиеся властями Терской области еще в начале войны, безусловно, преследовали прежде всего полицейско-административную цель. В качестве главного аргумента приводилась необходимость удаления на Западный (австро-германский) фронт «...наиболее беспокойной части местного населения» с учетом того, что намечалось участие Турции в войне против России и открытия второго Кавказского фронта русской армии. Под термином «беспокойная часть населения» подпадали именно горцы-абреки и та часть горского населения, которая уже попала в поле зрения Главного полицейского управления Терской области.

Многие горцы-абреки не преминули воспользоваться предоставленным им государством правом и на

добровольной основе вступали в формируемое новое подразделение горской дивизии. В феврале 1916 года, по завершении формирования, новое подразделение горцев-абреков получило наименование «Абреческая сотня». Она была придана Ингушскому конному полку Кавказской Туземной конной дивизии, к тому времени находившемуся в действующей армии на Юго-Западном фронте, как дополнительная 5-я сотня.

Практически с первых дней нахождения абреков в составе Ингушского конного полка на фронте действующей армии, они с честью и достоинством несли нелегкую боевую службу. Быть может, тут сказывалось то обстоятельство, что всадники-абреки, долгие годы вынужденные скрываться в горах, соскучились по настоящим схваткам с противником. Оказавшись в реальных боевых условиях, они проявляли такую безудержную смелость и лихость, что за короткое время заслужили в полках всей дивизии истинное восхищение их геройством. Многие из них, вопреки приказам офицеров, неизменно оказывались впереди атакующей кавалерийской лавы сотен полка. Особенно незаменимы были абреки в ночных вылазках на передовые позиции противника, в разведывательных и диверсионных рейдах.

К сожалению, боевой путь этого уникального воинского подразделения, как и Кавказской Туземной конной дивизии в целом, закончился весной 1917 года, когда полки дивизии после распоряжения Временного правительства и Военного министерства вернулись на Кавказ.

Глава 55. Доброволец

Беньягу въехал в расположение мобилизационной команды Русской императорской армии в Дербенте. Это произошло в иудейский *Йом-Кипур*ⁱ 1915 года. Тем самым он вверил свою судьбу суду Всевышнего.

Поцеловав свою гнедую Грету в огромные влажные ноздри, и, отдав ее на попечение военного конюха, он направился в комиссариат. Войдя в кабинет, Беньягу увидел прямо перед собой двух офицеров в форме капитана и штабс-капитана, сидящих за столами перпендикулярно друг к другу, и женщину в глубине кабинета в гражданской одежде, что-то печатающую на печатной машинке.

- Здравствуйте, господа! – уверенно и без акцента произносятся слова по-русски представился Беньягу.

- Здравствуйте! – ответил капитан, с любопытством глядя на вошедшего.

Тот был чисто выбрит и одет в свою любимую горскую походную одежду.

- К кому позволите обратиться по поводу добровольной службы?

- Подойдите ко мне! – произнес капитан.

Доброволец представился, впервые за долгое время, своим настоящим именем.

- Беньягу бен Ильизир Рафоилов.

ⁱ Йом-Кипур («Судный день», «День искупления» – досл. перевод с иврита) – самый важный из праздников в иудаизме, отмечается в десятый день месяца тишрей, завершая Десять дней покаяния.

- Иудей?

- Так точно, ваше высокоблагородие! Горский еврей.

- Есть опыт участия на службе в российской армии, в военных операциях? Заслуги перед Отечеством имеете?

- Никак нет! – ответил мужчина.

- Отчего Вы решили, уважаемый, э-э-э, Беньягу, что можете быть полезным армии Его Императорского Величества!

- Я потомственный нукер, занимался охраной частных лиц, сопровождением обозов, был бойцом отряда самообороны поселения, мой отец и дед служили в сопровождении караванов по Великом Шелковому пути.

- Много людей убили? – прямо спросил капитан.

- Людей не убивал. Только бандитов, ваше высокоблагородие.

- Ваша выправка и снаряжение говорит само за себя. А у меня, поверьте, глаз наметан, – последнее капитан произнес, видимо, для ушей штабс-капитана.

- Ко мне обращайтесь – «капитан Фарманян Александр Сергеевич!»

- Семен Аронович, у нас есть донабор во 2-ой Дагестанский?

- Укомплектован полностью. Существенных потерь не было.

- А как насчет *Дешлагага*¹?

- Запросов не было, Александр Сергеевич, – ответил штабс-капитан.

¹ Дешлагар – с 1846 года штаб-квартира 83-го Самурского пехотного полка, впоследствии получившая статус слободы, а потом – крупного военного поселения.

- В сухопутное подразделение пойдете? – спросил Александр Сергеевич.

- В любое боевое подразделение, Ваше высокоблагородие, Александр Сергеевич, – ответил Беньягу.

- Похвально! Похвально! Давайте документы!

- Нет документов!

- Как это? – изумился капитан.

- Я здесь, господин капитан, для того, чтобы вернуть себе легальный статус.

- Ничего не понимаю.

- Я слышал, что все мужчины с нелегальным статусом, в том числе абреки и члены банд, могут вернуть его, добившись боевых успехов на войне.

- Да, господин Беньягу, такая идея была при формировании конных подразделений Кавказской дивизии, но этот запрос после длительного рассмотрения не был поддержан Главным управлением Генерального штаба, и, в конечном итоге, ушел под сукно. Возможно, к нему еще там вернуться, но сейчас такого рода регламента нет, – с удивлением отметил капитан. – А Вы – абрек?

- Нет, господин капитан.

- Вы бандит?

- Нет, конечно, – ответил, пытаясь улыбнуться, Беньягу.

- И как же вы объясните, что живете без документов?

Беньягу, после некоторого замешательства, воззвал к капитану, как будто только тот мог ему помочь:

- Ваша высокоблагородие, помогите.

- Как? Вы же молчите! – повысил голос капитан. – Вы, очевидно, совершили преступление и не хотите за него ответить. Стало быть, Вас необходимо арестовать.

Доброволец молчал.

- Уроженцем какого поселения являетесь? – продолжил капитан.

- Поселок Геокчай Бакинской губернии.

- Добавить есть что о себе?

- Есть, – ответил Беньягу. – Кровью искуплю!

- Искупите что? – занервничал Александр Сергеевич. – Кого Вы убили?

- Мерзавца.

- В каких чинах был мерзавец?

- Просто мерзавец, без чинов, Ваше высокоблагородие, – произнес Беньягу и замолчал.

- Извините, милейший, выпустить Вас отсюда после того, что прояснилось я не могу. Просто не имею права.

- Что-нибудь еще можете пояснить?

- Нет, господин капитан.

- Ну что ж, – сурово произнес Александр Сергеевич, – господин штабс-капитан, пригласите, пожалуйста, конвойных для препровождения господина Беньягу бен Ильизир Рафоилова на гауптвахту.

- Слушаюсь, ответил штабс-капитан и, прокрутив два раза рукоятку на телефоне, коротко бросил в трубку:

- Конвой к капитану Фарманян!

Конвой явился через три минуты, на протяжении которых капитан задавал Беньягу практически один и тот же вопрос:

- Есть те, кто может походатайствовать за Вас среди властей или армейских чинов?

- Нет! – твердо отвечал мужчина.

Подошедший конвой из двух молодых солдат в легком обмундировании с винтовками попросил арестованного сдать оружие. Мужчина под внимательными взглядами всех находящихся в помещении осторожно снял и передал в руки конвоя свое оружие.

- Не потеряйте, – попросил он конвойных. – И лошадку мою поберегите.

Сказав это, Беньягу посмотрел в глаза капитану.

- Помогите, Александр Сергеевич!

- Разберемся! – в задумчивости произнес капитан. – За изъятое не переживайте, до решения военного прокурора его никто не тронет.

Так, через десять лет после предыдущего ареста, Беньягу снова оказался в заключении, проведя здесь около сорока дней.

Камера находилась в полуподвальном помещении одного из капитальных строений. Вместо нар прямо на земле располагалось несколько набитых соломой прошитых шпагатом мешков. Из двух зарешеченных крохотных окон на уровне полутора саженьей внутрь помещения проникал дневной свет.

Сидельцами вместе с нашим героем оказались три военнообязанных низших званий.

Первый – поговору белорус, а по внешности еще и недавний толстяк, вечно мучающийся от недоедания, брошен сюда за то, что, будучи поваром в армейской части, додумался сушить в варочном пищевом котле свое выстиранное исподнее белье и портянки. Бит за то коллегами по цеху нещадно. Задержание стало спасительным для простодушного паренька;

Второй – очевидный самострел. Хотя духом настолько слаб, засомневаешься, что он решился стрелять в себя;

Третий – нечаянно уронил часть вверенного ему артиллерийского орудия на ногу своему сотоварищу-сослуживцу, да так, что тот был комиссован.

Все трое были малоинтересны как дознавателям, расследующим их дела, так и Беньягу на период всего его заточения, поэтому ограничусь только что сказанным.

Было порою холодновато. Однако повар-белорус слезно выпросил у охраняющих нас солдат списанные шинели, коих хватило на всех. Никого из четверых арестантов не выводили ни на допросы, ни на прогулки. Как будто их уже нет вовсе. В еде не ограничивали, отпуская ее с солдатской кухни три раза в день.

В конце октября 1915 года Беньягу внезапно освободили в связи с отсутствием в отношении него незакрытых судебных разбирательств, отсутствием иных правонарушений, совершенных на территории Российской империи, а также за особые заслуги его и его предков перед Российской Империей.

Просветленное лицо Александра Сергеевича, лично освобождавшего его из гауптвахты, говорило о том, что господином капитаном была проведена немалая работа для того, чтобы этот горский еврей был освобожден и получил теперь настолько желанные им многие годы подлинные документы. В специальном кабинете мобилизационного управления Беньягу получил сохраненное в целости оружие.

Знал бы он, что скрываться ему все эти годы не от чего, может быть его жизнь пошла бы по иному пути.

- Что ж Вы молчали, Беньягу! – жизнеутверждающе смотрел на мужчину капитан. – Мир тесен, и достойный человек всегда найдет в нем подходящее его заслугам место.

- Спасибо Вам!

- На здоровье, милейший! Однако теперь, когда с Вашим статусом все в порядке, вы все еще хотите послужить Его Императорскому Величеству?

- Да, конечно, Александр Сергеевич!

- Состоялся набор в Сибирскую казачью бригаду, я лично ходатайствовал за Вашу кандидатуру! Уверен, Вы не посрамите честь своего протеже.

Капитан протянул Беньягу конверт с направлением в военное подразделение для прохождения службы.

- Так точно, господин капитан! – ответил тот, принимая конверт, и прощаясь с капитаном крепким рукопожатием.

Через несколько минут после прощания с капитаном, обнимая морду своей, соскучившейся по хозяину лошади, Беньягу дал волю своим чувствам. Две скупые слезы пали на его мужественное лицо.

Глава 56. Присяга

Руководство кадрами первого конного полка Сибирской казачьей бригады 2-го туркестанского корпуса Кавказской армии располагалось в штабе корпуса в окрестностях местечка Ольты Карсской области Российской империи. Сюда по адресу, указанному в направлении, Беньягу надлежало явиться для несения службы. В этих целях он направился в военно-транспортное управление железных дорог для получения предписания — каким маршрутом и в какие сроки он мог бы выдвинуться в направлении полка. Получив предписание, наш доброволец успел еще до отъезда воинского эшелона захватить в аул Мамраш и попрощаться с близкими.

Аульчане занимались своими делами и приезде Беньягу, несмотря на завершение полевые работ, мало кто уделил должного внимания. Никто из аульчан не стремился воевать. Им казалось достаточным, что с них изымали дополнительную военную подать. Попрощавшись с пришедшими его проводить мужчинами, Исроилом, Хануко и Симхо, обняв дочь, внуков и внучку, переговорив с Рамбомом, он, оседлав свою лошадь, выехал за ворота, и произнес:

- Берегите друг друга! Все войны заканчиваются, и эта закончится!

- Не беспокойся за Мозолут, за внуков. Все будет хорошо! Ты, главное, под пули не бросайся, – похлопав по крупу лошади, произнес Рамбом. – Худо Кумек!

Беньягу, потянув за уздцы свою Грету, ускакал прочь.

Через десять дней он по железным дорогам добрался до российского областного центра – города Карс, а еще через сутки до расположения первого конного полка Сибирской казачьей бригады.

В штабе наш герой был приписан к пятой сотне первого конного полка. В отличие от ожидаемого Беньягу обилия казаков, состав сотни, да и всего полка, был крайне многообразен. В полку помимо казаков и русских были представители других народов: широколицые казахи, волжские татары, представители народов Сибири; существенная количество армян; были греки и грузины; и, что несколько порадовало новобранца, два земляка-дагестанца. Это были Хасан из селения Аглоби и Нуретдин из селения Ахты. Земляки приняли Беньягу крайне доброжелательно, выказывая ему почтение, как старшему. Они показали ему расположение полка, представив его десятнику, взводному уряднику и начальнику сотни, помогли без проволочек встать на довольствие и получить штатное обмундирование, поставить Берту в конюшню и получить на нее фуражное довольствие.

Хасан — мужчина лет тридцати пяти, роста ниже среднего, атлетичного телосложения бритый брюнет с усами, с довольно оптимистическим и веселым характером. Нуретдин также невысокий брюнет, однако, худощавый, малоразговорчивый и косноязычный, увлекается техниками йоги и медитации, объясняется с собеседниками сложно и витиевато. Понять сколько ему лет на вид сложно, в диапазоне где-то от тридцати до сорока лет.

Оружие, привезенное с собой, в т. ч. кинжалы и пистолеты, учитывая национальные особенности горцев, у них не изымалось. Однако в общем парадном строю горец с таким оружием не мог стоять в первой шеренге. В нее, по обыкновению, становились сослуживцы со штатным обмундированием, снаряжением и вооружением.

Пару недель Беньягу привыкал к новой жизни в коллективе, в котором он был несколько старше других. Впрочем на тренировках в свойственной казакам работе с шашкой он ничем им не уступал. А в нескольких первых разъездах, в которые Беньягу направляли в составе подразделения, он показал достойную сноровку и выучку. Еще практически не повоевав, он, то ли в силу возраста, то ли в силу выучки, а может и в силу недостатка нижних командирских чинов, был назначен десятником. Вместе с назначением, перед парадным строем полка, Беньягу принял присягу на служение Его Императорскому Величеству. К нему в подчинение сразу же, подав соответствующие рапорта, перешли земляки – Хасан с Нуретдином. Так что, в пятой сотне первого конного полка Сибирской казачьей бригады появилось небольшое подразделение дагестанцев.

Беньягу не сторонился компаний сослуживцев, собиравшихся на досуге и обсуждавших разные моменты своей службы, ситуацию на фронтах, новости из дома, рассказывающих всевозможные анекдоты и байки. Среди таких рассказчиков, обычно собирающих вокруг себя немало слушателей, выделялся один молодцеватый казак Пашка. Рассказывая байки и периодически с иронией задирая некоторых из своих сослуживцев, он добивался и

сосредоточенного внимания к себе и веселого расположения духа собравшихся. Иногда звучали анекдоты о евреях, в основном характеризующих их, как расчетливых и хитрых, чуждых чистой, прямой и открытой казачьей душе. Беньягу, выслушивая такие анекдоты и байки, лишь снисходительно улыбался.

Как-то вечером Пашка нарочито негромко, чтобы все прислушивались к его голосу, рассказывал душещипательную историю о христианских младенцах, кровью которых, как он утверждал, пользовались евреи в своих наиболее важных религиозных обрядах, об исчезавших тот тут, то там малолетних детях и их трупах обнаруженных впоследствии полностью обескровленными.

- Врешь! Врешь, казак! – как гром среди ясного неба прозвучал голос до того всегда молчавшего Беньягу.

Слушавшие Пашку сослуживцы обернулись на стоящего у дерева в нескольких шагах от них воина. Тот подошел к сидящему на корточках рассказчику и угрожающе произнес:

- Прикрой свой дерьмовый рот, подлец!

Пашка резко приподнялся, хватаясь за рукоять своей сабли, и оказался лицом к лицу с разъяренным горцем. Некоторое время они смотрели друг на друга, после чего Пашка непонимающе произнес:

- Ты чего?

- Хватит врать, казак!

- Я не вру! Это правда! В газете было! За что купил, за то и продаю, – безуспешно стараясь быть хладнокровными, произнес Пашка.

- А голову свою, купчина, за такую правду готов положить? – сухо произнес Беньягу придерживая рукоять кинжала.

Пашка в непонимании и некоторой растерянности молчал, пока между ними не встал внезапно появившийся в свете костра прапорщик Филатов.

- Чего еще не хватало, между своими лаяться. А ты, Пашка, кончай чушь всякую травить, – авторитетно и примиряюще говорил прапорщик. – Расходимся. Через пять минут вечерняя поверка.

В этот вечер, не зная до того о существовании горских евреев, сотня, впервые познакомилась с одним из его представителей в лице знакомого им уже старшего товарища-горца. Разговоры о христианских младенцах прекратились, а анекдоты про евреев от того же Пашки, который предпочел стать приятелем Беньягу, продолжили звучать, но стали несколько мягче по отношению к ним и ироничнее.

Глава 57. Герой Илджу

Не прошло и нескольких недель после прибытия Беньягу в бригаду, как в ней началось какое-то активное движение. Со слов старожилков, это могло означать начало крупной военной операции. Состав Сибирской бригады перед самым русским рождеством 1915 года был откреплен от 2-го туркестанского корпуса и переведен наряду с некоторыми другими воинскими подразделениями в армейский резерв. Далее последовал приказ командующего Кавказской армией генерала Юденича о срочной предварительной передислокации бригады в село Шекерли.

С 1 января 1916 года, уже после начала боевой операции основными силами, все отобранные в резерв подразделения были передислоцированы в окрестности села Санонер, откуда началось их последующее выступление с целями углубления прорыва, достигнутого ударом основных сил, и выхода в тыл противника.

С вступлением Турции в Первую мировую войну Россия получила новый фронт — Кавказский, который проходил на широкой полосе от Черного моря до Арарата. При этом приходилось учитывать и возможность сражений на западе Персии. Однако российские военачальники считали этот новый фронт неважным, второстепенным, предпочитая держать основные силы на западных фронтах и постоянно «обирали» Кавказскую армию ради них. Взамен войска на Кавказе пополнялись местными ополченцами, а также армянами, отношения которых с турками в Османской империи были осложнены кровавыми

межэтническими конфликтами. Местность, где предстояло воевать оставшимся частям была суровой с глубокими мрачными ущельями, нередко сплетающимися в лабиринт. По большинству горных троп могли пройти без подготовки лишь пешеходы и навьюченные животные.

Анвар-паша, фактический правитель Турции и большой авантюрист, мечтал не только захватить Закавказье вплоть до Баку, но и поднять мусульман на Волге и Западной Сибири. Однако стойкость нескольких оказавшихся в нужном месте подразделений, полководческие таланты генерала Юденича, отсутствие у турок зимней одежды и обуви спасли Кавказскую армию от полного окружения и разгрома. Наоборот, разгромлены были турки, пытавшиеся при сильном морозе, в бураны, и даже без еды обойти русские позиции по горным тропинкам.

После провала французов и англичан на Дарданельском фронте у турок освободилось множество лучших дивизий, которые направлялись на Кавказ. Необходимо было постараться разбить имеющиеся на фронте турецкие войска, причём непременно до прихода к ним подкреплений. На бои отводился январь 1916 года, ещё месяц войска бы отдыхали, ожидая прибытия свежих турецких войск в марте.

Важнейшим городом, символом и столицей края был Эрзерум, лежащий на пересечении старинных дорог.

Поскольку фланги турок упирались в труднопроходимые горные районы, командующий Кавказской армией генерал Николай Юденич выбрал местом главного удара центр турецких позиций в направлении на село Кепри-кей и одноименный мост. Одновременные атаки оставшимися силами на других

направлениях должны были отвлечь внимание турок и не позволить противнику осуществлять передислокации.

Итак, 28 декабря начали наступление основные силы — 2-й туркестанский корпус, а в ночь на 30 декабря 1915 года — 1-й кавказский корпус. Едва только обозначился прорыв на фронте ударной группы, как по приказу штаба армии через этот прорыв в ночь на 3 января была направлена Сибирская казачья бригада с особой задачей — взорвать мост на реке Аракс у села Кепри-кей. Уничтожением этой переправы были бы разобщены турецкие войска, действовавшие по обеим сторонам реки, а войскам, действовавшим к югу от реки, были бы отрезаны лучшие и кратчайшие пути на Эрзерум. Впрочем, кавалерия заблудилась ночью в горах при начавшейся метели и возвратилась в исходное положение, не выполнив задачи. Впоследствии было выяснено, что бригада почти достигла моста, но, сбившись в непроницаемой тьме, проблуждав целую ночь, повернула назад.

Это было настоящим испытанием для Беньягу и его подразделения. Беспощадный мороз, постоянно падающий снег и темнота, следование ошибочными маршрутами изнурило и озлобило некоторых бойцов. В этом неудавшемся наступлении проявились многие застарелые болячки — как людские, так и межэтнические, проявилось многообразие и особенность характеров многонационального подразделения. Были примеры как взаимовыручки, так и полного нетерпения в отношении своих боевых коллег. Невыполнение первой боевой задачи эмоционально захлестнуло большинство казаков и уязвило некоторых начальников.

К тому же многие бойцы, понадеявшиеся на быстрое выполнение задачи, отморозили ступни и пальцы ног, а некоторые и уши, несмотря на наличие всего необходимого зимнего обмундирования. Эти люди не могли выступить в дальнейшем. Для восстановления отмороженных участков тела в оборот шло огромное количество несоленого сала, которое казаки запасали для такого случая.

Несколько разочарован был и Беньягу, но ни разу и ничем не проявил своего отношения к этому. Было одно живое и близкое ему существо, к которому у него уж точно не было никаких претензий. Это его лошадь Грета. Она прекрасно вела себя в этом боевом походе. Степная и пустынная по происхождению, но определенно горная по выучке, в кромешной тьме она прокладывала дорогу в направлении атаки по более безопасному маршруту, несомненно, видя больше своими огромными полусферами глаз.

Триумфатором прорыва 3 января стало другое резервное подразделение: действиями 4-ой кавказской стрелковой дивизии, которая наступала во фланг и тыл турецкой группе войск, удалось углубить прорыв на северном берегу реки Аракс.

После того как турки использовали все свои оперативные резервы в этом районе, они в ночь на 4 января начали быстрый отход, который был замечен русскими только утром. В ночь того дня четвертая кавказская стрелковая дивизия заняла село Кебри-кей, к которому чуть позднее подошли части 1-го кавказского корпуса, преследовавшие поспешно отступающих турок, которые отходили, оставляя свои артиллерийские склады.

5 января Сибирская казачья бригада с третьим Черноморским казачьим полком вела разведку на горе Хасан-кала, а на следующий день, атаковав турецкий аррьергард у этого города, на плечах турок ворвалась в этот город, а затем преследовала беспорядочно отступающего противника почти в темноте.

Части бригады в 16 часов того же дня захватили село Куруджук и также гнали турецкий аррьергард силою до четырех батальонов с артиллерией, изрубив до тысячу турок. Во время этих преследований конницей было захвачено до полутора тысяч пленных четырнадцати различных полков, принадлежащих к восьми различным дивизиям.

Это было первым, но не последним триумфом Сибирской конной бригады в этой операции. Рвение конницы оценили по всему Кавказскому фронту.

Беньягу в этой битве открыл свой счет убитых турок, зарубив нескольких попавшихся на его пути сопротивлявшихся противников. Всадники бригады были довольны проведенной боевой операцией, количеством завоеванных трофеев, очевидно, перечеркнув воспоминания о неудаче, произошедшей накануне.

По овладении городом Хасан-кала и Кепри-кейской укрепленной позиции, несмотря на предложение командующего Кавказской армией 6 января 1915 года продолжать атаковать деморализованные и расстроены турецкие войска в их крепостях и фортах, штурмовать Эрзерум, главнокомандующим Кавказским фронтом несколькими телеграммами были даны поручения остановить наступление, занять позиции и, в ожидании чуть

отставшего в боях 2-го туркестанского корпуса, используя самым широким образом конницу проводить разведку позиций противника.

В активной части Эрзерумской операции наступила пауза.

В ночь на 30 января 1916 года с разных исходных позиций после масштабной артиллерийской подготовки начался пятидневный штурм Эрзерумской крепости. Для корректирования артиллерийского огня использовали перебежчика – турецкого офицера Эрзерумской крепостной артиллерии.

Командующий Кавказской армией, получив данные от авиации об отходе турок из Эрзерума, для достижения решительного успеха сосредоточил в руках командира 2-го туркестанского корпуса управление действовавшими по соседству с ним колоннами других подразделений, а также подчинил ему находившуюся до этого в резерве Сибирскую казачью бригаду, располагавшуюся до этого к западу от села Кепри-кей в селах Миндигван и Омраком. Конница получила задачу действовать на сообщения турок, захватить пути их отступления к Эрзеруму и вести разведку. К утру 2 февраля 1916 года Сибирская казачья бригада уже прошла село Кечк и шла на село Еникей, а к полудню конница уже выступила из села Тафта в направлении на село Илдж, т.е. наперерез главной линии сообщений турецкой армии – Эрзерум, Эрзинджан, развивая наметившийся прорыв на решительном участке фронта.

В семь часов утра 3 февраля русские заняли оставленный турками Эрзерум. С этого момента началось

преследование отступавшей третьей турецкой армии, понесшей при этом очень большие потери.

Взятые доблестной Кавказской армией при овладении турецкой крепостью Эрзерум трофеи – девять роскошных шелковых, вышитых золотом, знамен с изображением на каждом полумесяца и изречениями из Корана, названием воинской части, которой оно принадлежало, а также четыре ключа от крепости Эрзерум, вложенные в большой ящик палисандрового дерева, обитый изнутри черным бархатом. Ключи поднесены завоевателю Эрзерума особой делегацией от местных жителей – турок и армян.

Конный полк Беньягу весь следующий день преследовал турок. Приходилось передвигаться и по отвесным склонам холмов, погруженных более аршина в снег, со скрытыми наледями. Это делало движение конницы чрезвычайно затруднительным, а действия в конном строю совершенно невозможными. На одном из участков конница, пробившись за пехотой в «один конь» в снегах, вышла одновременно с главными силами на восток от Эрзерума, где пролегают лучшие пути. Появление конницы ускорило беспорядочный отход турок. 4 февраля для их преследования вслед за конницей была выдвинута и пехота. При дальнейшем преследовании Сибирская казачья бригада совместно с пехотой захватила последние остатки 34-ой дивизии и одиннадцать орудий.

Преследование турок продолжалось вплоть до второй половины марта. Отступавшие части турок прикладывали все усилия, чтобы оторваться от преследования, но это им не удавалось, и их утомленные боями арьергарды лишь увеличивали число пленных.

Особенно трагичен был исход мирного турецкого населения – в зимних условиях, по льду, в поднявшихся метелях, сильных снегопадах и буранах, а затем, и в наступившей распутице.

Всадниками первого конного полка Сибирской казачьей бригады, в том числе взводом Беньягу, в тяжелых погодных условиях были взяты с десятков поселений турок. Однако по завершении операции практически весь состав полка был награжден георгиевским крестом преимущественно 4 степени за атаку у села Илиджи с захватом штаба, знамен и артиллерии противника.

Итак, русские войска вышли к Евфрату, то есть к границам Сирии. На западе был занят Эрзинджан, на приморском участке – Трапезунд. Впереди был выход русских войск в сердце Анатолии. Османская империя стояла у порога гибели.

Уже разрабатывались планы по захвату Стамбула, древнего Царьграда, водружению православного креста над Святой Софией. Но этим планам не суждено было сбыться... Разразившаяся в начале 1917 года революция перечеркнула близкую победу России, свела на нет все успехи русского оружия в Закавказье.

Глава 58. Рахамим

Осень 1916 года выдалась холодной в горах, предгорьях и приморских областях завоеванных у Османов земель. Вторая половина года была позиционным периодом Первой мировой войны. Турецкие и российские армии предпочитали не соваться в расположения войсковых частей друг друга, а регулярно наносили по ним удары минометами и дальней артиллерией.

Сибирская казачья бригада 2-го туркестанского корпуса Кавказской армии дислоцировалась в сорока верстах от отвоеванного в апреле 1916 года у турок порта Трапезунд. Сейчас здесь располагалась весьма удобная для снабжения русских войск база российского Черноморского флота.

Будучи взводным урядником, Беньягу получил приказ срочно выдвинуться в составе сводного подразделения к обстрелянному из вражеских минометов обозу с обмундированием и снаряжением, следовавшему из Трапезунда по горной дороге к месту дислокации бригады. Задача – восстановление движение обоза, поиск и поимка в окрестностях обстрела вероятных лазутчиков и наводчиков минометного огня, эвакуация тел убитых с места обстрела и доставка раненных в госпиталь.

Обнаруженный в десяти верстах от расположения корпуса обоз действительно был в плачевном состоянии. Очевидно, что обстрел велся по наводке. Из дюжины обозных военных в строю осталось пятеро, четыре лошади

были убиты, либо пребывали в агонии. Пока одна часть отряда занимались восстановлением обоза, поднимая и ставя на колеса пригодные для транспортировки повозки, впрягая в них своих скакунов вместо убитых, другая разбрелась по горам в поисках лазутчиков и наводчиков, третья собирала тела убитых и раненных, для транспортировки которых освобождались две из уцелевших повозок, и вела наблюдение за окрестными холмами, пытаясь обнаружить врага и предупредить сослуживцев.

Беньягу с его подчиненными входили в третью группу. Перевернув один из трупов, он, на всякий случай приложил несколько пальцев ладони к горлу несчастного. Ему показалось, что тот был еще жив, хотя в груди рядового солдата зияла кровоточащая рана.

«Какой молодой и красивый парень, – подумал он, взглядываясь в лицо, которое показалось ему очень знакомым, – ему жить бы и жить».

К счастью слабый пульс прощупывался, и урядник Рафоилов крикнул:

- Живой! Носилки сюда, живо!

Пока не поднесли носилки, на которых только что погрузили в одну из повозок четыре трупа, Беньягу воспользовавшись армейской аптечкой, заткнул отверстие на груди парня цельной пачкой бинтов, бинтом из второй пачки обмотал тело парня, сняв с того шинель и часть обмундирования.

Носилки с ранеными, их оказалось двое, были погружены во вторую повозку рядом с одним из трупов. Беньягу приказал трем своим бойцам срочно сопроводить повозки с трупами и ранеными до госпиталя, и, после этого,

вернуться в расположение. На тело бойца, которого только что забинтовывал Беньягу, были накинуты его же шинель и шинель одного из убитых. Обморозиться в этих условиях было проще простого.

- Хасан, жизнью за него отвечаешь! – отдал распоряжение Беньягу, отчего-то глубоко сопереживая судьбе этого, очевидно, горского парня.

Через полчаса обоз был восстановлен и направился по месту назначения. Лазутчики были обнаружены, они скрылись в близлежащем турецком селе. Наводчиком был пятнадцатилетний мальчик из того же села, который с противоположного холма корректировал стрельбу минометным расчетам из имевшихся у него пистолетов.

В село не пошли. Но и оставлять нападение на обоз неотомщенным было нельзя. Всему свое время. За селом организовали наблюдение. На дорогах к нему поставили пикеты.

- Довез? – спросил Беньягу вошедшего вечером в расположение Хасана.

- Довез. Только сказали, операция предстоит сложная. Осколки прямо возле сердца.

- Все мы во власти Господа! Худо Кумек! – произнес мужчина. – А кто он?

- Либо тат, либо еврей, – отметил Хасан.

- А почему ты так решил?

- Он пить просил в бреду!

- И как же?

*Ов ди мэрэ, э духдер!*ⁱ

- Да, действительно, – задумался Беньягу.

- А, сколько лет, на твой взгляд, этому раненному? – продолжил мужчина расспросы.

- Лет двадцать пять где-то.

- Вот и моему сыну сейчас двадцать пять.

Сказав это, мужчина потянулся к внутреннему карману своего бешмета и вынул оттуда фотокарточку. На фото был его сын Рахамим. Беньягу внимательно всматривался в лицо своего двенадцатилетнего сына и не мог в это поверить. С фотографии на него смотрел тот самый раненный солдатик.

Утром, еле дождавшись окончания построения, Беньягу с Хасаном выехали в военный госпиталь. Отцовское сердце колотилось как тысяча пальцев, бьющихся о *деф*ⁱⁱ. Он не ехал, он летел на встречу своей судьбе. Когда всадники доехали, их лошади совершенно выбились из сил.

Русский военный госпиталь находился в городе Трапезунд на месте располагавшегося здесь до этого госпиталя немецко-турецкой военной базы. Это было длинное трехэтажное каменное здание с парадным фасадом и парком с обратной стороны, по узким мощеным аллеям которого между практически голыми деревцами акаций гуляли раненные и персонал. Здесь же, на отдалении, в пределах изгороди из кованых железных прутьев, размещались три похожих длинных одноэтажных побеленных здания – это были хозблок, конюшня и морг.

ⁱ Ов ди мэрэ, э духдер! – Дай мне воды, девушка! – перевод с джуури.

ⁱⁱ Деф – ударный музыкальный инструмент с круглой деревянной обечайкой и кожаной мембраной.

- Вы к кому? – спросил возбужденного мужчину дежурный врач госпиталя, разговаривавший в коридоре первого этажа с медицинской сестрой.

- Я... – задыхался Беньягу, – я к сыну!

- Так, а как зовут сына?

- Рафоилов Рахамим, – несколько сомневаясь произнес мужчина.

Военный врач ответил:

- Да, есть такой! Вчера лично оперировал.

- Что с ним, доктор? – включился в беседу Хасан.

- Минное осколочное ранение груди, состояние тяжелое, – ответил врач и, отвернувшись от мужчин, собрался было уходить.

- Что с ним? Что с моим сыном? – заревев как лев и схватив медицинского офицера за грудки, спросил наш обезумевший урядник.

В это мгновение какая-то сила сжала грудь самого Беньягу, да так, что он не мог даже вздохнуть, и бросила его на пол.

Через некоторое время мужчина пришел в себя. Он лежал на тележке-каталке в коридоре госпиталя. Папаха была снята и лежала у его изголовья, ворот бешмета был расстегнут. Рядом стоял озабоченный Хасан. Знакомый уже Беньягу врач что-то вкалывал ему в вену.

- Сколько Вам лет, уважаемый? – спросил врач.

- Сорок четыре, – ответил он.

- Пора бы уже в отставку, дорогой! – назидательно и мягко как с пожилым человеком говорил врач, приложив свои пальцы к запястью мужчины. – Сердечко-то уже... не до кавалерийских наскоков.

- Что с моим сыном? – спросил Беньягу привстав и опустив ноги с тележки-каталки.

- Хорошо. Только успокойтесь, ладно. Даете обещание спокойно выслушать?

- Даю! – выдохнул Беньягу. – Говорите уже.

- Два крупных осколка вынули. Один чешуйчатый осколочек размером с зернышко вынимать не стали. Он остался у области сокращения сердечной мышцы. Так что Ваш сын жив, но все зависит от того, как поведет себя его ослабленный организм. Всю необходимую терапию мы ему дадим. Даже если Ваш сын выздоровеет, эта чешуйка не рассосется. Она всю оставшуюся жизнь будет как взведенный курок, ждать своего часа, чтобы выстрелить, – пояснил дежурный врач. – Ему еще повезло. Будь осколок несколько глубже, он погиб бы на месте, как те пять трупов, что вы привезли вчера.

- Я могу его увидеть? – спросил Беньягу.

- Если Вы уверены, что это его не огорчит, то приходите послезавтра.

- А завтра можно прийти, просто посмотреть на него?

- Не раньше 15.00. Вам ясно?

- Ясно.

- А теперь идите, у меня много работы, – заключил врач и ушел, наказав санитару, глядя на своих предыдущих собеседников, никого не пропускать.

- Хасан, прошу тебя, брат, никому не говори о том, что ты видел, – попросил Беньягу, когда они всю дорогу молча направлялись в расположение полка.

- Я и не собирался. И кому мне говорить об этом.

На следующий день, накануне предстоящей утренней операции в турецком селе, Беньягу втайне от своего начальства посетил госпиталь. Он просидел у постели сына три часа, после чего вынужден был выехать в расположение на поверку и получение плана действий своего взвода в предстоящей боевой операции. Хасан, как и было оговорено с Беньягу, несколько раз прикрыл товарища, когда в нем появлялась необходимость у кого-нибудь из начальства.

Рахамим все еще был в тяжелом состоянии. Воспаление раны могло привести к абсцессу, однако, как уже говорилось, в войне наступил позиционный период, раненных было значительно меньше того количества, что мог обслуживать госпиталь, и поэтому Рахамиму уделялось достаточно внимания медперсонала. Несколько раз Беньягу прикладывал ладонь к горячему лбу сына и сокрушался о том, что отдал ребенка, хоть и погибшему за него, но чужому человеку, и что не мог разыскать его много лет.

На карточке, прикрепленной к кровати сына, обеспокоенный отец прочитал: Рафоилов Рахамим, рядовой, вторая охранно-хозяйственная рота, второго полка 1-й Кавказской нерегулярной армии, 25 лет, призван: Маджалисский мобилизационный отдел Дагестанской области – осколочное ранение в области сердечной мышцы.

Здесь стоит отметить, что 25 июня 1916 года был издан указ «О привлечении мужского инородческого населения для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ». Указом предусматривалась мобилизация на подобные работы мужского «инородческого» населения

России, в том числе Кубанской, Терской, Дагестанской областей, в возрасте от 19 до 43 лет. Указ нанес ощутимый удар по хозяйствам горцев, оторвав наиболее работоспособную часть населения. Тысячи горцев были мобилизованы как персонал конно-вьючного транспорта, обслуживавшего различные части.

Недовольство среди крестьян-горцев особенно усилилось во второй половине 1916 г. Оно было связано с изданием правительственного закона «О привлечении реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи». Принудительная реквизиция подвод, мобилизация на тыловые работы мужчин вызвали бурные протесты горцев, в ряде случаев переходящие в вооруженные выступления.

Новые поборы и призывы порождали у горцев стремление уклониться от них. Формировать горские подразделения становилось всё труднее. Поток добровольцев резко сократился. Горцы отказывались идти на фронт.

Тем не менее, подавляющее большинство мужского населения Дагестанской области в молодом и зрелом возрасте, которое ранее могло оказаться на войне только по доброй воле, теперь же служило в нерегулярных войсках по соответствующему указу. К слову сказать, на службу были призваны, помимо Рахамима, и известный нам помощник Беньягу по самообороне аула Мамраш Симхо, и карчагские братья Пенуил с Гьомиилом.

А сейчас, пожалуй, вернемся к нашему герою. Только теперь, за прошедшие два дня с момента обстрела обоза,

Беньягу понял, что он уже далеко не молод и в какой-то момент, в бою, понадеясь на свою былую ловкость и изворотливость, он может чуть опоздать с маневром и его опередит более молодой и дерзкий противник. В сотне старше него был только заведовавший полковым хозблоком прапорщик Филатов, с которым у него были неплохие личные отношения.

Посидев рядом с сыном и поговорив с медсестрой и лечащим врачом, Беньягу умчался в расположение сотни. И вовремя. Значительно меньше ростом своего земляка, чернявый с густыми бровями Хасан уже было стал во главе взвода вместо друга и размышлял лишь о том, какую назвать причину отсутствия своего начальства.

Ранним утром следующего дня началась запланированная после минометного нападения на обоз операция возмездия. Село, в котором проживали лазутчики и подросток-наводчик, повинные в атаке на обоз, пребывало в легкой морозящей дымке. Вторая и пятая сотни первого конного полка Сибирской казачьей бригады с двух сторон ущелья тихо вошли в селение и окружили практически все его жилые постройки. По уговоренному сигналу в жилые постройки полетели факелы. По выбегавшим из жилищ людям велась стрельба из всего штатного оружия. Женщины с малыми детьми, если повезет, пробегали сквозь кавалерийское оцепление и бежали врассыпную. Мужчин же, особенно с оружием, безжалостно уничтожали.

Беньягу, несмотря на то что кто-то из этого села, а может быть и не один, был виновен в тяжелом ранении его сына, не хотел никого убивать. Он молился за жизнь своего

Рахамима. Отнимая в это же время жизнь у других, он пошел бы против своего Господа.

Через два часа от села не осталось ни одной несгоревшей постройки.

В расположение сотня вернулось довольно поздно, поэтому навестить сына Беньягу смог только на следующий день. Рахамим пришел в себя, но говорить ему еще было нельзя, о чем дежурный врач и сообщил, обрадованному этим известием, отцу.

- Сынок! – тихо позвал Беньягу, присев на табурет рядом с больничной койкой. – Сыночек мой, Рахамим!

Молодой человек тяжело открыл глаза, огромные черные круги под которыми, казалось, занимали существенную часть лица, и стал всматриваться в человека, чей голос он слышал. Едва сосредоточившись на лице мужчины в форме хорунжего, он снова закрыл глаза и больше их не открывал до самого ухода Беньягу.

- Все! Все, на сегодня, – безапелляционно произнес подошедший к койке врач, взглянув в лицо больному и пощупав его пульс на руке. – Идите! Завтра придете.

- Как у него дела? – спросил в больничном коридоре озадаченный внешностью и реакцией сына отец.

- Как видите, ему удалось выкарабкаться, хотя надежд было, прямо теперь скажу, не очень, – ответил врач.

- А с Вами то все в порядке? – спросил он в свою очередь у обеспокоенного мужчины. – Вы крайне бледны для Вашего типа кожи.

- В порядке. Спасибо, доктор. Завтра приду.

На следующий день он прийти не смог. Сотне была поставлена задача с дальним разъездом. Но через день Беньягу снова сидел на табурете возле своего сына.

- Как ты, сынок? – спросил он.

- Я тебе не сын, – после паузы с некоторым равнодушием, глядя отцу в глаза, ответил Рахамим.

- Как это, не сын? – опешил несчастный отец.

- Какой же ты мне отец? – хладнокровно ответил Рахамим. – Давай, может быть, вспомним вместе, что ты меня бросил?

- Как же бросил? Как же бросил, сынок? – растерянно оправдывался Беньягу. – Отдал на обучение. Временно. Хотел, чтобы ты профессию освоил... Время трудное было.

- Ага, временно! Здравствуйтесь, 1916-й год. Ты зачем пришел, старик? За «спасибо!», – зло выговорил Рахамим.

Посмотреть на этого мужчину со стороны, он действительно сдал за последние дни. Он был худ, бледен, вместо живого огонька в темно-карих глазах, в них обозначилась некоторая блеклость и слезливость. Штатное казачье обмундирование под белым халатом не прибавляло ему теперь должной удачи и достоинства, напротив, смотрелось как тщетно скрываемый театральный костюм.

- Зачем ты так, Рахамим? Не было такого времени, когда я не хотел отозвать тебя домой. И отзывал.

- И что?

- Твой мастер Уста-Курбан не отпускал тебя. И думаю, что специально.

- Не смей! Не смей произносить это имя, слышишь. Именно Уста-Курбан был мне настоящим отцом, а не ты. Именно он воспитал меня и научил меня всему. Он – мой

отец, слышишь? – выпалив это, насколько ему позволяло пока еще неокрепшее здоровье, Рахамим рывком перевернулся лицом на противоположную от отца сторону койки и застонал от нестерпимой боли.

Подскочила санитарка, очевидно, между делом, подслушивавшая разговор и, пеняя Беньягу на его бестактность к тяжелому больному, прикрикнула:

- Мужчина, что ж это Вы так набросились на больного?

- Это мой сын. Я искал его много лет. Это мой сын! – как будто оправдывался перед санитаркой, полнотелой дамой в синем халате, Беньягу.

- Рахамим, сынок! – обратился он к лежащему спиной сыну. – Я всегда любил тебя и думал о тебе, сынок.

Однако Рахамим не поворачивался.

- Ну, хорошо, хорошо, – очевидно пожалела Беньягу санитарка. – Идите, пока. Завтра придете. Знаете, время может помочь.

- Прости меня, сынок! – произнес несчастный отец, все еще отчаянно надеясь, что, услышав эти слова, сын все же повернется, и они обнимутся.

Беньягу вышел и больше никогда не видел сына.

Когда через несколько дней после успешно проведенной боевой задачи он вновь посетил госпиталь, Рахамима еже выписали и, комиссовав, отпустили по месту жительства.

У знакомого уже ему врача оперировавшего сына Беньягу узнал, что Рафоилов Рахамим (прочерк в колонке «Отчество») проживает в селении Маджалис, женат, имеет троих детей.

Глава 59. Последняя встреча

Вышеуказанные обстоятельства — долгожданная встреча с сыном, его жесткое неприятие — серьезно подорвали здоровье Беньягу. Не было в нем той прежней жажды жизни. Он практически перестал общаться со ставшими ему за год службы друзьями, Хасаном и немногословным, и спокойным до той поры, пока это не касается его чести, земляком Нуретдином. Все чаще мужчина уходил один в лес и подолгу размышлял.

В один из вечеров Нуретдин рассказал Беньягу, что какой-то кавалерист, по виду и говору дагестанец, из проезжавшего днем мимо расположения полка конного разезда интересовался своими земляками из Геокчая или Юга Дагестанской области. На это сослуживцы указали, что вроде есть трое, назвав имена. Так как в расположении из названных был только Нуретдин, этот земляк-кавалерист подошел к нему, обнял и стал расспрашивать:

- Здоров земляк, как у вас тут служба?

- Ничего, нормально, – ответил Нуретдин.

- Как мой старый знакомый Беньягу поживает?

- Ничего, нормально.

- Нуретдин, а где он сейчас, не скажешь? А то бы встретились. Знаешь, как он будет рад мне? – сказав это, гость невольно схватился за живот в области селезенки. – Где он вообще может быть?

- Может на задании, не знаю! – ответил Нуретдин, заподозрив что-то неладное, так как в какой-то момент

гость странно оскалился и злобный блеск его глаз нечаянно пробился сквозь показное добродушие.

Накапливавшаяся в Нуретдине и его народе вековые предосторожность и недоверие к чужакам подсказывали ему, что этот огромного роста человек не является другом Беньягу. Он почти сразу же не поверил чужаку, его объятьям и словам. Что-то звериное было в давно не знавшем бритвы темном лице горца. Вдобавок, Нуретдину было совершенно очевидно, что тот чего-то не договаривал.

- А тебя как звать и откуда ты? – спокойно спросил Нуретдин.

- Знаешь, дорогой, я хочу сделать сюрприз своему геокчайскому брату, сам с ним повстречаюсь на днях.

- Как знаешь, земляк. Только Беньягу не из Геокчая, он *хасавюртовский*¹.

- Ты не путаешь, земляк?

- Нет, – спокойно ответил Нуретдин.

- Ладно. А дети его как же, сын и дочь?

- Нет. Нет у него сына. И дочери, как я знаю, нет.

- Жаль. А не врешь ты мне, Нуретдин?

Нуретдин с недоверием посмотрел на гостя, схватившись за рукоятку кинжала.

Гость, двухметровый хорунжий с большим немного скуластым лицом и с черной бородой, начинающейся почти-что из-под глаз, широко улыбался, глядя на небольшого роста худого мужчину, готового защищать свою честь.

¹ Хасавюрт – слобода в Терской области (1916 г.).

- Ладно, не обижайся, земляк. Дай Бог, встретимся еще, потолкуем.

Беньягу внимательно выслушал Нуретдина и поблагодарил его. Однако мысли его этим вечером были не здесь. Он в который раз обдумывал текст письма сыну, который уже несколько раз переписывал, недовольный его концовкой.

Через два дня перед вечерней поверкой размышления вновь привели Беньягу в чашу леса. Присев на заваленное ветром полувековое дерево возле русла небольшой обросшей сухостоем речушки, он думал о том, что будет, когда война окончится. Вот он приедет в Мамраш, порадуетя дочери и внукам, внучке, а затем, взяв с собой Мозолут, поедет к своему сыну, невестке и внукам в Маджалис.

«Да, я виноват! Рахамим прав! Конечно прав! Я обязательно повинюсь перед сыном. Сестра и племянники, наверное, растопят непонимание между нами. Семья есть семья. Все будет хорошо!» – размышлял он.

Недалеко за его спиной хрустнула ветка.

«Хасан беспокоится, – подумал Беньягу, – хороший парень, дай Бог ему и его семье благополучия».

Твердые и уверенные шаги приближались.

«Нет, это не Хасан!» – решил мужчина и повернулся в сторону идущего.

Из-за деревьев вышел большого роста человек в форме кавалериста, в руках он держал пистолет.

- Замри, Беньягу! – скомандовал голос. – Подними руки!

Мужчина медленно поднял руки, встал и развернулся, всматриваясь в наступивших сумерках в лицо

приближающегося мужчины в погонах хорунжего. Рослая фигура, походка и голос показались знакомыми.

- Рад тебя снова видеть, Беньягу! – торжествующе улыбался гигант, остановившись в четырех шагах.

Беньягу с тревогой взгляделся в улыбающееся самодовольное лицо, стоявшего перед ним, человека.

- Черный Кунак?! – произнес он.

- Так точно, уважаемый! – ухмылялся бывший абрек. – Брось оружие!

Беньягу снял с плеча и отставил от себя ружье, туда же, вынув из-за пояса, бросил пистолет.

- Что дальше? – спросил он.

- Дальше, я убью тебя, – спокойно произнес Черный Кунак. – Я всегда до конца исполняю порученные мне дела.

Черный Кунак направил пистолет в лицо Беньягу, но отчего-то мешкал с выстрелом.

- Как долго я тебя искал, – произнес убийца.

Беньягу, глядя в лицо смерти, даже и не дрогнул.

Пошло несколько секунд.

-А-а-а-а-а-а-х! – звериным рыком в сердцах зарычал Черный Кунак.

Он отбросил свой пистолет. Ружье тоже полетело в кусты. Взявшись за кинжал и отступив на пару шагов назад, он позвал своего соперника.

- Ну! Один на один! Иди сюда!

Беньягу перепрыгнул через завалинку и, оказавшись напротив противника, также взялся за свой кинжал.

- Ну, что, повторим! – зловеще произнес Черный Кунак.

Мужчины бросились навстречу друг другу.

Жестокий бой на кинжалах длился около двух минут. Черный Кунак хотел вонзить свой кинжал в правую часть живота Беньягу, именно туда, очевидно, куда тот вонзил ему заточку одиннадцать лет назад. Будучи значительно моложе и все еще обладая недюжинной силой, Черный Кунак словно играл с ним, нанося ему, один за другим, глубокие порезы на теле. Беньягу стремительно терял силы, он постоянно опаздывал с ударом и, в конце концов, принял решение рвануться напролом, вложившись в последний бросок.

Это было ошибочное решение. Разгадав его замысел, Черный Кунак увернулся и вонзил кинжал в живот набежавшего на него мужчины и с силой, ослабившись улыбкой победившего зверя, глядя в мутнеющие глаза несчастного, стал задвигать кинжал вверх. В тот же миг Черного Кунака поразила ружейная пуля, размозжив ему полголовы. Убийца успел сделать несколько шагов, прежде чем его огромное тело упало рядом с жертвой.

Встревоженный Хасан, подбежав к другу, склонился над ним. Лес и ближайšie окрестности огласили его крики и рыдания:

- Как же так, как же так, Беньягу! Не умирай, брат!

Хасан, вынув кинжал из живота друга и тщетно пытался остановить вытекающую из огромной раны кровь. Выстрелив вверх, он закричал что было сил, зовя на помощь. Сняв с себя папаху, Хасан сдавил ею место ранения и беспомощно рыдал.

В какой-то момент Хасану показалось, что Беньягу улыбается. Будто он притворялся, а теперь глумится над простодушным поверившем в его смерть другом. Это не

было улыбкой. В бессознательности у мужчины шевелились губы — он что-то нашептывал. Наклонив ухо к лицу Беньягу, Хасан расслышал знакомый ему, не раз исполняемый вместе с ним куплет на джуури:

Тэгъди месох жён бике,
Суьфте вежеим екем,
Хурим чой е-дуй пейле
Бэгъдо сохим возиле.
Возиле, бала, возиле.

(смысловой перевод с джуури)

Не спеши, моя царица –
Право, зря беснуешься,
После выпивки и танцев
Сладостней целуется.

Когда пришла помощь, Беньягу продолжал что-то еле заметно нашептывать, но уже ничего не было слышно. Сослуживцы перевязали ему живот. Когда раненного сняли с рук Хасана и положили на носилки, его губы, неестественно скривившись, замерли. Хасан, опустошенный, закрыл другу глаза.

Убитым в голову хорунжим оказался дезертировавший несколько дней назад из своего подразделения ординарец команды связи 155-го пехотного Кубинского полка 1-го Кавказского армейского корпуса Хайдаров Арсений Михайлович. При тщательном изучении документов,

найденных при убитом, было определено, что они подвергались изменению и фальсификации.

Хоронили Беньягу утром на опушке леса недалеко от расположения полка, рядом с двумя холмиками ранее погибших бойцов. Хасан настоял на захоронении по иудейским правилам, на сколько он имел в них понимание. Присутствовало около тридцати человек: большая часть взвода, которым руководил Беньягу и еще несколько человек из сотни. Из сохранившихся вещей были солдатский георгиевский крест и фотография его сына, на обратной стороне которой карандашом было написано: «село Маджалис». Хасан выпросил у сотника старинный кинжал друга, чтобы лично передать его потомкам убитого.

К удивлению присутствовавших мусульман, и даже Хасана, молитву над могилой, а затем и Кадиш за пределами захоронения произнес ахтынец Нуретдин. Он прочитал древние тексты на иврите и арамейском из небольшой потрепанной и засаленной книжицы, которую у него ни до, ни после этого никто больше не видел. На могиле был установлен найденный неподалеку большой нетесаный камень. Стараниями Хасана и прапорщика Филатова на крышке от ящика с патронами, водруженной возле могильного камня, краской были выписаны знак звезды Давида, имя покойного – Беньягу бен Ильизир, год рождения – 1872 г и дата смерти – 15.10.1916 г.

Список литературы

Горские евреи: История, этнография, культура / Сост. и науч. ред. В. Дымшиц. – Иерусалим: ДААТ; М.: Знание, 1999. – 462 с.

Земля под ногами. Из истории заселения и освоения Эрец Исраэль. Книга 1 / Кандель Ф.С. – М: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 1999. – 396 с.

История и культура горских евреев Кавказа / Научный редактор и составитель доктор Микдаш-Шамаилова Л.А. - Иерусалим: Еврейский Университет в Иерусалиме. Отдел офисных услуг, 2009. – 224 с.

Мудрецы Кавказа. Повествование о мудрецах Кавказа и традиции горских евреев / Адам Давидов. Иерусалим: Издатель Иегуда Якубов, 2004. – 218 с.

Энциклопедия города Дербента / Гусейнов Г. – Махачкала: Издательство «Лотос», 2015. – 575 с.

Эрзерумская операция на кавказском фронте мировой войны в 1915–1916 гг. / Комбриг Н. Корсун. - М.: Государственное военное издательство наркомата обороны Союза ССР, 1938. – 180 с.

Невский, С.А. Закавказская полицейская стража. / С.А. Невский // Административное право и процесс, 2013. - №11. - С. 72-75.

Халидова, М.Р. Исторические предания народов Дагестана о борьбе с Надир-шахом / Халидова М.Р. // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2016. - № 12(66). - Ч. 2. С. 48

Махмудов, М.Г. Участие дагестанских конных полков в Первой мировой войне. Диссертация на соиск. ученой степени канд. ист. наук. - Махачкала, 2000.

Алмазов, И.Г. Абреки Ингушского конного полка Кавказской Туземной конной дивизии, 1916-1917 гг. / И.Г. Алмазов. Государственный архив республики Ингушетия. <http://ingarchive.ru/publikacii/abreki-ingushskogo-konnogo-polka-kavkazs.html> (дата обращения: 07.10.2020)

Суханова, Н.И. Северный Кавказ в условиях Первой мировой войны / Интернет-конференция доктора ист. наук Н. И. Сухановой. legacy.inion.ru/index.php?page%20id=539 (дата обращения: 07.10.2020)

Шалем, Карина. Архивы семьи Ицхаки – частица еще не исследованной истории горских евреев / Карина Шалем. <https://stmegi.com/posts/9432/rav-yaakov-itskhaki/> (дата обращения: 07.10.2020)

Дадашев, Михаил. Русско-татский (горско-еврейский) словарь / Михаил Дадашев. – М.: Собрание, 2006. – 287 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	5
Пролог	15
Глава 1. Геокчай	21
Глава 2. Ильизир и Мехди	25
Глава 3. Соколиная охота	33
Глава 4. Грамота	36
Глава 5. Мустафа и Санайя	47
Глава 6. Черные дни	49
Глава 7. Лахидж	52
Глава 8. Спасение Фаруха	56
Глава 9. Равино	59
Глава 10. Потоп	64
Глава 11. Уста-Курбан	71
Глава 12. Замысел мастера	74
Глава 13. Рахиль и Иосиф	78
Глава 14. Рахамим и Динара	81
Глава 15. Сафар	84
Глава 16. Возмездие	91
Глава 17. Джамаат	95
Глава 18. Арестант	100
Глава 19. Яагу	107
Глава 20. Ночной визит	108
Глава 21. Рассказ Мустафы	114

Глава 22. Бегство	122
Глава 23. Хануко	128
Глава 24. Исроил	135
Глава 25. История Гюршума	139
Глава 26. Предложение	145
Глава 27. Мозолут	148
Глава 28. Евграф Кузьмич	155
Глава 29. Расплата	161
Глава 30. Шакал	168
Глава 31. Секрет Малики	175
Глава 32. Фарух	180
Глава 33. Карим	184
Глава 34. Самооборона	190
Глава 35. Первая победа	195
Глава 36. Асэльтэ	201
Глава 37. Свадьба	210
Глава 38. Маджалис	213
Глава 39. Революция и репатриация	223
Глава 40. Разбой	231
Глава 41. Аника	238
Глава 42. План сопровождения	244
Глава 43. Обоз	252
Глава 44. Банда Нурали	256
Глава 45. Эрец-Исраэль	265
Глава 46. Охрана поселений	272
Глава 47. Берта	281
Глава 48. Га-Шомер	287
Глава 49. История рабби Иляву	292

Глава 50. Возвращение	297
Глава 51. Встреча в горах	307
Глава 52. Рассказ Мансура	315
Глава 53. Кровники	323
Глава 54. Горцы на войне	328
Глава 55. Доброволец	333
Глава 56. Присяга	340
Глава 57. Герой Илиджи	345
Глава 58. Рахамим	354
Глава 59. Последняя встреча	366
Список литературы	373
ОГЛАВЛЕНИЕ	375

Рахмилов Гемриил Исаевич

БЕНЬЯГУ

Книга 1 серии «Горские евреи»

Издательство

Литературного объединения

горских евреев России

Москва – 2021 год

ISBN.....

Отпечато в

.....

.....

Подписано в печать Формат

Бумага офсетная..... Тираж..... Заказ.....